

Варвара Болондаева

Тамплиеры²

Книга вторая
СЛЕД ВАРАНА

Автор идеи
Константин Рыков

ЭТНОГЕНЕЗ

Издательско-торговый дом
«Этногенез»
Москва, 2012

ПОПУЛЯРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

ООО
«Популярная литература»
Москва, 2012

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б17

Книга издана при поддержке Newmedia Stars

Болондаева, В.

Б17 Тамплиеры 2. Книга вторая: След варана / Варвара Болондаева — М.: Издательско-торговый дом «Этногенез», 2012. — 272 с.

Конец XI века. Католическая церковь благословляет Первый Крестовый поход. Тысячи европейцев отправляются на Восток. Среди них молодой и набожный рыцарь Гуго де Пейен, горящий желанием освободить от неверных Гроб Господень. Но человеческая натура берет верх, и религиозные порывы сменяются людскими страстями. Жажда наживы, борьба за власть, неслыханная жестокость и реки крови — таков результат пришествия крестоносцев на Святую Землю.

В темных недрах Храмовой горы Гуго де Пейен и его приближенные обнаруживают загадочные предметы, значение которых им только предстоит узнать. Именно эти находки способствуют основанию одного из самых таинственных рыцарских Орденов.

Путь крестоносцев к могуществу усеян смертями и проклятиями, и некоторым из них суждено сбыться.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б17

ISBN 978-5-904454-73-9

© Рыков К., 2012
© Болондаева В., 2012
© Издательско-торговый дом «Этногенез», 2012

Что такое «Этногенез»?

Сериал «Этногенез» представляет собой литературную версию эволюции человечества.

С помощью магических артефактов (небольших фигурок из неизвестного металла) люди получают возможность влиять на ход исторических процессов.

Завладев одним из предметов, человек, в зависимости от конкретного свойства фигурки, может стать бессмертным, невидимым, понимать все языки мира, проходить через стены, видеть будущее...

Отличительный признак владельца предмета — разноцветные глаза (зеленый и голубой). Именно эта особенность позволяет людям, причастным к магическим фигуркам, узнавать друг друга.

Существуют целые сообщества людей, ставящих своей целью сбор предметов и контроль над ними — Хранители. Духовные ордена, масонские ложи, криминальные группировки — любые организации могут быть для них прикрытием.

Для сбора предметов Хранители прибегают к помощи Охотников — людей, способных находить магические артефакты.

Действие литературного сериала «Этногенез» происходит в самых разных местах и эпохах. Для перемещения сквозь пространство и время герои используют линзы — особые порталы, история создания которых, точное количество и места расположения до конца неизвестны.

Все книги проекта связаны между собой. Собранные воедино, они раскрывают перед читателем захватывающую картину человеческой истории.

ПРОЛОГ

Недобрый XI век расколол Европу как удар топора. Пропасть, разделившая Восточную и Западную её части, оказалась глубже и непреодолимее всех границ. А распри — непримиримее и жестче.

Движимый жаждой власти римский папа Лев IX отказался подчиняться патриарху. Неслыханный бунтарский шаг. Доселе неделимый христианский мир распался на Католическую и Православную Церкви, а византийский патриарх и римский папа предали анафеме друг друга.

Но это была не единственная беда Византии. Как прожорливая саранча, с Востока напирали турки-сельджуки. И вот уже земли по ту сторону Босфора покрылись пылью от копыт лошадей — турки не любили жеребцов и ездили на послушных кобылах. Колыбель христианства, сказочно богатая древняя Анатолия отныне стала турецкой землей.

Отчаявшийся византийский император Алексей I не нашел другого выхода, как просить помощи у западных братьев. Но безопаснее было поручить лисам стеречь цыплят, Дон Жуана сторожить гарем, а медведям — охранять ульи. Увы, на бывшие земли восточных христиан римский папа имел свои виды. Понтифик Урбан II благословил поход на Восток, который позже нарекли Первым Крестовым. Поход против мусульман, захвативших святыне для христиан земли.

Как крошечные ручейки стекаются в одну бурную реку, так из разношерстных толп слилась неуправляемая орда, где

каждый был сам себе начальником и командиром. Суровые скандинавы-норманны, французы и фламандцы, расчетливые генуэзцы и веселые итальянцы. Как волки на запах добычи и крови, из лесов вышли полудикие германские племена. Благородные рыцари на роскошных конях и темная беднота в лохмотьях, простолюдины-тафюры, вооруженные монахи и каторжане, ремесленники и крестьяне, старики и юнцы, жены с детьми, монахини и проститутки, девицы целомудренные и потерявшие честь — всех роднило одно — нашитые на одежду кресты и фанатичная вера. Кто-то шел вслед за епископом или вассалом, кто-то за «божественно озаренным гусем», кто-то за бродягой Пустынником Пьером. Немало было и таких, что шли за его, Пьера, старым тощим ослом. Кстати, выючную скотину тоже объявили святой. Шли к горнему граду Иерусалиму, отмеченному на любой карте, как желанный центр Земли.

Толкаясь и ссорясь между собой, наперегонки, разрозненные толпы крестоносцев двинулись на юго-восток. Ох, досталось тогда и самой матушке-Европе! Сотни тысяч ног сровняли с землей пашни, посевы, деревни. Несчастный Белград разграбили и сожгли, как разоряли городки поменьше. А в местечке Сэмлин из-за пары сапог крестоносцы передрались между собой. Четыре тысячи человек с нашитыми на плечах крестами вперемешку с жителями городка остались лежать — бесславно и глупо, так и не увидев, как встает солнце по ту сторону Босфора.

Босфор первыми пересек отряд бедноты во главе с красноречивым Пустынником Пьером и бедным, как церковная мышь, рыцарем Безгрошовым Вальтером. В дешевых башмаках, а то и босиком, на телегах, груженных хламом и плачущими малышами, с кольями и крестами, ржавыми тупыми мечами и пальмовыми ветвями в руках. Голодные, оборванные, с диким блеском в глазах, жаждущие подвигов и наживы. Сколько было их? Знает только Всевышний. Может, тридцать тысяч,

а может быть — триста. Напрасно умирал их Пьер и призывал к порядку. Толпа бросилась истязать местных жителей, насиловать и грабить. Детей рубили на части, стариков душили и развешивали на ветвях на манер убранства рождественских елок, женщинам отсекали грудь и вырезали чрева. Если бы вы оказались там, то оглохли бы от криков и плача. Но, похоже, молитвы несчастных оказались сильнее, и Небеса вмешались. Вся оголтелая, пьяная от крови и вина армия бедноты попала вскоре в ловушку. Сельджуки подстерегли их в ущелье и расстреляли из луков. Один только рыцарь Безгрошовый Вальтер поймал своей грудью семь стрел — острых, как шипы акаций. А те, кто избежали стрелы, наткнулись на кривые сабли и копья.

Сколько погибло их? Знает только Всевышний. И храбрый Реджинальд Бройс, и добрый Фалькер де Оръенс — из трупов армии бедноты свалили холм. Нет, не холм, а высокую гору. Смрад от гниющих тел чувствовался за километры. Нищие пилигримы и при жизни не очень-то приятно пахли, теперь же вблизи их тел можно было потерять рассудок. Говорят, во всей Анатолии самые жирные шакалы и грифы с тех пор встречаются именно там, в «долине Дракона» между Циботусом и Никеей.

Еще печальнее оказалась судьба германцев. Их не спасли ни амулеты, ни дикий разбойничий нрав. На пути трехтысячного отряда германцев оказалась крепость Ксеригордон — легкая с виду добыча. Легкая, как червячок на крючке для подплывшей голодной рыбы. И германцы проглотили наживку. Они без труда перебили турецкий гарнизон и накрепко заперлись изнутри. Но вот беда, все колодцы остались снаружи — там, куда стянулись турецкие войска. Под нещадным азиатским солнцем крестоносцы неделю пили кровь из вен своих лошадей и жижу из канализационных сливов. В обмен на воду и жизнь германцам предложили сдаться. Те подумали — и согласились.

Все германское войско отрелось от Христа, сдалось и приняло мусульманство, а затем с позором окончило свой путь на турецких невольничьих рынках.

Тем временем пора бедноты прошла, и на азиатский берег Босфора высадились блистательные отряды баронов и принцев: Раймонд Тулузский, Готфрид и Балдуин Бульонские, Роберт Фландрский и Роберт Нормандский, князь Боэмунд и множество других благородных мужей, закаленных в походах. В богатых доспехах, в окружении оруженосцев и слуг, на боевых жеребцах норманнских кровей — ширококостных и невысоких — на анатолийскую землю ступили рыцарские войска. Роскошный поход дворянства. Первый крестовый поход свернул в новое русло. Один за другим пали турецкие города — Антиохия, Никея. Вместе с ними, как напившиеся кровью клещи, отпадали насытившиеся войной и разбогатевшие дворяне.

Но вот беда, из всей армады немногая часть еще помнила о цели похода. Где-то там, далеко, под палящим солнцем пустыни лежал святой город. Гроб Господень, Иерусалим оставались в руках мавров-арабов. Оставшихся верными своей цели ждал долгий мучительный путь, словно по раскаленным камням ада. Рыцари, слуги и кони сотнями умирали от жажды. Доспехи и телеги, груженные оружием и награбленным добром, попросту бросались вдоль дороги. Ноги стирались до мяса, руки не слушались и отказывались держать щиты и мечи, плечи гнулись под тяжестью доспехов. Благородные рыцари, которым позорно быть без коней, ловили ослов и мулов, чтобы наречь их боевыми конями. Говорят, даже коз, собак и свиней заставляли тащить грузы. Глоток воды стоил тогда дороже золотого кувшина.

И вот, на рассвете 7 июня 1099 г. крестоносцы подступили к Иерусалиму. Непрístupные стены Святого города, окруженные рвами, они увидели с вершины холма, который с тех пор прозвали Горой радости — Монжуа. Те, кто дошел, плакали и целовали камни.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СОН БРАТА СЕЗАРА

Сквозь полотняный занавес походного шатра сочилась голубоватая дымка, что бывает на Святой Земле перед рассветом — время, когда все вокруг прозрачно, лениво и сонно. Небо — бездонная лазурь с подпалиной на востоке, бессовестно чистое небо — ни облачка за июнь, все еще было усеяно тяжелыми звездами, а вершины холмов и пики минаретов за городской стеной уже золотились солнцем.

Брат Сезар сладко ворочался на своем тощем тюфяке, набитом затхлой соломой. Подушкой ему служил шерстяной свернутый плед — единственное, что он прихватил из Маарры.

Блаженная улыбка гуляла по приоткрытым губам, а щеки пылали румянцем. По тому, как под закрытыми веками подрагивали и бегали глазные яблоки, нетрудно было догадаться, что Сезар видит сон, и сон ему очень приятен. Брату Сезару снилась кузина Иветт, в том возрасте, когда Сезар — до пострига его звали Жан-Жаком, вслед за бродячим монахом убежал из родного дома. Снилось, что кузина Иветт раскачивалась на качелях — так высоко, что ветер трепал её нижнюю юбку, хохотала, болтала пятками и звала к себе, а Сезар краснел и стеснялся.

— Кузен Жан-Жак... — Иветт прыгнула с качелей и подошла вплотную, так что её дыхание щекотало ухо: — Кузен Жак-Жак, взрослых нет дома...

— ...хозяина нет дома! — золотые кудри Иветт вдруг потемнели и свились в косы вокруг головы, перевитые жемчужной нитью. — О, нет! Господин, пощадите!

Брат Сезар в своем беспокойном сне отшатнулся, и вот уже вместо кузины Иветт перед ним стояла турчанка из того дома в Маарре — такая же юная, лет пятнадцати, и прикрывалась руками. Жгуче яркое зрелище! Проклятье Маарры, ненасытный суккуб, отныне по ночам проверявший на прочность целомудрие брата Сезара, особенно если монашек перед сном сытно покушал. И если бы через полвека на смертном одре вы спросили брата Сезара, что он помнит о Святой Земле — первым бы в седой голове всплыл этот волнительный образ.

Полгода назад, в ноябре, монахи-бенедиктинцы Желонского монастыря штурмовали дом богатого сельджука в Маарре. Самым сложным было выломать окованную железом дверь, а зачистить дом от жен и детей оказалось проще простого. Мужчины — все, кто мог держать лук или меч, сражались на городских стенах. Никем не сдерживаемый брат Сезар забежал на второй этаж, потом дальше — вдоль резной балюстрады. Справа была хлипкая ажурная дверь с кисейной цветной занавеской — монах с размаху врезался в нее плечом — дверь скрипнула и распахнулась.

— Сизе не лязым? (Что вам нужно?)

Через комнату, залитую золотистым от цветных витражей светом, метнулась светлая тень. Вместо свирепого мавра или хитрого головореза-сельджука пред опьяневшим от крови крестоносцем дрожала молоденькая девушка — наложница или жена неизвестного господина. Теперь испугаться пришлось Сезару. Так близко полуобнаженное женское тело монах видел в первый и единственный раз. Там, где упругую плоть

не скрывал легкий шелк, белела алебастровая кожа. Темный глубокий пупок с гранатовой каплей-сережкой. Резкий изгиб бедра, голые коленки в прорезях шаровар. Маленькие дерзкие груди, рвущиеся вперед из-под прозрачной рубахи, тонкие щиколотки, запястья в браслетах, босые изящные ноги...

— Эй, Сезар, что застыл?

Брат Дьедоне оттолкнул Сезара и полоснул мечом чуть выше маленьких грудей. Турчанка вскрикнула и осела. Из широкого разреза забила кровь, пульсируя и делая непрозрачной рубаху.

— Режь подстилку сельджуков! — Дьедоне сапогом толкнул одалиску в грудь, чтобы опрокинуть навзничь, вертикально воткнул меч и навалился всем телом.

— Не помнишь?! Долгий взгляд на женское тело ведет твою душу в ад!

Под мечом что-то хрустнуло и захрипело. Не дожидаясь, пока бьющаяся в судорогах турчанка затихнет, брат Дьедоне вырвал диамантовые серьги из ушей и стянул с тонких пальцев перстни. По количеству украшений на девушке было видно, кто в доме сельджука был «любимой женой».

— Что стоишь? Прибей четки на дверь, сюда уже сунулись иоанниты.

Брат Дьедоне рывком выдернул из агонизирующего тела меч и бросился дальше. Откуда-то из-за стены раздался женский визг, плач ребенка, потом нечеловеческий крик и через минуту все замолкло.

Во сне рана турчанки совсем зажила. Она вилась тонкой коралловой нитью, а уродливого кровавого разреза в груди словно и не бывало.

— Брат Сезар, брат Сезар, — шептала турчанка голосом кухни Иветт и подходила все ближе. — Брат Сезар, торопись, хозяина нет дома!

Пахло померанцем и молоком, горячее дыхание обжигало, и брат Сезар все сильнее искушался.

— Ну, так, что? Слаб человек, — успокаивал Сезар сам себя, поддаваясь запретной страсти. — Упал один раз — и поднялся.

Турчанка из сна плавно изгибала стан, и монеты на поясе её шаровар быстро и мелко звенели:

— Иди ко мне, брат Сезар! Крестовый поход искупит все прегрешения!

Все ухнуло в горячую темноту, качнулось, поплыло, и брат Сезар провалился в объятия турчанки.

— Крестовый поход искупит все прегрешения! — лицо соблазнительницы вдруг вытянулось и покрылось рвами морщин и пегой седой щетиной. Вместо юной одалиски перед ним возник епископ Адемар Монтейльский, представившийся год назад в Антиохии от сыпного тифа. Его преосвященство сиял, а белые одежды развеивал ветер.

— Ах ты, блудник! — он топнул ногой и замахнулся своей знаменитой боевой дубинкой — убивать неверных настоящим оружием ему не позволял священнический сан: — Frater Сезар, ты позабыл для чего здесь?

От этого возгласа брат Сезар проснулся. Полоса солнечного света пробивалась сквозь занавес. За стеной шатра бряцали доспехи, блеяли овцы, кудахтали куры, и детский плач раздавался где-то рядом. Две недели назад, семнадцатого июня в Яффу прибыло шесть генуэзских судов с провиантом, и голод, терзавший крестоносцев с весны, отступил на короткое время. Вместе с провиантом в палестинскую глушь прибыли материалы и инструменты для строительства осадных орудий, оружие, дротики для баллист и болты для арбалетов, а главное — генуэзские плотники и инженеры. Их доставил в лагерь отряд из трехсот человек, под командованием Раймунда Пеле, отбивая по дороге нападки мавров. А также в целости и сохранности был привезен подарок византийского императора Алексия — чертежи осадных башен, по которым незамедлительно началось строительство. Работы для всех хватало.

Брат Сезар пошевелил губами, вспоминая обрывки приятного сна, и его лицо вдруг озарилось улыбкой. Он подскочил на тюфяке, яростно почесал искусанные блохами и вшами бока — слава Богу, ни одна из них не оказалась тифозной — именно вши не так давно отправили тысячи крестоносцев на тот свет. С криком:

— Радуйтесь, мне приснился епископ! — Сезар побежал к выходу, спотыкаясь о лежавших на полу братьев.

Весть о чудесном сне брата Сезара полетела от стоянки к стоянке. «Поддержка бедных, советник богатых» — пусть бестелесный, папский легат епископ Адемар де Монтейль был снова с войсками. А уже к полудню войсковой капеллан отец Раймунд Ажилский — тот самый, кто жаловался, что в Маарре турки бедны и их приходится долго мучить, в сопровождении счастливого брата Сезара стоял перед резиденцией предводителя южного лагеря крестоносцев.

Поднявшееся в зенит солнце утратило нежность и нестерпимо жгло, делая не раз обгоревшую кожу смуглой, как у сарацинов. Горячий воздух, нагретый от раскаленной земли, плавился и рябил, предметы в округе походили на миражи. Под заскорузлой от грязи монашеской робой ручейками тек пот, а укусы вездесущих вшей нещадно зудели. Кожаные тапочки то и дело скользили на камнях — идти нужно было в гору. Южный лагерь, под предводительством Раймунда Тулузского, раскинулся на горе Сион — полтысячи рыцарей на конях и до пяти тысяч пеших. Сам одноглазый граф Раймунд располагался с семьей в захваченном особняке рядом с церковью Пресвятой Девы. Говорят, до него там жил византийский священник-монах с матерью и сестрой. Но мало ли, до чего могут дойти хитрые сарацины! Человек в черной ризе с крестом на груди и женщины с ним были усечены мечом и свалены в яму за храмом. Туда же стянули убитых певчих и слуг, которые зачем-то перед смертью зывали к Деве Марии: «Парфенос! Теотокос Мариа!»¹

¹ Дева! Богородица Мария! (греч.)

Вряд ли кто-нибудь из фанатичных французов в совершенстве знал византийский язык, а на раздумья не было времени — враг мог таиться за любым углом, в любом облике. Урбан II благословил убивать всех по ту сторону пролива Босфор.

Брат Сезар с капелланом остановились у дверей особняка, тяжело дыша и вытирая с лица мутные разводы пота. Язык прилипал к небу, а в горле застрял ком — воду выдавали по два-три стакана на день, а иногда всего по стакану. Страшно хотелось пить. Сорокоградусная жара убивала не хуже стрел сарацинов. Все помнят тот страшный день перехода по Фригийской пустыне, когда за сутки жара унесла жизни пятисот человек.

У входа в дом стояли стражники — два рыцаря, несмотря на палящее солнце облаченные в тяжелые доспехи. Чуть дальше, у коновязи, отдыхало еще несколько групп рыцарей в кольчугах и столько же вооруженных слуг. По чужим штандартам в руках знаменосцев можно было предположить, что у графа сегодня гости. Брат Сезар присмирел. Так близко к аристократам он оказался впервые. Вышедший из дверей рыцарь поклонился и кивнул в сторону дома:

— Я — шевалье Гуго де Пейен. Господин граф Раймунд изволит принять вас.

Брат Сезар совсем засмутился. Стесняясь своих включенных, забитых грязью волос и вонючей изодранной робы, он проследовал за рыцарем, кланяясь всем встречным.

Граф Раймунд сидел за столом, сколоченным из грубых досок и накрытым простой серпянкой. В зале и вправду находились гости. За столом присутствовали: незнакомый епископ и, как всегда великолепный, несмотря на усталость, Готфрид — герцог Лотарингии, он же граф де Бульон. Отряд Готфрида Бульонского укрепился напротив башни Давида и Яффских ворот — тех самых, через которые сотни лет с пальмовыми ветвями в руках свободно шли христиане. Сейчас же, из-за рвения крестоносцев, город был закрыт и укреплен.

Рыжебородый Готфрид приехал не один. За спиной герцога, бросая на Раймунда дерзкие взгляды, как тигр в клетке ходил сам Танкред — один из первых рыцарей, кто без ханжества и фальши дал понять, что его интересует только власть и нажива.

Вряд ли находился человек, кто в присутствии Танкреда де Отвиля чувствовал себя хорошо. Сельджуки считали, что в нем сидит шайтан, и возможно, были правы. Не было в Крестовых походах другой руки, что пролила больше крови, чем рука де Отвиля. Танкред убивал — убивал всех: турок, арабов, евреев, резал крестьян-христиан. Без разбору — мужчин, женщин, подростков или грудных детей. Говорят, в дни, когда не случалось убить человека, Танкред становился мрачен и зол. Современники считали его героем, ну, и разве что — наглецом. Это был тот самый Танкред, чей отряд разорил Вифлием и Тарс, тот самый Танкред, кто догнал, и за шиворот приволок обратно, дезертировавшего Пустынника Пьера. Тот самый Танкред — «именитый мужлан» как прозвали его византийцы, который нагло присел отдохнуть на трон императора Алексия. Тот самый, что с разгону атаковал Иерусалим, имея всего одну лестницу из осадных орудий. Тот самый, кто был в центре скандалов и бросил Раймонда, потому что граф де Бульон больше заплатил. Да, глава профессионального отряда — пятьсот рыцарей, не считая слуг, с именем Христа на губах торговал своей помощью.

В конце концов, он был племянником Боэдмунда Тарентского, с которым Раймунд ска открыто враждовал из-за завоеванных земель. Кстати сам князь Боэдмунд давно утратил интерес к главной цели похода и развернул свое войско.

Оттого Раймунд Тулузский исподлобья поглядывал на Танкреда.

Несмотря на то, что была пятница, постный день, на столе лежало жареное мясо и сыр. Рыцари заботились о своих силах. Лишь епископы скромно ели финики и хлеб с оливковым маслом.

— Положение критично. Египетский флот разбил генуэзцев. Прорвалось только шесть кораблей — и всё! Порт блокирован, помощи больше не будет.

— Если затягивать осаду, жара и болезни расправятся с нами раньше копий сельджуков. И да поможет нам Бог!

— В городе не сельджуки, — раздраженно поправил Танкред. — Если бы мы не тянули, то год назад Иерусалим стал бы для нас легкой добычей. Сейчас Гроб Господень держат в своих руках фатимиды — грязные мавры, разрази их Господь. И это вам не степная свора турок-сельджуков, а настоящая мощь.

— Да, мессирь, — грустно добавил Готфрид Бульонский, — упаси нас Господь, но сведения, что из Египта движется армия фатимидов, снова подтверждены. Мы пытали двух пленных мавров, и они сознались во всем. Халифат не сдаст нам город, оттого эмир держится так хорошо.

— Эмир Ифтикар эд-Даула держится так хорошо, потому что водохранилища в городе наполнены до краев, а житницы ломаются от припасов. У них есть еда и питье. А мы еще до прихода мавров высохнем, как мумии из гробниц. Я не святая Мария Египетская — Танкред возвел глаза к потолку и перекрестился, — чтобы питаться три года одной лепешкой.

— Сеньор Танкред, — граф Раймунд сухо усмехнулся в бородку, — что с колодцем в долине? Кто именно там — сарацины-мавры? Сельджуки? Мои люди ходят за десять верст, чтобы принести воды. Мы всех быков извели на шкуры, чтобы пошить бурдюки...

Танкред на мгновение вспыхнул, и его щека задрожала. Несколько колодцев в долине были либо испорчены, либо укреплены и ожесточенно охранялись маврами, отбить их крестоносцам не удавалось.

— Нельзя больше ждать, — Танкред шагнул к столу и ударил по нему ладонью, — только за вчерашний день от кровавого поноса я потерял пять человек.

— Танкред прав, — отозвался Готфрид Бульонский. — Мы же не хотим, чтобы простолюдины снова стали есть мясо людей.

— Я не вижу ничего плохого в том, что некоторые крестоносцы ели мясо неверных. Они — наши солдаты и должны быть сильны. В отличие от германцев, что жрали нечистых собак и пили мочу из стоков.

— У меня за неделю умерло полсотни человек, упокой Святой Господь их бедные души. — Раймунд Тулузский осенил грудь крестом. — Но строительство осадных башен еще не закончено. Инструментов, прибывших на кораблях, удручающе мало. Думаю, сами корабли придется пустить на постройку берфруа¹. Иначе нас ждет провал, как и при первой атаке. С нами Господь, но и Он не даст нашим коням крылья, чтобы перелететь через городские стены и ров.

— Кстати, стоит попытаться этот ров засыпать, иначе осадные башни не подогнать.

— Да, это верно.

— Дух войска падает, господа. Мне уже приходится вешать дезертиров.

— Ха, еще немного и мне придется снова ловить по всей пустыне кукушек, — засмеялся Танкред. Безусловно, он намекал на Пустынника Пьера. Кукушкой его прозвала византийская принцесса Анна.

— Решением Клермонского собора всякого, кто решит повернуть назад, убежать и больше не пытаться освободить Гроб Господень, постигнет анафема и отлучение от Католической церкви, — впервые в разговор вмешался епископ. — Господин граф Раймунд, говорят, в Вашем лагере произошло чудо?

— Ваше преосвященство, извольте...

Тут всеобщее внимание, наконец, переключилось к мямлевшему в дверях брату Сезару.

¹ Осадные башни (фр.)

— Frater Сезар, подойдите. — Епископ поманил пальцем: — Вероятно, Вы столь благочестивы, богобоязненны и чисты, что Всеблагой Господь избрал Вас для откровения свыше.

Брат Сезар поспешно закивал головой. Только сейчас он догадался, что перед ним Пьер Нарбоннский — епископ Альбары.

— Frater Сезар, правда ли, что этой ночью к Вам явился епископ Ле-Пюи Адемар де Монтейль? Упокой Господь его душу в обителях Своих со всеми святыми.

Все присутствующие опустили голову и скорбно перекрестились.

— Правда, Ваше преосвященство, правда.

— Вот видите, господа, благословение Божие со всеми нами. Frater Сезар, поведайте благочестивым мессирам, как и когда случился Ваш сон?

Брат Сезар вышел вперед, от волнения подергивая взъерошенной головой, которую он склонил набок.

— Д-да, господа, случилось...

Похотливое видение юной турчанки в мозгу брата Сезара вмиг улетучилось, как исчезает туман, стоит пригреть солнцу. Вместо него мысли все больше заполнял образ покойного Адемара. Умерший епископ сиял всё ярче, а белые его одежды заполняли горизонт. Он милостиво улыбался монаху и указывал дубинкой на Иерусалим. От этого торжественным трепетанием и необъяснимым восторгом наполнялось сердце, и с каждой секундой брат Сезар сам все больше верил в то, что он избран и благочестив.

— Да, да! Его преосвященство, наш возлюбленный епископ Адемар де Монтейль, сегодня снизошел до моих снов.

— Ну? — нетерпеливо переспросил Танкред.

— Что он говорил Вам? — ласково добавил священник.

— Он говорил... Он говорил: «Брат Сезар, ты забыл для чего здесь?»

— Вот видите, господа, — Танкред опять взвился и заходил вдоль стола. — Сами небеса напоминают вам. Чтоб я, как

сельджук, ездил всю жизнь на кобылах! Нужно наступать — немедленно и сейчас же!

— Сейчас наступать нельзя, башни еще не готовы, — Раймунд Тулузский покачал головой: — Брат Сезар, может его преосвященство, еще что-то указал Вам? Ну, дату штурма... чудесный путь избавления?

Врожденная проницательность быстро подсказала Сезару, что каждый хочет слышать от него. Танкреда Таренского он боялся, а графу Тулузскому верно служил.

— Его преосвященство епископ Адемар де Монтейль, — смиренно добавил брат Сезар, — призывал к воздержанию плоти, чтобы дух был трезв.

— Вот именно! — взволновался епископ Пьер и вскочил из-за стола: — Мы должны уподобиться царю Ираклию! Этот доблестный воин постился, чтобы победить нечестивого князя Хозроя — и победил!

Он сгреб финики из плоской чаши, подошел к брату Сезару, высыпал ему в ладони и благословил:

— Иди, сын мой, проповедуй народу, что мой предшественник, легат папы, епископ Адемар де Монтейль, заступник бедных и советчик богатых, и после смерти ведет нас. Что его преосвященство вновь с нами и призывает к посту. Будем бдеть неделю. Нет, дольше — дней девять! — архиепископ обернулся к военачальникам и поклонился. — Молебны, молитвы и по окончании совершим крестный ход! Да будет так. Amen, господа!

— Господин де Пейен, — священник повернулся к стоящему позади рыцарю Гуго де Пейену, — проводите этого благочестивого монаха и прикажите ему дать вина. И... frater Сезар, побрейте свою тонзуру¹. А то вы стали походить на мирского бродягу.

Рыцарь и монах удалились.

¹ Тонзура (лат.) — выбритое на макушке место у католических духовных лиц как знак духовного звания.

Епископ благостно посмотрел им вслед и его глаза увлажнились:

— Как радостно видеть, сеньоры, искреннюю веру в сердцах. Взгляните на этих двоих... Особенно, шевалье Гуго де Пейен. Сей благодетельный муж есть истинный образец рыцарства и подлинной веры. Бедность рода его полностью искуплена храбростью и честью. И... мнится мне, господа, что он еще прославит свое доброе имя.

После этого лирического отступления было принято решение собрать общий военный совет. Были посланы гонцы с приглашениями к Роберту Нормандскому, чье войско разбило лагерь с северной стороны около церкви Святого Стефана и к Роберту Фландрскому, расположившемуся с армией к востоку от Иерусалимских стен.

ГЛАВА ВТОРАЯ

В ЛАГЕРЕ

Шевалье Гуго де Пейен, «образец рыцарства и подлинной веры», как назвал его епископ Пьер Нарбоннский, вывел монаха Сезара и передал графским слугам, распорядившись выдать вина. Пока они шли по дому, на лестнице, ведущей на второй этаж, мелькнуло белое платье. Граф Раймунд, недавно женившийся в третий раз, путешествовал со своей новоиспеченной супругой — Эльвирой Кастильской, внебрачной дочерью короля Альфонсо. Может, стареющий граф навсегда хотел обосноваться в новых землях, а, может, попросту не смог вырваться из жарких объятий молоденькой новобрачной, но Эльвиру он прихватил с собой. Рискованное решение. Впрочем, граф Раймунд знал, на что шел. Он уже побывал паломником в Иерусалиме четверть века назад, когда лишился одного глаза. Как написали потом летописцы Айястана в своих хрониках — «тачки выкололи в Ершалемаиме глаз князю Жинчилю...»

Гуго вышел на улицу и зажмурился от яркого солнца. Обдало жаром от горячих камней, и кольчуга в момент нагрелась. Де Пейен подошел к коновязи и похлопал по шее своего жеребца. Вороному, как смола, нормандцу иерусалимская жара тоже была в тягость. Не спасала даже белая попона с нашитым красным крестом. Мистраль¹, так звали коня, прошел весь путь

¹ Мистраль (провансал. — «руководящий ветер») — сильный, порывистый сухой ветер в Лионском заливе.

от родной Шампани до Иерусалима. Не всякий рыцарь мог похвастаться тем, что сберег боевого друга за три года похода. Большинство давно ездили на легких турецких скакунах и выносливых берберийских. А немало было и тех, кто пересел на простых ослов и местных крестьянских мулов. Впрочем, обычных верховых лошадей, на которых приходилось ездить во время переходов, Гуго и сам сменил за это время не меньше десятка. Двух из них он загнал, троих пустили на мясо, одну во время охоты покалечил лев, остальные пали от ран и истощения. Но боевой рыцарский конь — это святыня и немалый вложенный капитал. Таких седлали только для турниров, парадов и сражений. За пятилетнего Мистраля Гуго отдал восемьдесят золотых безантов — почти двухлетний доход его небольшого поместья. А боевые жеребцы принцев Готфрида Бульонского и Роберта Нормандского, говорят, стоили в три раза дороже.

Гуго пошарил в кармане и протянул Мистралю сухой финик. Бархатные влажные губы мягко схватили сладость с ладони. Трудно было поверить, что в сражениях с этих губ летели клочья пены, окрашенные кровью врагов — как хороший боевой конь, Мистраль был обучен кусаться. Жеребец фыркнул и закивал, выпрашивая добавки. На потертом оголовье был завязан выцветший грязно-серый узелок, бывший когда-то алой лентой. У Гуго сжалось сердце. Эту ленту на уздечку завязал Тибо, его сын, провожая в дальние страны.

— Тоскуешь по дому? — Окликнул знакомый голос, и на плечо шевалье легла чья-то рука.

Гуго обернулся. Перед ним стоял рыцарь Годфруа де Сент-Омер, сын шательена из Сент-Омера. Он приходился дальним родственником семье де Пейен, но главное не это. Подобное притягивает подобное, и за время похода отличавшиеся набожностью и благочестием рыцари очень сдружились. Более того, оба воевали под штандартом графа Этьена де Блуа и сегодня сопровождали его к графу Раймунду.

— Да, сеньор Годфруа.

Гуго поскреб ногтями шкуру коня:

— Смотри, у Мистраля появились седые волосы в гриве. Ему уже девять. Столько же, сколько моему сыну Тибо. Смогу ли я узнать сына, когда... если вернусь домой?

— Вернешься! Главное, — подмигнул Годфруа, — нам узнать своих женщин. Пойдем, расскажешь про этого монашка. К нему, правда, пришел Адемар?

Бароны вышли от Раймонда Тулузского, когда солнце коснулось холмов, и жара спала. А вечереет в Святой Земле быстро. Солнце на глазах ныряет за горизонт и вокруг стремительно темнеет.

К своему лагерю Готфрид Бульонский со свитой, в числе которой был граф Этьен де Блуа с вассалами Гуго де Пейеном и Годфруа де Сент-Омером, подъехал уже в полной темноте.

Гуго получил разрешение идти отдыхать.

Где-то кричала сова, и жалобно таякали шакалы. Сразу ударило в нос запахом нечистот, грязной одежды и немытого тела. Залаяли собаки. Тут и там потрескивали и дымили костры, хватывая красным светом уставшие изможденные лица. Кто-то густым приятным баритоном пел:

Горный король на далеком пути,
Скучно в чужой стороне,
Деву-красавицу хочет найти,
Ты не вернешься ко мне.

Видит усадьбу на мшистой горе,
Скучно в чужой стороне,
Кирстен-малютка стоит во дворе
Ты не вернешься ко мне.¹

¹ Скандинавская песня. Перевод К. Бальмонта.

— Эй, бездельник! — раздалось из темноты откуда-то слева. — Помяни слова святого псалмопевца Давида: «*Posui ori meo custodiam*» — «Я удерживал свой язык, чтобы не произносить дурного».

Густой приятный голос затих. И через несколько мгновений кто-то прокашлялся, взял первые ноты, и люди у костра нестройным хором затянули псалом:

Venite, exultemus Domino...

Мистраль шел осторожно, чтобы не споткнуться о камни и спящие на земле тела. Гуго отпустил поводья, и жеребец сам отыскал их стоянку. Крестоносец спешился и передал коня оруженосцу-сквайру. Роже, так звали подручного, ловко расседлал лошадь, накинул веревочный недоуздок и увел утомленное дневным зноем животное куда-то в темноту. Немного похолодало.

Гуго вспомнил, как выезжал из родного замка Пейен. Три года назад, осенью 1096 года от Рождества Христова. На поход его благословил сюзерен граф Гуго Шампанский. Сам граф почему-то отказался от миража далеких Палестин и штурма Гроба Господня, однако приказал выступить под начальством своего брата — пфальцграфа Шампани Этьена де Блуа, которому Гуго де Пейен тоже присягнул на верность.

Зрел виноград, и рыжела листва буков. Тогда с ним был отряд из двух обозов, груженных продовольствием, оружием, всяческим барахлом и даже клетками с двумя соколами. Еще полсотни ездовых и вьючных лошадей, не считая боевого Мистраля, свора охотничьих собак и двадцать человек подчиненных — сквайры, лучники, сокольничий и вооруженные сервы-крестьяне¹. Были еще две воодушевленные набожные девицы, которые вызвались кашеварить и перевязывать раны. Но через

¹ Сервы (*фр. serf от лат. servus — рабы*) — крепостные, слуги имевшие феодальную зависимость — фактически рабы.

неделю пути они почему-то смутились и благоразумно отстали. Возможно, Господь вразумил их, и они сделали правильный выбор. Гуго не раз видел несчастных забеременевших женщин, которые разрешались в пути. Особенно страшным это было в крошечном аде Фригийской пустыни. Одни рожали прямо на дороге, на глазах у мужчин, корчась в судорогах, потеряв стыд от боли, и затихали навсегда в крови и водах рядом с новорожденным, другие матери, не в силах дальше нести, бросали детей умирать под палящим солнцем. Вся дорога была усеяна телами стариков, женщин, детей. Да что там! Сколько сильных мужчин — рыцарей и простолюдинов осталось лежать не погребенными по-христиански!

Из двадцати человек, что выехали с Гуго из поместья, до Иерусалима добралось только трое — двое наиболее живучих и верных слуг, Сильвен и Леон, и оруженосец Эктор. Роже примкнул к ним потом, после взятия Маарры. Из челяди шевалье кто погиб от голода, холеры и ран, кто сбежал в сумасбродное войско простолюдинов. Один сломал шею, упав с коня, других порубили сельджуки. Жаль было сквайров, юношей-близнецов, присягнувших Гуго на верность — им было не больше семнадцати лет. И тот и другой приходились родственниками жене Гуго Терезе. Себастьян умер от голода, Дени забрал тиф.

Вместе с оруженосцем Роже — под Мааррой он потерял своего господина, уже второго по счету, к отряду Гуго примкнула пара слуг родом из сервов. Теперь эта душистая парочка сидела у тлеющих углей под навесом. Морен пек над углями на палке не то крысу, не то воробья, а Нарсис разделся почти догола и прожаривал над углями одежду — надеялся извести вшей. Повадками и внешностью они ничем не отличались от разбойничьего отребья, промышлявшего у дорог. Эти пройдохи вечно ссорились из-за награбленных вещей и не теряли дней даром — постоянно тащили что-нибудь в свои мешки. Может, воровали тайком, или обирали трупы.

Надо сказать, после бунта простолюдинов Гуго, как и все рыцари-дворяне, стал изрядно побаиваться своих слуг. Тогда Раймунд ссорился с Боэдмундом из-за права владения Мааррой. Спор затянулся почти на три месяца, пока возмущенная толпа смердов, включая женщин и калек, за день не разобрала крепость по камням, лишь бы вразумить ссорившихся из-за нее принцев.

До ушей доносились обрывки разговора приятелей:

— Хей, — говорил Морен: — а помнишь Эльзу-Петит-Кушон¹?

— Ха-ха, Ненасытную Эльзу?!

— Ага, её, Петит Кушон.

Нарсис улыбнулся:

— Еще бы! Такой зад не забудешь. Тот еще уголек!

— Она ушла в отряд Жилья-монаха, и тот её раскусил.

— Скажешь?!

— Оказалась колдуньей. Только колдовством можно было совратить столько честных мужчин.

— Вот те на...

— Истинный крест, клянусь ослом нашего Пьера!

Мужички перекрестились, а Нарсис поплевал на костер.

— Брат Жиль испытал её топором, окропленным святой водой. Как она визжала, когда он поднес топор! Истинный дьявол — тряслась от святой воды. Но наш Жиль смельчак... Рубанул — вот и всё! Её голова разлетелась, как пустотелый орех!

— Ух.... А это не заразно?

— Чего? — Морен хрюкнул и подмигнул. — Ну, если, не помолвившись, брат мой...

Слуги, наконец, заткнулись, было слышно только, как фыркает лошадь и потрескивают угольки в наспех сложенном очаге. Люди у соседнего костра допели псалом и затянули «Gloria Patri».

¹ Петит-Кушон (фр.) — голодный, ненасытный поросенок — прозвище нимфоманок и распутниц.

Гуго подошел к небольшому распятию, которое он бережно пронес от родового замка Пейен до стен Иерусалима. Распятие было прикручено к шесту навеса — палатку и одеяла пришлось бросить вместе с издохшим мулом. Во всей сегодняшней поездке была одна радость — в резиденции графа Раймунда Тулузского их всех хорошо накормили. Гуго с облегчением стянул с себя пятнадцатикилограммовую кольчугу, снял шлем — волосы под его войлочной подкладкой запарились и совершенно вымокли от пота. Он отдышался, опустился на колени перед крестом и зашептал «Отче наш»:

— Pater noster qui est in caelis...

Что касается брата Сезара, то этот день стал самым главным в его насыщенной жизни. Пожалованная ему пинта доброго вина из графских запасов развеселила кровь и сделала красноречивей. К вечеру монах был радостен, пьян и знаменит. Ну, может быть, не так знаменит, как Пустынник Пьер, но уж точно не хуже, чем его просвещенный ослик. Брата Сезара водили от стана к стану, от костра к костру, всюду кормили и почитали. Каждому было за честь прикоснуться к его изношенной робе. Всюду слушали с жадным вниманием и блеском в глазах, а брат Сезар изо всех сил старался. Воспоминания о сне обрастали новыми подробностями и уже казались истинной явью. Одежды епископа Адемара становились все белоснежней, призывы — яростней и живей, а окованная железом дубинка-палица — все тяжелее.

— Братии, будем бдеть! Наш святой отец Адемар приказал...

К полуночи брат Сезар свалился в заботливо расстеленную кем-то постель и захрапел, счастливый и окончательно пьяный. Что ему снилось, и кто утешал монашка в сновидениях на этот раз, увы, никто не узнает. На этом мы и оставим его.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В ПРЕДВКУШЕНИИ

Утром Гуго проснулся оттого, что ветер доносил обрывки призывов муэдзина из-за Иерусалимских стен. Жгучее негодование тут же захлестнуло рыцаря, и он резко встал с походной кровати. Правда, эту лежанку можно было назвать кроватью с большой натяжкой. Конский потник, наброшенный на груду травы с валиком в изголовье. Каждый раз, прежде чем лечь, Гуго приказывал слугам проверить, не забрались ли в нее тарантулы и скорпионы. Дьявол словно оберегал мусульман, посылая на крестоносцев полчища всяческих тварей.

Тут же подбежал Эктор де Виль, оруженосец-сквайр, что прошел с рыцарем от самого дома. Он помог Гуго натянуть замшевые сапоги и подал кружку — слуги уже успели раздобыть воду. А путь за ней был неблизкий — до ближайшего источника было почти семь верст — столько же, сколько до порта Яффы. Воду можно было купить и в лагере — более предприимчивые крестоносцы на этом хорошо наживались.

Было видно, что другие пилигримы тоже с ненавистью поворачивают головы в сторону минаретов. Повсюду слышались возмущенные крики и свист. Некоторые потрясали мечами. Сильнее всего, роптали, конечно, простолюдины, осмелевшие после бунта под Мааррой. Слуги винили своих господ в излишней осторожности и нерешительности.

- Сколько еще можно ждать?!
- Доколе?!
- Неверные оскверняют дыханьем наши святыни!
- Рядом с нами дома и питьё, а мыдохнем в пустыне.
- Бароны опять торгуются между собой!
- С нами Господь, чего ждем?
- Баронам есть что делить!
- Жадные трусы!

С вершины минарета снова донеслись заунывные звуки азана, и толпа опять ответила взрывом ненависти.

- Дайте мне этого певуна — я разорву на части!
- Только бы войти в город!
- Смерть неверным!

Кто-то кричал, что стены сами должны рассыпаться от молитвы, кто-то уверял, что если бы атака началась, то святой Георгий незамедлительно пришел на помощь, чтобы сокрушить всех неверных копьем, как когда-то сокрушил дракона.

И такие сцены — вызваны ли они были муэдзинами или зовущим в синагогу трубным звуком шофара¹ — повторялись изо дня в день. Нетерпение и ярость росли. Было ясно одно — осада затянулась. Пройдя за три года три тысячи верст, люди больше ждать не хотели. На расстоянии одного броска были мягкие постели, лошади, вода и даже вино... Прохладные большие дома, еда, женщины и богатства. И Гроб Господень, само собой. Главная цель похода.

Понимали это и сами бароны. Шестого июля в лагере графа Готфрида Бульонского был назначен военный совет. Присутствовали епископы и все полководцы с наиболее именитыми вассалами. Прибыли не только знакомые нам Танкред де Отвиль и граф Раймунд Тулузский, но и герцог Роберт Нормандский по прозвищу Роберт Короткие Штаны со своей

¹ Шофар — еврейский ритуальный духовой музыкальный инструмент, сделанный из рога животного.

диковой свитой. Знаменит он был не своим неказистым видом, и не тем, что чуть не убил по ошибке Вильгельма Завоевателя — своего отца, а тем, что заложил все свои земли за десять тысяч монет, чтобы снарядить войско. Надо сказать, из всех баронов, пожалуй, именно Роберт Нормандский был наиболее искренен и не корыстолюбив. Им двигали доблесть и вера.

Также подъехал Роберт граф Фландрский, ослепляя покрытыми сусальным золотом шлемом-шишаком и шитом. Он привез с собой главную святыню войска — подарок Алексия Комнина, императора Византии. В украшенном драгоценными камнями золотом ковчежце лежала рука святого Георгия Победоносца. С такой защитой не страшен ни один враг — хоть сейчас в адово пекло!

После короткого молебна архиепископ Даймбер благословил начать совещание.

— Итак, господа, пора обсудить положение. — Граф Раймунд Тулузский прищурил единственный глаз. — Сколько человек мы имеем?

— Треть войска — женщины, старики и калеки.

— Но с нами Господь!

— Сеньор граф Готфрид Бульонский, а если немного точнее?

— Последний пересчет показал, что в наших войсках около двадцати тысяч пеших вместе с присоединившимися сирийскими и палестинскими христианами. Из них боеспособными могут чуть более половины.

— А благородных рыцарей?

— Менее полутора тысяч. И многие лишись коней.

— А у тех, что остались, сбиты холки и раскованы копыта.

— Страшные потери! Сеньор Танкред де Отвиль, каковы силы эмира?

— Как показали допросы, гарнизон Ифтикар эд-Даула защищают не более двадцати тысяч человек. Всего — то кучка неверных!

— Не стоит забывать господ, что горожан может быть пятьдесят, а может быть сто тысяч. И большая часть из них может держать оружие.

— Мы взяли Антиохию, Рамлу, Маарру... Это ли не залог успеха?

— Благослови нас Господь!

Бароны одобрительно загудели. Граф Роберт Фландрский развернул свой горбоносый, как у андалузского коня, профиль к военачальникам Готфриду и Раймунду:

— А что со строительством осадных башен, господ?

— Об этом нам лучше расскажет сеньор Раймунд Пеле.

Сеньор Раймунд Пеле, вассал графа Раймунда Тулузского, был поставлен командовать над плотниками и инженерами, прибывшими на генуэзских кораблях. Он поклонился и взял слово.

— Все три осадные башни почти готовы. Нам удалось соорудить их так, что площадки третьего этажа выше, чем стены. На всех стоят катапульты. Нашим людям приходится уходить вглубь Самарии, чтобы добывать бревна. В ход идет все — от ставен домов до кораблей генуэзцев.

Кто-то усмехнулся. Предприимчивые генуэзцы и здесь сумели снять прибыль. А кораблям все равно было не уплыть. Фатимиды держали выходы к морю — египетский флот полностью блокировал гавань.

— Но, доблестные господа, инженеры боятся, что нас снова засыплют огнем, как в Мааррат-ан-Нумане. Мне понадобится множество свежих шкур, чтобы защитить берфруа от пожара.

— Сеньоры, думаю, ваши люди согласятся расстаться с вьючным скотом ради благого дела?

— Если понадобится, мы пожертвуем и боевыми...

— Нам некуда отступить.

— Штурмовые лестницы, таранные орудия?

— Да, их строительство практически завершено, можно еще связать лестниц. Метательных орудий и таранов для ворот

у нас, слава Богу, в избытке. Сервам приказано заготавливать камни для катапульт. Можно начинать атаку.

— Но ров еще не засыпан. Если подгонять берфруа по дорогам со стороны ворот, мы потеряем слишком много народа. Засыпайте ров — задействуйте всех людей — от стариков до младенцев.

Граф Роберт Фландрский кивнул:

— Что ж, есть смысл начинать в ближайшее время.

— Сразу после праздника святых апостолов Петра и Павла.

— Ожидание не в нашу пользу.

— Армия визиря Аль-Афдала уже на подходе. Нас сметет ураган, если не возьмем Святой Город.

— ...и наши имена покроются навеки позором! — после бунта простолюдинов под Маарре граф Раймунд стал на редкость покладист. Причиной тогдашнего недовольства простого народа стала тяжба графа Раймунда с другим бароном и непомерная алчность их обоих.

— Упаси нас Господь!

— Итак, подытожим, — граф Готфрид Бульонский встал и обернулся к баронам: — Властью, данной мне папой и его святейшим благословением, объявляю. Доблестные господа! Передайте своим войскам, пусть каждый воин Христов готовится к бою к четырнадцатому июля. Повозки вместе с мастерами пусть будут впереди, чтобы мастеровые снесли стволы, колья и жерди, а девицы пускай плетут фашины¹ из прутьев. Повелевается, чтобы каждые два рыцаря изготовили один плетеный щит, либо лестницу. Выкиньте прочь всякие сомнения насчет того, чтобы сразиться за Бога, ибо в ближайшие же дни Он завершит ваши ратные труды.

А пока же пусть все пребывают на страже, молятся и творят милостыню.

¹ Фашина — связка прутьев, пучок хвороста, перевязанный скрученными прутьями (вицами) или проволокой.

— Несомненно, явление усопшего епископа Адемара, упокой Господь его душу, взбодрит наши войска и вернет в сердца веру. Ваше высокопреосвященство, что скажете Вы?

Архиепископ Дамбер поднял руку:

— Возлюбленные сыны Божьи, мои господа! Призываю вас к посту и покаянию. Дабы очистились наши сердца, и приблизилась милость Господня. Пусть помыслы наши будут чисты и доблестны наши порывы. Епископ Адемар призвал нас творить милостыню, пост, и приносить покаяние. Накормим нищих и калек, сердца размягчим молитвой, а наши десницы в бою укрепит сам Господь. Если же мы совершим крестный ход, то...

Речь архиепископа была длительна и горяча:

— С сегодняшнего дня и до восьмого июля призываю начать трехдневный пост и завершить его...

На том и порешили — объявить трехдневный пост и крестный ход, как наказал в видении монашку сам Адемар епископ Пюи. После праздника святых апостолов Петра и Павла и изнурительной вигилии¹ накануне битвы отдохнуть и мобилизовать силы, а четырнадцатого начинать атаку.

Как и следовало ожидать, командовать осадными башнями-берфруа поручили Танкреду, графу Готфриду Бульонскому и графу Раймунду Тулузскому. Между остальными баронами были поделены сектора крепостных стен, ворота, разработана тактика и последовательность нападения, а также оглашено, у кого, сколько набралось орудий.

Восьмого июля священники собрали крестный ход.

В исподних одеждах, босиком, с пением псалмов и молитв, рыцари и бароны обошли Крестным ходом стены Иерусалима и направились служить молебен на Масличной горе. Сверху на них сыпались проклятия и изощренная брань. Сарацины не ведали, что ожидает их вскоре.

¹ Вигилия — всенощное бдение у католиков.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ШТУРМ

Утро 12 июня, в день святых апостолов Петра и Павла окрестности Иерусалима огласил испуганный рев быков и ослов. Запах крови, влажных голубоватых потрохов и желанный, сытный аромат жаркого. Худой, измученный скот: волы, мулы, захромавшие обессиленные лошади и верблюды, немало потрудившиеся для войска Христова, несли последнюю службу. Их десятками забивали для того, что содрать шкуры. Свежими сырыми шкурами необходимо было обшить осадные башни, крыши переносных галерей и навесы таранов. Три махины, находившиеся в подчинении Готфрида Бульонского, Раймунда Тулузского и Танкреда Тарентского, словно гигантские корабли, возвышались напротив городских стен. Они были настолько высоки, что с верхней площадки хорошо было видно, как кипит иерусалимская жизнь. Народ, снующий по просторным улицам, богатые дома — много богатых домов, купола церквей, пики минаретов, синагоги. От всего этого отделяла ненавистная стена. Угрюмо смотрели бойницы, укрытые тюками из хлопка и сена; на площадках многочисленных башен у металлических машин муравьями копошились люди. Откуда-то снизу с той стороны поднимался густой дым, и ветер доносил запах смолы — кипели котлы. Мавры были готовы к схватке.

Чертежи осадных орудий, необычной, совершенно новой конструкции — подарок базилевса, пришлись весьма кстати.

Без них штурмовать неприступный город было бы почти безнадежно — как это было месяц назад, когда при первом штурме бессмысленно погибло множество народа. Надеяться можно было только на милость Божию да на хитроумность инженеров и их осадных машин. Это все понимали. Работал каждый — от нищего старика до влиятельного барона. Даже молодая Эльвира, жена Раймунда Тулузского, наравне с простолюдинками резала под палящим солнцем тростник.

Грохотали тачки и повозки, груженные камнями, в воздухе висела пыль — выносливые двужильные сервы почти засыпали ров. Женщины и девицы плели фашины из прутьев и тростника и выравнивали ими поверхность. Сверху на приближавшихся к стене крестоносцев то и дело сыпались камни и стрелы, отыскивая легкую мишень. Убитые находили свою могилу тут же, в полузасыпанном рве.

Это был самый сытный день за все время осады. Сухое жесткое мясо — плохо прожаренное, пропахнувшее костром, но все же мясо — восстанавливало силы. Силы для последнего рывка.

И рывок был сделан. На военном совете было решено пуститься на хитрость. Эмир Ифтикар эд-Даула усилил крепостные стены, установил метательные орудия и котлы с северной стороны, где сосредоточились основные силы латинян, восточная же часть была практически не укреплена. Сюда-то, к воротам святого Стефана, под покровом темноты перебралась большая часть войск. За ночь были разобраны, перенесены и собраны заново массивные тараны и мощные катапульты.

Оставалось только ждать. Возбуждающее, азартное время перед сражением, когда кровь закипает в жилах, гудит в сердце и бешено стучится в виски. Бросает то в жар, то в холод.

Гуго де Пейен с вечера облачился в доспехи. Под длинный, почти до колен хауберг — стальную кольчугу, он надел стеганный пурпуэн — смягчать удары стрел и мечей. Поверх

хауберга — белую накидку-сюрко с нашитым красным крестом. Роже-оруженосец помог ему зашнуровать наколенники и перчатки. Кольчужных штанов Гуго не носил, считая, что они мешают управлять Мистралем.

Теперь препоясанный мечом Гуго в нетерпении ходил перед своим навесом, не отрывая глаз от того места, где стояла осадная башня. Оруженосцы Роже и Эктор де Виль были тут же, тоже вооруженные. Правда, кольчуги на них были легче и не защищали бедер. Роже держал под уздцы Мистраля, а Эктор де Виль — большой нормандский щит Гуго и копье. Застоявшийся Мистраль нервно фыркал, предчувствуя сражение, и тряс головой. Слуги ушли в темноту — сегодня всем хватало работы. Нарсиса и Морена отправили к осадной башне. А Сильвену с Леоном выпала честь быть в первых рядах штурмовиков.

Мимо, в сторону осадной башни прошли арбалетчики. Небо стало сереть, и в утренних сумерках вырисовывались очертания предметов.

Наконец, дали долгожданный сигнал. Сотни людей бросились к стенам с криками: «Иерусалим!» Словно гигантские черные проростки снизу вверх поползли осадные лестницы, а по ним — черно-белыми муравьями люди.

Отряд стрелков поднялся по лестницам на третий этаж берфруа, лучники и арбалетчики заняли позиции у бойниц. До Иерусалимской стены было менее четверти мили. Отсюда, с открытой площадки, хорошо было наблюдать, как суетятся мавры на стенах. Было видно, как они разворачивают баллисты и несут камни для катапульт. То тут, то там с крепостной стены повалил дым — зажглись костры под котлами. Один, второй... вскоре десятки котлов заклокотали кипящей водой и маслом.

Осадная башня вздрогнула и заскрипела. Восемь её огромных дощатых колес со скрежетом пришли в движение. Медленно, словно гигантская неторопливая черепаха, крепость на колесах двинулась к Иерусалимской стене. Десятки пар рук и ног

в этот момент вздулись мускулами, напряглись и толкнули машину к заветной цели. Неподъемные центнеры бревен с затаившимися внутри рыцарями, арбалетчиками и готовыми к бою катапультами наверху.

Нарсис с Мореном были в числе тех, чьими мышцами осадная башня приводилась в движение. Оба простолюдина работали плечом к плечу, одновременно молясь и проклиная неверных. Здесь, внутри, под защитой бревенчатых стен было довольно темно, приходилось толкать на ощупь. Слышалось только, как оглушительно скрипят колеса и стены, а рыцари на втором и третьем этаже поют какой-то псалом — латыни простолюдины не знали.

Примерно через полчаса, а может через час — время словно остановилось, послышались глухие удары — камни из катапульт мусульман стали достигать цели. Оглушительно треснула доска на ободу колеса. Свежесодранные шкуры, которыми была обшита башня, хорошо амортизировали прилетавшие дротики и валуны, но до крепостной стены было еще далеко.

— Эй, Морен, ты сейчас как святой праведный Иона в чреве кита.

— Судя по запаху, этот китдохлый.

— Эй, ослы, берите правее!

Шкуры за пару дней стали издавать зловоние. Тысячи мух жужжали вокруг, залетали внутрь башни и щекотливо ползали по щекам. Еще резче пах уксус, которым обильно смочили шкуры для защиты от гниения и огня.

— Не, Нарсис... — Морен наклонил голову и обтер струившийся по лицу пот о плечо напарника. — Судя по запаху от твоих сапог, мы где-то в его заднице!

Что происходило справа и слева, было невозможно увидеть. Наблюдать за происходящим впереди можно было только через узкую щель для обзора.

— Навалитесь!

— Фашины под колесо слева!

В смотровой щели мелькнули связки хвороста, которые подкладывали под колеса. Тут же раздались удары дротиков и стрел, словно дождь застучал по крыше, потом чей-то истошный вопль, следом другой крик:

— Оттащите тело!

Колесо берфруа мягко перекатилось через сноп фашины.

— Катапульти на взвод!

— Нет, берите ниже и влево!

В обзорной щели каменная стена становилась все ближе. Они почти достигли засыпанного рва. Вместе с этим стуки снаружи — мелкий, от дротиков и стрел и глухой, тяжелый, от падающих камней — слились в единый рокот. Мусульмане настроили прицел, и теперь снаряды летели прямым в башню.

— Сколько ж у них камней?

— Ха-ха, целый каменный город. Хватит, чтобы засыпать нас с головой и еще горку сверху.

К общему грохоту прибавились мягкие удары. Иногда — треск. В смотровой щели мелькнули пылающие ошметки. Тяжелыми горящими каплями смола обрывалась и стекала вниз. Значит, метнули глиняный горшок, наполненный горючей смесью. Начиналось то, чего так боялись инженеры. Сарацины начали обстрел башен горящими снарядами. Долетая до лестниц и осадных машин, они впивались в доски и повисали на них, будучи оббиты крючьями и гвоздями. Запахло гарью.

— Эй, Нарсис, не хочешь жаркого?

— Ты и жареный такой же вонючий!

— Ну, теперь наши вши наверняка передохнут.

— Ха, да они давно дезертировали отсюда!

При слове «дезертировали» сержант Жак, командовавший отрядом рабочих первого этажа, недобро зыркнул на них и резко прикрикнул:

— Приказываю молчать! Перед нами Святой Город! Поем «Отче наш», и да придут с нами Господь и святой военачальник Георгий!

Рабочие хором затянули «Pater noster». Тут же к ним присоединились рыцари второго этажа, а может, и военачальник граф Готфрид.

Сам граф Готфрид Бульонский в этот момент находился у катапульт на верхней площадке башни, раздавая команды. Вся панорама битвы была как на ладони. К стене прилипли десятки осадных лестниц, и по ним упорно ползли вооруженные пилигримы. Сверху на головы крестоносцев сыпались камни и лились ведра кипятка и смолы. Еще со стен на осаждающих падали зажженные пуки хвороста и снопы соломы. Целые стволы деревьев скатывались по лестницам, объятые огнем. Некоторые лестницы отталкивали от стены длинными рогатинами, и люди вместе с ними падали вниз, туда, где сотнями лежали их погибшие братья.

Две других башни тоже почти доползли до крепостных стен, но из-за сильного обстрела не могли закрепиться и опустить трапы. Берфруа со стороны горы Сион — там командовал граф Раймунд Тулузский, похоже, уже дымилась.

Зажженный снаряд просвистел и упал рядом с ногой графа. Это был кусок деревяшки, обмотанный горячей тряпкой. Тряпка была пропитана греческим огнем. Такой невозможно тушить водою. Готфрид шагнул в сторону и рыцари тут же прикрыли горящий снаряд шкурой.

— Несите камни, быстрей!

Камни на площадке быстро заканчивались. Рабочие-сервы сновали взад-вперед по лестнице, таская с собой неподъемные камни для катапульт. Все чаще они подбирали те, что прилетели со стороны мавров. Камни укладывали в ложку-рычаг, рабочие до предела закручивали ворот¹, натягивая веревки из жил, потом отпускали стопор, рычаг распрямлялся и камни летели к городу. Бить старались по неприятельским машинам и стене,

¹ Ворот простой — древнейший механизм, состоящий из станка, в середине которого находится вал, который вертят посредством рычагов (вымбовки) и таким образом навивают на него веревку.

надеясь её разрушить. Для живых мишеней были предназначены луки и арбалеты. Два отряда прикрывали башню, засыпая мусульман ответным шквалом стрел и арбалетных болтов. Повсюду валялись трупы.

Наконец, башня зарылась в камни и остановилась. Колеса были изрядно повреждены. Подкладывать фашины было опасно — они моментально вспыхивали от греческого огня и сами угрожали башне.

Для рабочих первого этажа это означало передышку. Струился по груди и спине пот, трескали лестницы над головой, и песок сыпался сверху.

— Глянь, вот доходяга! — Морен кивнул на старика, с трудом передающего наверх по лестнице камень. Колени и руки старика дрожали.

— Сейчас как хрястнет тебе на башку, — не увидишь Иерусалима. Сразу в гости к святому Николу.

— Да-а, — облизнулся Морен. — Как только ворвемся в город, я заведу себе дом, льняную постель, как у господ, и смазливенькую мусульманку.

— А я просто напьюсь самого лучшего иерусалимского вина и хорошенько выплюсь.

Что касается рыцаря Гуго де Пейена, то, как только стало понятно, что с наскока город не взять, и тяжелая конница понадобится нескоро, граф Этьен де Блуа направил его к одной из катапульти, взамен убитого сержанта. Оруженосцы Эктор де Виль и Роже пошли за своим господином прикрывать плетеным щитом рабочих, таскавших камни. Стрелы и дротики летели как ураган. Пущенные вверх стрелы набирали высоту и падали вниз, тяжелея с каждым дюймом и с легкостью пробивая кольчуги. Дротики же, прицельно выпущенные из баллист, если настигали жертву, то прошивали её насквозь, вместе со щитом и доспехом.

Задачей катапульти, к которой прикрепили Гуго, было прикрывать берфруа Готфрида Бульонского и пытаться поразить

закрепленные на крепостной стене орудия. Сколько их там, и насколько удачны удары, было сложно судить — усиливавшийся дым мешал обзору. Зато стало ясно, что одна из мусульманских катапульти настроилась именно на них — камни падали все точнее. Несколько раз в Гуго хлестнули каменные брызги, сильно ударило осколками в плечо и бедро, поцарапало локоть. Камни попадали в массивные колоды-основания катапульти, отчего одна из них почти расплющилась в щепки.

В этом изнурительном жгучем аду под нещадным солнцем прошел день. Быстрый палестинский день, и, как обычно, резко и густо стемнело. Трудно было сказать, на чьей стороне была сегодня удача — раненых и убитых воинов, разломанных и разбитых машин, обожженных, сгоревших, расплющенных камнями и прошитых стрелами людей и с латинской, и с мусульманской стороны насчитывалось немало. Сотни монахов, рыцарей и простолюдинов — мертвых или тяжелораненых — остались на поле брани.

Изрядно потрепанные и обожженные осадные башни и метательные орудия было приказано оттащить на безопасное расстояние, насколько позволяли скалистые овраги Кедрона за спиной, и поставить охрану — мусульманские лазутчики с легкостью могли их подпалить. Всю ночь ремонтировали и латали. Шкуры поливали оставшимся уксусом, набивали доски на разломанные и обгоревшие колеса башен, перекрывали навесы таранов. Стучали топорами и молотками.

Гуго де Пейен был в числе тех, кто вернулся в лагерь. От усталости он даже не мог говорить. Доспехи снимать побоялись. К счастью, оруженосцы Роже и Эктор де Виль тоже вернулись живыми. Смертельно уставшими, но живыми. Прихрамывающие слуги Нарсис и Морен приковыляли позже. Оба несли мешки — среди раненых и убитых соотечественников было что взять. У Нарсиса напрочь обгорели ресницы и брови. Оба перепачкались сажей и прокоптились насквозь — черные, как неверные мавры на стенах.

Крепостной слуга Сильвен, которого Гуго благословил штурмовать стену, пришел самым последним, один, неразговорчивый и угрюмый.

— Простите господин, мы носили раненых из-под стен.

— А что с нашим Леоном?

Сильвен покачал головой:

— Сгорел заживо. Сарацины облили смолой. Еще утром — один из первых.

— Упокой Господь его душу.

Все перекрестились. Маленький отряд рыцаря де Пейена стал еще меньше. Из двадцати выехавших из Труа человек с ним остались только двое. Когда три года вокруг одна смерть, ничто тебя не удивляет. Даже когда гибнет привычный слуга или близкий друг. Ну, разве что немного тошно.

Эктор нарезал кинжалом холодного мяса и разломил оставшийся черствый хлеб — половинка ячменной лепешки. К счастью, в бурдюке была вода, за день окончательно протухшая. Гуго прочитал молитву, сели есть. Всем поровну, все — братья Христовы.

— Что ж, Господь не дозволил нам войти в Святой Город. Значит, мы не достойны сегодня. — Будем молиться и ждать.

Насколько хватило сил, хором прочитали «Pater noster» и «Ave Maria».

Гуго в доспехах повалился на лежанку, только лишь дав своим оруженосцам расшнуровать и снять шлем. Руки и ноги гудели. Казалось, пудовые камни давили на плечи и грудь, голова нещадно кружилась. Стоило закрыть глаза — начинала качаться земля, и все вокруг кружилось в безумном хороводе — крики, шум, гомон, летящие камни и стрелы, разбитые черепа и куски мозга, трупы и живые, сарацины и франки, лужи теплой крови, дым и гарь...

Вряд ли в эту томительную ночь кому-то из мусульман или крестоносцев удалось действительно поспать. Отдыхали по очереди. Большинство же вовсе не сомкнуло глаз. Все боялись и ждали.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ВЗЯТИЕ ИЕРУСАЛИМА

Гуго де Пейен очнулся оттого, что далеко за Иерусалимской стеной пели петухи. Старательно, заодно и голосисто. Судя по бархатно-черному небу — только лишь первые или вторые. Размытый лунный свет едва освещал лагерь. Где-то поблизости монотонно стучали молоты и топоры, кто-то стонал, кто-то чинил доспехи и перевязывал раны. Работали в темноте, боясь стрел сарацинов. Чуть в стороне храпели слуги.

Одежда, пропитавшаяся потом насквозь за долгий день битвы, теперь холодила. Конечности затекли, особенно натруженные руки. На кольчуге и шлеме осела роса. Можно было даже её облизать, чтобы увлажнить горло. За время похода многие научились собирать росу и, хоть немного, утолять жажду. От холода и тревоги Гуго не смог больше заснуть. Он лежал на спине, пытаясь шевелить онемевшими кистями, чтобы разогнать кровь.

Небо над головой было здесь совсем не таким, как в далекой родной Шампани. Знакомые созвездия сильно смещены, словно съехали с небосвода, и казались совсем иными. Рыцарь подумал, что, может быть, когда-нибудь потом, когда перестанет литься кровь и святые места будут доступны для каждого христианина, он покажет это небо Тибо, своему любимому сыну.

Незаметно небо стало сереть, и тут же весь лагерь засуетился. Забряцали доспехами и мечами группы людей, возвращаясь

на свои позиции. Мимо одну за другой пронесли осадные лестницы, починенные за ночь.

Вновь помолились — Гуго неукоснительно соблюдал молитвенное правило и принуждал к этому слуг. Быстро собрали остатки еды. Ночью к Эльпийскому источнику по дороге в Дамаск и к источнику Апостолов, что повыше Вифании, были посланы отряды. Теперь из мехов разливали воду. С дурным привкусом, задохнувшуюся в бурдюках воду — залог жизни и сил.

Гуго прильнул к кружке губами и жадно выпил, ёкая кадыком. Едва хватило, чтобы заглушить жажду. Казалось, окажись сейчас в руках ведро, он и его осушил бы залпом.

— Почем сегодня вода?

Роже осуждающе покачал головой:

— Не сбавляют даже перед боем. Опять серебряный денье — за какую-то жалкую пинту.

— Правильно делают, напоследок. Бог даст, бесплатно отопьемся в Иерусалиме.

— Напоследок в три шкуры дерут... Господин, хлебните еще воды. Она вам нужнее...

Этой ночью под покровом темноты натруженные руки сервов совершили еще одно важное дело. Учитывая неудачи предыдущего дня, было приказано окончательно засыпать и разровнять ров на пути движения берфруа. Бросок должен был быть молниеносным.

Протрубили к сбору. В этот раз Гуго взял с собой не только оруженосцев, но и оставшегося слугу Сильвена. Рвавшихся поскорее грабить Иерусалим слуг Нарсиса и Морена он отпустил вновь занять свои места на первом этаже башни.

К огромной радости, по дороге им встретился Годфруа де Сент-Омер с личными лучниками и оруженосцем Себастьяном. Последний приходился троюродным братом Годфруа и служил ему уже пять лет, справедливо рассчитывая в скором времени получить рыцарский титул.

Плащ-сюрко на Годфруа изрядно обгорел и был серо-коричневого цвета.

— Слава Всевышнему! Ты жив!

— Да, вчера многие отправились на суд Божий.

Друзья обнялись.

— Видит Бог, мы старались изо всех сил.

— Значит на то Его воля. Если Господь не смилостивился над нами вчера, то сделает это сегодня.

— Мусульмане поплатятся за кровь наших братьев! — не удержавшись, вставил свое слово Себастьян. Он смутился своей горячности, и было видно, что лицо юноши залилось от смущения краской. Себастьян поклонился и отступил в сторону, к Эктору. Оруженосцы знали друг друга не первый год, и были приятелями, как и подобает подданным, чьи господа дружны.

— Вы правы, *mon demoiseau*¹ Себастьян. Наш долг отмстить неверным.

— Говорят, на заре видели сияющего всадника на вершине Масличной горы.

— Да, я уже слышал. Он указывал на Иерусалим.

— Да, это знак! Святые с нами!

— Годфруа, как твой отряд?

— Двое убитых вчера, и один тяжело ранен.

— До встречи в Иерусалиме, брат!

— До встречи, сеньор рыцарь!

Весть о сияющем рыцаре на коне, появившемся на вершине горы, вновь придала сил и энтузиазма, вдохновила войска. Было ли это галлюцинацией или видением, или хитроумный граф Раймунд Тулузский вновь попытался пойти на уловку, вроде найденного Христова копья, а может кто из рыцарей, соскучившийся по верховой езде, решил на рассвете размять

¹*Damoiseau* (фр.) — даумазо — обращение к лицам, еще не достигшим рыцарского звания. *Mon demoiseau* (фр.) — обращение рыцаря к своему оруженосцу.

застоявшегося любимца перед грядущим боем, но эффект получился прекрасный.

Архиепископ Даймбер вышел перед войском латинян и произнес короткое благословение, на изысканное красноречие не было времени и сил:

— Militia Christi!

Над крестоносцами пролетел одобрительный гул.

— Войско Христово! Вчера Всевышний Господь не удостоил еще нас войти в священный город, чтобы поклониться Гробу Его Сына. Явим же смирение и веру, чтобы Бог сегодня не оставил нас и позволил свершить наше призвание! К бою, братья мои! Вас ждет богатство и слава! Прощение всех ваших грехов и спасение души, отныне и во веки вечные! Аминь.

Не меньшее одобрение вызвали напутствия военачальников. Все увещевания сводились к обещаниям римского папы Урбана Второго — придите и освободите. Будете спасены после смерти и богаты и сыты при жизни — перед вами сказочные богатства мусульман и прочих неверных. Остается только завоевать их и взять.

Но самым действенным оказалось воспоминание недельной давности. Раймунд Тулузский, не стесняясь в выражениях, подробно напомнил о тех богохульствах и оскорблениях, что сыпались на головы крестоносцев попеременно с плевками и камнями со стороны мусульман. Этого было достаточно, чтобы войско крестоносцев взревело. Гнев и ненависть захлестнули душу каждого из пилигримов. Так раненый озверевший бык бросается на своего обидчика. Нет более мощного рычага для толпы, чем оскорбление веры.

— Отомстим за поруганное имя Христово!

От яростного безумного крика, слившегося в единый вой, сотряслись окрестные холмы и городские стены.

Дали всеобщий сигнал к атаке, утонувший в этом вое. Разъяренные пилигримы на одном дыхании, словно и не было вчерашнего боя и бессонной ночи, бросились на штурм. Снова

затрещали колеса осадных башен, снова штурмовые лестницы и тараны поползли навстречу камням, кипятку и смоле. Пятнадцатого июля бой стал куда острее и жестче.

Сарацины тоже показали оскал. Их вдохновляло известие о приближении фатимидского войска. Получили ли откровение мусульманские имамы, или голубиная почта принесла весть, но воодушевление со стороны противника было очевидным.

Гуго де Пейен с оруженосцами и слугой заняли свои места. Инженер-генуэзец и рыцарь со своими слугами, который вчера бок о бок с Гуго трудился у катапульты, были уже на посту. Рабочие-сервы установили катапульту несколько в стороне от вчерашней позиции — отступив метров на тридцать назад. Для франкской катапульты, более мощной, чем мусульманские, эти метры не значили ничего, но давали выиграть время, пока сарацины перенастроят прицел. Минуты решали все. Инженер-генуэзец, его звали Пабло, невысокий, но очень подвижный и гибкий, командовал установкой и прицелом. Двое слуг устанавливали подпорки, регулируя угол выстрела, а инженер Пабло нервничал и говорил очень быстро и темпераментно, как и все итальянцы, смешивая французские и итальянские слова — звучала смесь, на котором без труда общалось все побережье. Первая половина его речи состояла из технических терминов и указаний, вторая озвучивала мысль, что франки ничего не смыслят в артиллерийской науке. При этом генуэзец отчаянно жестикулировал и показывал то на машину, то на стены, напоминая, что оттуда вот-вот снова полетят камни.

— Пью велоче! Пуцца! Как говорить у нас — ки нон лавора, нон фа л`аморэ!¹ — он еще умудрялся шутить при этом.

Легкие кольчуга и шлем сидели на Пабло не совсем ладно и явно ему мешали. Видать, инженер артиллерии больше был теоретик, чем закаленный слуга войны.

¹ Быстрее, вонючка... Кто не работает, тот не занимается любовью (*итал.*).

Бросалось в глаза то, что разбитую во вчерашней перестрелке колоду хорошо подлатали.

Осадная башня Готфрида поравнялась с катапультой и медленно двинулась дальше. За ночь путь для берфруа расчистили и разровняли, поэтому, несмотря на дикую усталость, рабочие толкали её резвее, нежели вчерашним утром. Рыцари на верхних этажах пели молитвы, а простолюдины снизу пытались подпевать, сбиваясь и задыхаясь от натуги. То и дело кто-нибудь выскакивал с задней, не обшитой бревнами стороны, башни, оглядывал колеса и под колесами, затем вновь скрывался в недрах башни. Справа и слева от сооружения медленно двигались отряды лучников и арбалетчиков, держа оружие на изготовку. От всего этого пахло уксусом, задохнувшимися шкурами, человеческим потом и смолистыми, недавно срубленными бревнами.

Мусульманские стрелы стали свистеть чаще. Провизжал и воткнулся рядом первый дротик — против катапульты Гуго настроили баллисту. Инженер-генуэзец закричал и схватил круглый щит, до этого прислоненный к колоде:

— Каццо! Пью велоче, пер фаворэ!¹

Теперь Пабло не выпускал щит из рук и бегал, прикрываясь им и втянув голову в плечи, чем вызывал ухмылки французов. Надо сказать, к византийцам и итальянцам воинственные франки всегда относились с насмешкой, считая их излишне утонченными и изнеженными.

Подпорки установили на нужной, по мнению Пабло, высоте, и Сильвен опустил в ложку катапульты пудовый камень. Гуго и второй рыцарь, кажется, его звали Ксавье, навалились на рычаги ворота. Вал закрипел, наматывая на себя веревку.

— Ва бене... хорошо, ва бене, синьоре! — командовал Пабло.

Инженер следил за механизмом, словно от этого зависела его жизнь. Когда веревка намоталась на вал, он с озорством блеснул глазами и дал отмашку рукой:

¹Черт! Пожалуйста, быстрее! (итал.)

— Си! Можно!

Ложка-рычаг взметнулась, посылая камень в сторону крепостной стены. Резануло пылью по глазам. Камень высоко взвился вверх по дуге и упал куда-то за стену. Сложно было сказать, нанес ли он какой-нибудь вред.

— Каццо! — радостно выругался генуэзец. Глаза его счастливо блестели, как у мальчишки, которому доверили всамделишное оружие отца. Пабло увлекал сам процесс, было ясно, что генуэзец просто влюблен в свою машину:

— Повторим, господа! Подпорки установить ниже. Ва бене!

Опять началась возня с подпорками — настройка катапульты была длительным делом. Роже с Эктором забежали вперед, прикрывая рабочих от стрел широким плетеным щитом.

Гуго отметил, что лишние три десятка ярдов давали небольшое преимущество. Стрел стало долетать меньше. Камни с неприятельской стороны в них уже не метали — наверное, мусульмане тоже перенастроили свои катапульты. Зато методично била баллиста — с интервалами в несколько минут, так что можно было подстроиться под следующий выстрел.

Основной же удар метательных машин снова приняла на себя берфруа. Башня медленно и упорно, метр за метром, продвигалась к городской стене. Фронтальная сторона её снова была заляпана пылающими пятнами — глиняные горшки с зажженным «греческим огнем» то и дело вылетали с вражеской стороны и разбивались о бревна башни.

После каждого такого попадания азартный генуэзец по-своему чертыхался:

— О, каццо! Фильо ди путана!¹

Он одновременно восхищался меткостью противника и проходил в ярость оттого, что не может ответить ударом — мусульманскую катапульту от них прикрывала осадная башня.

¹Черт! Сукин сын! (*итал.*)

Что касается Гуго де Пейена, то он с тоской думал, что находится в одном из безопасных мест на поле битвы. Самое пекло сейчас было у городских стен, где наиболее отважные и бесстрашные пилигримы шли на открытый штурм.

Сердце Гуго ныло и рвалось туда к ним, отдать себя без остатка. Хотелось упасть и пропитать своей кровью святую землю, хотелось быть убитым, пронзенным, распятым — здесь, где когда-то претерпел свои муки Господь.

Под стенами и на стенах и впрямь кипело кровавое месиво. Мусульманам приходилось держать круговую оборону — латиняне атаковали со всех сторон. С южной стороны, напирала провансальцы Раймунда Тулузского. С востока, со стороны ворот святого Стефана, атаковали лотарингцы Готфрида Бульонского, тут же бок о бок с ними бились нормандцы и фламандцы обоих Робертов. Танкред Тарентский же, со своим небольшим войском в пятьсот рыцарей-головорезов, таких же свое нравных и отчаянных, как и их господин, пытался разрушить стену с северо-запада, напротив башни, именуемой башней Голиафа.

Монах брат Сезар — тот, кому посчастливилось во сне лицезреть епископа Адемара Монтейльского, и кому своим вдохновением были обязаны войска, тоже шел в бой. Вместе с братом Дьедоне — тем самым, что когда-то заколол юную турчанку в Маарре, и кучкой других оставшихся монахов-бенедиктинцев Желонского монастыря он тащил тяжелую лестницу.

Известно, что осадная лестница — самое уязвимое место во время штурма. Атаковать с её помощью — удел героев или самоубийц. Но был пример Танкреда, который месяц назад, имея единственную на четыре лагеря лестницу, уже штурмовал Иерусалим и даже взобрался на крепостную стену. Это событие воодушевляло теперь любого.

— Эй, брат Дьедоне, осторожней, у тебя тлеет одежда.

Подол монашеской робы, задевший горящий тюк соломы, теперь дымился и тлел. Остановиться и затушить его, не было

возможности — одной рукой Дьедоне держал лестницу, другой — прикрывался щитом от сыпавшихся сверху стрел.

— Сейчас, я потушу его кровью мавров!

Бежать было сложно. Приходилось перепрыгивать через трупы, раненых, камни, пылающие снаряды и лужицы «греческого огня». Толкаться, уворачиваться, замирать.

Десятки таких же лестниц, сколоченных за последние дни, одновременно устанавливались со всех сторон Иерусалимской стены.

— Брат Сезар... братия, взяли!

Приставленная к стене лестница неудобно уперлась в тую с хлопком, прикрывавший бойницу. Пришлось двигать и переставлять её, чтобы установить плотнее.

— Отбросьте трупы... нет, уприте в них лестницу.

— Так, хорошо... брат Николя, держите основание с братом Шарлем.

— Послужим Господу!

— Давай!

— Ave, María, grátia pléna...

У братии помимо освобождения гроба Господня была и другая задача. Нужно было торопиться, чтобы захватить дом попросторнее — в интересах монастыря. С таким усердием зачищенный ими дом богатого сельджука в Маарре был сметен и разрушен взбунтовавшейся толпой простолюдинов, наравне с другими домами. Братия осталась ни с чем.

Брат Дьедоне перекрестился, поставил сапог на первую перекладину и посмотрел вверх. До желанного верха было недалеко — стена в этом месте была высотой не более двадцати футов. Он приставил вторую ногу и быстро пополз вверх, стараясь не цепляться за лестницу пристегнутым к левой руке щитом и не путаться ногами в робе. Следом за ним тут же пристроился брат Сезар, отставая всего на два фута. Перекладины, сделанные из свежих жердей, пружинили и прогибались. Лестница неприятно шаталась.

Брат Дьедоне преодолел большую часть пути, как встретился глазами с сарацином. Мгновение они смотрели друг на друга — почти в упор. У мавра были ослепительно белые белки глаз и выбритые до синевы щеки. Сарацин поднял лук, но потом опустил и отступил от бойницы. Дьедоне мысленно перекрестился и возблагодарил Небесные силы за отсрочку. Стрелять из этой позиции вниз было неудобно, пришлось бы высовываться по пояс, и рисковать фатимидский воин не стал. Вместо него в бойнице появился другой — гораздо старше, в красном халате поверх кольчуги, с крючковатым носом и тоже в чалме. Он быстро и цепко глянул в лицо брату Дьедоне, потом вдаль, скомандовал что-то и тоже скрылся. Монах интуитивно потянулся к эфесу меча, но тут же отпустил и схватился за лестницу. Оставалось не более ярда. Сверху что-то зашуршало.

Последнее, что увидел брат Дьедоне, это было поднимающееся в прорезе бойницы ведро, которое кто-то с обнаженным торсом держал в войлочных рукавицах. Ведро опрокинулось, и в лицо монаху полетела прозрачная, зеленовато-желтая струя кипящего оливкового масла. Шлепок. Монах попытался увернуться, но все произошло слишком быстро. Глаза пронзила дикая боль, и они перестали видеть, кожу обожгло и стянуло, плечи и руки задергались сами собой, кисти разжались. Брат Дьедоне полетел вниз, на спину, громко хрустнув о землю. Задергался и затих, устремив невидящий взгляд в голубое небо. Брызги масла долетели и до брата Сезара, обожгли руки, просочились через кольчугу к спине, но, главное, он успел наклонить голову и спрятать лицо.

Через бойницу высунулась рогатина, уперлась в верхнюю перекладину, и чьи-то сильные руки рывком оттолкнули лестницу от стены. Лестница накренилась, потеряла упор и рухнула вбок на землю. Вместе с ней на землю полетел брат Сезар, стукнулся и потерял сознание. Конец боя прошел без него.

Куда успешнее шла борьба у ворот святого Стефана. Рыцарь Годфруа де Сент-Омер с оруженосцем и еще десятка три человек работали на таране. Мощное ударное бревно совсем недавно было мачтой галеры. Боевой конец его, именуемый в просторечье «бараном», загодя оббили железом.

— И!

Крестonosцы изо всех сил оттягивали подвешенное на канатах бревно назад. Поперечная балка, к которой крепились канаты, натужно скрипела.

— Е!

Бревно отпускали, и оно, как гигантские качели, летело навстречу стене, усиленное людскими руками.

— Ру!

Железный наконечник ударялся в каменную кладку. Брызгали в сторону обломки камней, сыпался песок, ползли и ветвились ощутимые трещины.

— Са!

От каждого удара содрогалась не только стена, но и все вокруг. Казалось, земля качается, как при землетрясении.

— Лим!!!

Вокруг Иерусалимской стены работало с полдюжины таранов. Особенно хорошо ломать стену получалось у отряда Танкреда.

От усталости, ритмичного раскачивания и грохота ударов у Годфруа кружилась и гудела голова. Казалось, что все вокруг кружится в неистовом хороводе. Он чувствовал себя щепкой, которую вертят и швыряют волны о камни.

— Господин Годфруа!

Рыцарь едва успел отпрянуть в сторону, как сверху брызнуло горячей смолой. В этот момент им двигала скорее обостренная за время войны интуиция, чем испуганное предупреждение слуги. По бокам таран был хорошо защищен от стрел и камней бревнами и жердями. Сверху его прикрывал навес, обшитый сырыми шкурами. Но под лившейся с крепостной

стены рекой «греческого огня» не выдерживали даже они. Крыша навеса вместе со шкурами медленно тлела, грозя загореться и вспыхнуть от ветра. Через зазоры в навесе то и дело капала горящая смола. Внутри становилось жарко, как в бане.

Графу Готфриду Бульонскому с верхней площадки берфруа хорошо было видно, как продвигается сражение по всем фронтам.

До стены оставалось совсем немного. С наспех наращенной смотровой башни на стене прицельно стреляли мусульманские лучники. Граф уже хорошо различал выражения лиц и различия в снаряжении у защитников на стене. Здесь были не только сарацинские воины-фатимиды, но и множество горожан, помогавших оборонять свой город.

Особенно внимание Готфрида привлекли две седые старухи, внезапно появившиеся на стене. Они горланно пели на незнакомом языке и подсыпали что-то в принесенную наверх кадку. Во все стороны от жертвенника потянулись щупальца белого дыма. Одна из весталок протягивала руки к небу и кружилась, притопывая ногой. До Готфрида донесся сладковатый запах сжигаемых благовоний.

— Проклятые ведьмы! — воскликнул граф.

— Ведьмы, они позвали ведьм! — тут же донеслось со всех углов площадки.

— Чертовы твари, отправляйтесь в ад! — со второго этажа по лестнице поднялось еще несколько человек. Все до глубины души были оскорблены этим обращением старух к неведомым силам и нечистым духам.

— Арбалеты к бою, готовсь!

Возмущенный граф Готфрид — покажи ему что-нибудь непристойное на стене, он был бы менее взбешен — приказал стрелять прицельно в старух. Одновременно штук пятнадцать болтов вылетели из арбалетов. Колдуньи упали. К ним подбежало несколько горожан, и принялись трепать их за руки, открывать им глаза. Под ведьмами растекались темные лужицы крови.

— Эти твари надумали ворожить там, где Господь попрал сатану. Гореть в аду всем неверным!

Мешки с хлопком и тюки соломы, прикрывавшие мусульманские бойницы, кое-где тлели. Ветер сносил струйки дыма в сторону мусульман.

— Вот мы их и поджарим! Стрелы с огнем!

Готфрид протянул руку и вырвал из бревна мусульманскую стрелу с намотанной у наконечника горячей паклей.

— Цельтесь в мешки с соломой!

Рыцари и лучники забегали по площадке, собирая стрелы с огнем — до этого их затаптывали. Кто-то бойко оторвал полоску от своего сюрко, намотал на наконечник стрелы и обмакнул в «греческий огонь» горящего на обшивке снаряда. Его примеру последовали остальные.

Стрелы, посылаемые с осадной башни Готфрида, просвистели и впились то тут, то там, в мешки с соломой, шерстью и сеном. Прожаренные под палестинским солнцем тюки мгновенно запылали. Дым и жар повалил в сторону города, не давая сарацинам подойти к бойницам. Вскоре вся стена укуталась клубами едкого дыма, от которого сарацины не могли ни дышать, ни открыть глаз. Со стены отовсюду слышался надрывный кашель. Чтобы не задохнуться, сарацинам пришлось отступить.

Осадная башня преодолела последние метры.

— Опускаем помост! — скомандовал Готфрид и подошел к люку, чтобы спуститься на второй этаж.

Отовсюду к башне бросились люди, на ходу вынимая мечи. Путь был открыт. Подъемный мост, до этого как огромный щит, закрывавший отряд второго этажа, стал медленно, с натужным скрипом опускаться на стену. Глухой гулкий удар.

Момент, которого ждали со времени Клермонского собора. Миг, ради которого десятки, а может быть, сотни тысяч крестоносцев заплатили своей кровью. Граф Готфрид и рыцари, кто был с ним, с обнаженными мечами в руках сделали первые шаги по помосту...

Почти одновременно с ними на стены поднялись войны Танкреда и графа Раймунда Тулузского, каждый со своей стороны.

Случилось это в страшный и трепетный для каждого христианина день и час — было три часа пополудни — время крестной смерти Христа

Фатимиды обратились в бегство. А с ними — защитники горожане. Они не знали еще, что их ждет.

Спустя пять веков мусульманского владычества, Святой город вновь вернулся в руки христиан.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

РАЗДЕЛЯЙ И ВЛАСТВУЙ

Как только первые крестоносцы показались на широкой крепостной стене, защищавшей священный город, мусульмане сломались. В клубах удушливого дыма и искр, что так некстати нес в их сторону ветер, воины Ифтикар эд-Даула обратились в бегство. Вместе с ними перестали сопротивляться защитники из числа горожан. Стена с настроенными катапультами, баллистами, что были ничуть не хуже французских, с кипящими водой и маслом котлами и трупами мусульман, среди которых было немало богато одетых, в считанные минуты опустела. Воины, слабо огрызаясь, отступали к башне Давида, где укрывался эмир, и Храмовой горе. Горожане же бежали спасать свои дома и богатства, прятать жен и детей. В городе воцарились суматоха и хаос.

Осадная башня продолжала извергать на стену все новые толпы людей, топавших и толкавшихся по подъемному мосту. Французы-лотарингцы из отряда Готфрида спустились со стены вниз и открыли ворота святого Стефана, именуемые еще Овечьими или Иосафатскими. Теперь разграблению города не мешало ничто.

— Сеньор Гуго, ворота открылись!

Работа у катапульты приостановилась, и все с нетерпением вглядывались в сторону стен.

— Свершилось, хвала Небесам!

— Отомстим сарацинам!

— Эй, Роже, подай мне Мистраля! Эктор! Копья, секиру и запасной меч!

Оруженосцы бросились к лагерю, где со вчерашнего утра томились оседланные кони. Было видно, как слуги и сквайры со стороны лагеря и Иосафатской долины подгоняют боевых коней своим рыцарям-господам.

— До встречи у Гроба Господня! — не в силах ждать, рыцарь Ксавье, что два дня трудился с шевалье де Пейеном у катапульты, бросился вперед, вращая обнаженным мечом, чтобы размять кисть перед боем.

— Синьоре, синьоре... — инженер Пабло заметался вокруг катапульты. — Синьоре... машина!

— Охраняй её здесь! — в радостном исступлении засмеялся Гуго. — Ведь граф Готфрид тебе хорошо заплатил!

У ворот святого Стефана была давка. Ржали лошади, и всадники-рыцари ломились напролом. У кого не было лошадей, те толкались между крестьян и простолюдинов. Гуго заметил грозного рыцаря с длинным копьём, сидящего верхом на невысоком местном осле причудливой изабелловой масти. Сапоги рыцаря почти касались земли, а ослик мелко семенил и спотыкался под тяжестью ноши. Вид их был настолько нелеп и смешон, что Гуго вновь засмеялся.

Многие латиняне не дожидались своей очереди у ворот и лезли по штурмовым лестницам и через башню на стены. Там уже никто не сдерживал их.

Роже и Эктор подъехали верхом. Под Эктором, везшим оружие рыцаря, был гнедой мул, Роже ехал на рыжей берберийской кобыле — верховой лошади Гуго. Собственную лошадь оруженосца отбили у водопоя мавры. В поводу Роже вел храпящего Мистраля. Жеребец изрядно застоялся и гарцевал, взбрыкивая задними ногами и мотая хвостом.

Гуго не без труда взобрался на боевого коня. Сказывалась чудовищная усталость. Тронулись — разыгравшегося Мистраля

не нужно было подгонять, наоборот, Гуго сдерживал повод и слегка отклонялся назад, чтобы придержать любимца.

После невообразимой давки в воротах их буквально внесло в город. Промелькнул над головой массивный каменный свод, проплыли серовато-желтые стены — на секунду потянуло прохладой, и крепостная стена осталась за спиной.

Свершилось! Вот оно! Миг, который Гуго не раз воображал в мечтах и которого ждал три года.

И увиденное превзошло все ожидания. Древний город был величественен и сказочно красив. Невозмутимые древние стены домов и храмов помнили не один набег, не одно завоевание. Ассирийцы и вавилоняне, римляне и греки, сельджуки и сарацины, теперь латиняне... А завтра — кто-то другой. Каждый камень мог рассказать о многом.

После безводных, вырубленных топорами и вытоптанных лошадьми окрестностей, городская зелень радовала глаз. Виноградные лозы вились по заборам и стенам. Серебрились листвой оливы, усыпанные множеством побуревших маслин. Высокие белоствольные платаны давали тень, густые смоковницы сыпали сочные зреющие смоквы прямо под ноги.

Широкая мощеная улица вела вперед, по ней бежала толпа крестоносцев и ручьями растекалась по сторонам. Сейчас многих волновало только одно — захватить дом побогаче. Независимо от того, кто ты — блистательный барон или беглый крестьянин, и на что претендуешь — на сарацинский дворец или лачугу еврея. Прибитый на входные двери щит, шлем, шапка или перчатка, обломок копья или монашеские четки — все говорило о том, что дом уже занят.

По правую руку — Гуго уже знал от Пустынника Пьера — было место рождения Пресвятой Девы. Слева, еще за одной стеной, на возвышенном месте, высились дивные купола мечетей Омара и Аль-Акса. Гуго в течение двух дней штурм постоянно видел их из-за крепостной стены, но здесь, вблизи, построенные на руинах Соломонова храма, они были торжественнее

и великолепней. У Гуго неясно заколотилось сердце, словно в предчувствии чего-то важного и большого, от чего будет зависеть его судьба, что вошло в его жизнь и никогда не отпустит. Казалось, невидимая нить пронизала его грудь и тянула туда, на Храмовую гору. Ощущение было неожиданным и непонятным, поскольку вид мечетей, наоборот, должен был вызывать гнев в его сердце. Гуго списал это на усталость и общее возбуждение.

На крышах мечети укрывалось множество людей — изда- лека можно было рассмотреть, что это, в основном, мусульман- ские женщины и дети. Здесь, за стенами Харам-аш-Шерифа¹, собралось почти все мусульманское население Иерусалима. Потому сарацины продолжали ожесточенно сопротивляться, и бой был особенно силен.

Позже Гуго узнал, почему Храмовая гора была столь доро- га мусульманам. Хромой конюх-сириец, которого Гуго купил спустя несколько лет, рассказал, что пророк Мухаммед вознес- ся на небо на своем крылатом коне именно с этого места. Так учит Коран.

Теперь же, смущенный своим неведомым волнением, Гуго выслал Мистраля вперед и бойня вокруг Харам-аш-Шерифа осталась позади слева.

В сопровождении оруженосцев он поскакал прямо — туда, где по его расчетам, находилась церковь Гроба Господня.

Вокруг повсюду валялись искалеченные тела людей. В ос- новном, горожан. Греков, сирийцев, евреев, египтян и армян... На чьи головы обрушивать топоры и мечи, крестоносцы не раз- бирались. Все, кто был по эту сторону крепостной стены, ав- томатически считались врагами. Тех, кому удавалось подать признаки жизни, тут же добивали.

Некоторые дома были объаты огнем. Отчетливо было вид- но, как вдоль стены бежала растрепанная девчужка, маленькая,

¹ Харам-аш-Шериф («благородное святилище», «дом Бога») — арабское на- звание Храмовой горы. Для мусульман это третья по значению святыня по- сле Мекки и Медины.

лет семи. Один из рыцарей, на гнедом тяжелом коне, без труда догнал её, наклонился, схватил за плечо и с легкостью швырнул детское тельце в пылающее окно дома. Не оборачиваясь на пронзительный крик, выхватил меч и поскакал дальше.

Резня, что творилась вокруг, превзошла бойню в Антиохии и Маарре. Ярость крестоносцев нашла свой выход и была, как струя воды из прорвавшейся плотины. Знал ли Иерусалим со времен Навуходоносора подобное избиение?

И Гуго де Пейен мало чем отличался от других франков. Воспоминания о крестном ходе и горечь от оскорблений со стороны мусульман снова захлестнули его. Вновь и вновь перебирая в мыслях проклятия и оскорбления, так красочно переведенные Пустынником Пьером, Гуго все больше распалял себя. В висках kloкотало от гнева. Впереди показался мужчина с семьей, в длинной светлой одежде. По чалме на голове нетрудно было понять, что перед ним — мусульманин. Люди бежали к Храмовой горе, надеясь отыскать там защиту. Увидев рыцаря на вороном боевом коне, они испуганно остановились, озираясь по сторонам и выискивая глазами двор или проход, в котором можно было скрыться. Тщетно. Гуго подхватил копьё из рук сквайра и тронул пятками брюхо коня. Мужчина отчаянно сжал руку жены. Он не закричал, лишь широко распахнутые глаза и искривленный приоткрытый рот выражали страдание. От удара копьё звонко хрустнуло, и рыцарь разжал ладонь, чтобы не вывернуть руку и не вылететь из седла. Позади он слышал безумный женский крик, свист мечей и глухой звук падения — оруженосцы не остались без дела. Единственное, о чем пожалел Гуго — что первое копьё стоило приберечь для вооруженных людей, что он вскоре и сделал с запасным. Второе копьё осталось в груди сарацина, которого не спасла легкая кольчуга. Оставшись без копий, Гуго выхватил меч и не выпускал его из рук до самого утра.

Вскоре стало понятно, почему мусульмане бегут навстречу — сзади на них напирали люди Танкреда. Отряды Танкреда

Тарентского и герцога Роберта проломили стену на западе, возле башни Голиафа, и тоже ринулись в город, круша все на своем пути. Танкред и Гастон Беарнский наметили своей целью мечеть Омара, справедливо полагая, что главные сокровища Иерусалима должны находиться там.

В мусульманском квартале — от Храмовой горы до Дамаских ворот, многие дома пылали. Гуго де Пейен внес и свою лепту.

— Факел, Роже!

Роже выхватил горящую жердь и, подскакав, вручил её господину. Гуго повернул Мистралья к одному из домов и поднес факел к соломенной крыше. Язычки огня скользнули по сухой соломе вверх, потрескивая и разгораясь. Потянуло сизым дымком. Убедившись, что крыша взялась, Гуго швырнул горящую жердь в зарешеченное окно дома. Внутри раздался женский визг. К окну метнулась старуха в намотанном на голову чернокрасном платке и большим пористым носом. Она схватилась за решетку сухой рукой и стала что-то злобно кричать, показывая на Гуго пальцем. Слов Гуго понять не мог и не желал, но догадывался, что на него шлют проклятия.

Двигаться вперед становилось сложнее. Со стороны Скорняжной улицы, выкрикивая то ругань, то слова псалмов и молитв, двигалась встречная толпа крестоносцев. Гуго свернул направо. Настигая бегущих горожан, он яростно рубил мечом, словно в каком-то пьяном исступлении. Впереди вновь показалась стена и массивные ворота — это была северная часть укрепления, совсем недавно охранявшаяся лучше всех — по башням легко узнавались Дамасские ворота.

На удивление, сейчас здесь было спокойно — основные бои по-прежнему шли на востоке у Храмовой горы и на юго-западе у башни Давида.

Пора было подумать и о самом себе. На глаза благородному рыцарю бросился просторный дом с высоким кипарисом у входа. Над дверями был выбит крест, что Гуго посчитал знаком.

— Эй, господа, прикройте меня! Этот крест — он дарован нам Богом!

На дом, как оказалось, уже претендовала пара простолюдинов, но двери еще не были вскрыты. Простолюдины дрались и с руганью отталкивали друг друга.

Гуго пришпорил Мистралья, и тот с места пошел в намет, прямо на дверь дома. Увидев раздутые ноздри жеребца совсем рядом, простолюдины бросились в сторону.

— Собака! — уворачиваясь, выругался один из них, показав гнилые зубы.

В другой раз за подобное оскорбление, нанесенное холопом рыцарю, Гуго бы нещадно расправился с обидчиком, но сейчас не хотелось терять силы и время. Тем более что де Пейен был уверен в своей правоте — выгравированный над входом крест он принял за перст Божий.

Небольшая арочная дверь, укрепленная полосками железа, была хорошо заперта изнутри. Кто-то прятался в доме.

— Эктор, подай секиру!

После нескольких ударов дверь поддалась.

— Роже, за мной! Эктор, придержи лошадь.

Гуго ворвался в дом, держа меч наготове. Он оказался под крышей в первый раз с того момента, когда вел монашка к баронам на горе Сион. Было хорошо и прохладно. Не чувствовалось запаха затхлости и плесени, присущего домам Европы. Наоборот, веяло чем-то сухим, легким и очень приятным — возможно пряностью, благовонием или какой-нибудь сушеной травой — восточный быт был нов и неясен. Рыцарь оказался в просторной комнате с двумя окнами со ставнями и металлическими решетками, выходящими на улицу. Убранство было простым. Единственным украшением была фреска в неярких тонах прямо напротив двери. Шерстяной ковер на стене. Полка с медной и серебряной посудой. Большой окованный железом сундук, накрытый белой серпянкой, рядом длинный дубовый стол и вдоль него кровати. Похоже, хозяйева, как в старину,

предпочитали вкушать пищу лежа. В углу слева — маленькая дверь, ведущая, наверное, в кладовку.

— Там могут быть сарацины! — Роже ногой вышиб дверцу и скрылся внутри. — Здесь есть подвал. Я осмотрю!

Грохнула крышка люка.

Справа от фрески была вторая дверь — Гуго устремился к ней и с размаху врезался плечом. Глаза резануло светом — незапертая дверь вела во внутренний дворик. Гуго огляделся, как рассматривают дети внезапный подарок. Невысокая смоковница — под ней несколько упавших плодов, пара оливковых деревьев. Огромные глиняные сосуды — для масла или зерна, еще один — для сбора воды с крыши, вокруг — небольшие пристройки. Легкая лестница сбоку вела на террасу второго этажа, где, вероятно, было еще несколько комнат. Со стены и крыши террасы свешивались виноградные лозы с завязями недозрелых гроздей, а по краю плоской крыши разгуливали небольшие сизые горлинки, кружась и воркуя.

Надо сказать, что увиденным сеньор де Пейен остался очень доволен.

Внезапно откуда-то показался старик с непокрытой головой, без чалмы — может армянин, может, сириец. В длинном светлом хитоне-рубаше, в каких обычно ходили небогатые горожане. Старик шел прямо на рыцаря, протягивая худые морщинистые руки, и что-то говорил ему на местном наречии — Гуго не понял ни слова. В голове мелькнула мысль, что горожанин безобиден и в доме нужны новые слуги, в то же время он был слишком немог и слаб, чтобы полноценно работать.

В это время старик подошел слишком близко, и это решило его участь. Гуго замахнулся мечом. Старик отшатнулся назад, пытаясь прикрыться правой рукой — левую он все так же умоляюще протягивал к рыцарю, и удар пришелся по касательной. Меч отсек руку — ту самую, что тянулась к Гуго, и распорол бок вместе с хитоном. Из артерии брызнула кровь, оставив

масляные пятна на кольчуге шевалье, несколько горячих капель ударили в лицо. Старик с криком упал.

Гуго, не оглядываясь, побежал по лестнице вверх — в комнатах могли прятаться люди. Горлицы шумно взлетели. Крестоносец ворвался в первую комнату — она была проходная, дверной проем вел во вторую — с полками до потолка, заложёнными пергаменами и свитками, словно он оказался в библиотеке какого-нибудь монастыря, чей епископ заботиться о просвещении. Во всяком случае, ни сокровищ, ни сосудов из золота и блюд, более ценных, с точки зрения крестоносцев, здесь тоже не оказалось. Два сундука были открыты — если и были в этом доме богатства, то хозяева их унесли. Было видно, что вещи разбросаны в спешке. У выхода сапог задел стульку из терракоты — Гуго отпихнул её в сторону, чтобы не раздавить, подумав, что нужно будет отвезти игрушку Тибо.

Однако следующая дверь по террасе принесла ему неожиданный сюрприз. В длинной, словно кусок коридора, не очень удобной комнате, обставленной еще аскетичнее прежних, Гуго наткнулся на молодую женщину, лет двадцати пяти. Горожанка, одетая в простой темный хитон, и такую же темную и грубую накидку-гематий, скрывавшую волосы и лоб, жалась к окну, заделанному решеткой. Через распахнутые ставни светило солнце, и лицо её было сложно рассмотреть, но Гуго сразу почувствовал, что незнакомка очень красива. Тонкие длинные пальцы, гибкое тело и высокий рост выдавали в ней породу, несмотря на убогость одежд. Может, семейство было знатным и попросту разорилось.

Гуго усмехнулся. Тяготы походов, опасность штурмов и боев, смертельная усталость, жажда и голод — все осталось позади. Он и его беззащитная жертва были одни в этом доме. Ни с чем не сравнимое, восхитительное ощущение власти над человеком. Статус победителя. Гуго мог безнаказанно убить свою пленницу — для крестоносца это было благим делом. Мог оставить жить, мог продать в рабство и хорошо заработать — за

такую красотку не жалко десятка безантов. А мог... Рыцарь проглотил слюну. Сверху вниз по телу пробежала горячая волна, и голова закружилась. Улыбнувшись, Гуго протянул меч вперед и медленно приподнял острием подол хитона. Ноги женщины были стройными и длинными, а кожа, не знавшая солнечных лучей — шелковистой и белой.

— Охи! — спокойно и жестко ответила женщина, на разных языках подбирая слова. — Нельзя!

К тому, что случилось в следующий момент, Гуго был не готов. Пленница вдруг качнулась навстречу, обхватила тонкими пальцами лезвие меча и направила его в свой живот. Притупившийся за день меч с трудом проткнул кожу и скользко вошел под ребро. Толчок был столь неожиданным и резким, что Гуго потерял равновесие и отшатнулся назад. От падения его спасла только стена позади, и он так и остался стоять, опираясь о стенку плечами и изогнувшись назад под тяжестью кольчуги и сильного женского тела.

Лицо умирающей оказалось совсем близко. Из края рта потекла черно-красная струйка, а тело стали сотрясать судороги. Гуго хорошо стало слышно, как четко, со странным упрямством бледнеющие губы, раз за разом выговаривают слова:

— Кирие Ису Христе, элейсон мэ! Кирие Ису Христе элейсон мэ!

Сбоку у двери раздался шорох. Невыносимая усталость и тяжесть доспехов не давала Гуго вывернуться и среагировать быстро.

В комнату, пошатываясь как былинка под порывом ветра, вошел старик в покрасневшем хитоне. Левая рука была обрублена по локоть, и было странно, что человек еще не изошел кровью. От вида умирающей женщины лицо его исказилось болью, глаза на миг зажмурились — оставалось только догадываться, кем она ему приходилась — дочерью или внучкой, но потом старик сделал усилие над собой и, на сколько хватало силы духа, ровно произнес на латыни:

— Omnes enim qui acceperint gladium, gladio peribunt.

Услышав знакомые слова — латынь Гуго знал все же с натугой — рыцарь востепенел и удивленно посмотрел на говорящего. Удивительным было не то, что в палестинской глухомани звучала знакомые с детства латинские фразы. Нет, странным было другое. Хозяин дома мог бы прикончить его сейчас — краем глаза Гуго заметил рукоять ножа в складках хитона — но старик не пытался сделать этого ни в первый, ни во второй раз. Неприятная догадка проскользнула в голове крестоносца.

Старик же, закончив цитировать Евангельскую фразу, протянул Гуго в сжатой ладони какой-то предмет. Пальцы с посиневшими лунками ногтей распрямились, и рыцарь увидел небольшую фигурку ящерицы, лежавшей на ладони.

— Похоже, это все, что у него есть! — позади раздался глухой голос Роже. — Простите, монсеньор!

Оруженосец показался в дверном проеме. Короткий взмах меча — сверху вниз, с оттяжкой назад, и старик, словно его свернули дугой, изогнулся и упал на пол, беспомощно соскребая циновку ногой. Хлынувшая из его горла кровь забрызгала сюрко оруженосца.

— Помоги мне, Роже... — прохрипел Гуго:

— Вы не ранены?

— Нет. Я сильно устал. Все в порядке.

Роже, почтительно кивнул, протянул Гуго руку и выручил его из деликатного положения. Рыцарь смущенно оправил перекосившуюся кольчугу и потер пальцем взмокший лоб.

— Роже, этот неверный говорил по латыни.

— Да, монсеньор, я услышал.

— Ты понял, что он сказал?

— Да, монсеньор, это Святое Писание. «Взявший меч, тоже погибнет от меча».

Роже с усилием усмехнулся:

— Да уж, загадки. Скорее всего, еретик. Идемте, монсеньор. В городе еще полно мусульман.

Они спустились по лестнице. От усталости колени подкашивались сами собой.

— Монсеньор Гуго, в этой пристройке кухня. Есть еда и вода.

Давно Гуго не пил с таким наслаждением. В небольшой кухне с закопченным очагом, полками, столом и большими кувшинами было тяжело развернуться вдвоем. Вода была прохладной и чистой — и впервые за месяц не отдавала гнилью и бурдюком. На столе было широкое блюдо с причудливыми длинными стручками рожкового дерева — крестоносцы уже были знакомы с «иоановым хлебом», или «цареградским рожком». Но, перевернув корзины и полки, они нашли пищу важнее — настоящий, пшеничный хлеб и куриные яйца. Гуго проламывал пальцем скорлупу и пил их прямо сырыми. Сразу прибавилось сил.

— Эй, Роже, позови мон даумазо Эктора, пусть тоже поест. Пора и вам позаботиться о своем благе. Разрешаю вам выбрать дома.

— Спасибо, монсеньор, но я с Вами!

— Спасибо, мой друг!

Гуго протянул свой меч оруженосцу:

— Воткни в дверь, он все равно затупился. Мондмуазьо Эктор, второй меч!

Меч был воткнут в дверь дома — знак того, что рыцарь его застолбил.

Не без помощи оруженосцев Гуго де Пейен взобрался верхом на Мистралья. Жеребец тут же стал пританцовывать, просясь в бой.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПЕРЕЛОМ

Солнце склонилось к западу, жара начинала спадать. Но резня в святом граде Иерусалиме только разгоралась. Искренне уверенные в своей правоте, распаляемые гневом и жаждой наживы, «пилигримы войска Христова» заполняли древние улицы, жгли, грабили и разоряли все на своем пути. Несчастные горожане, будь то греки, армяне, арабы, сирийцы или иудеи — все находили свой конец под мечами и секирами крестоносцев.

Какую веру не исповедал бы ты: ислам, иудейство, христианство — ничто тебя не спасало. Все, кто находился внутри городских стен, считались неверными или еретиками.

Что сказать? Крестоносцы фанатично любили Христа, но их любовь мало походила на любовь Христову...

Граф Раймунд Тулузский замешкался дольше всех. Его провансальцы все еще штурмовали цитадель города — башню Давида, а Танкред с Готфридом уже делили Иерусалим.

Харам-аш-Шериф был все-таки взят воинами Танкреда. Удивительно, но когда крестоносцы перелезли через стены и открыли изнутри ворота, ведущие на Храмовую гору, Танкред взял под свою защиту мусульман, прятавшихся в мечетях. Он отдал свои знамена в знак того, что дарует им жизни.

Сложно сказать, почему безжалостный фанатик и головорез оказался сентиментален. Может, близость святых мест

разжалобила его сердце, а, может, сокровища Храмовой горы не позволяли ни на что отвлекаться. Но, скорее, думалось всем, Танкред просто хотел заработать на работоторговле. Десятки тысяч безоружных мусульман легко превращались в безанты.

В башне Давида укрывался эмир Ифтикар эд-Даула с остатками своего гарнизона. Надо отдать должное, мусульмане сражались, как львы. Раненые львы, загнанные в угол клетки. Кровь лилась с обеих сторон. Когда же из бойниц и окон башни узрели страшные истязания, творимые повсюду, Ифтикар эд-Даула решил сдаться в обмен на свою жизнь. Рискованное решение для того, кто был знаком с вероломством франкского войска.

Но граф Раймунд согласился и не тронул отряд. Эмир в легких доспехах поверх роскошных одежд ехал впереди на белоснежном арабском жеребце. Позади — тяжелая конница и ряды пеших солдат. Бросалось в глаза то, что великолепные боевые кони были ничуть не хуже тех, которыми владели рыцари крестоносцев. Раймунд даже засомневался, за кем бы осталась победа, если бы холеная, сытая конница мусульман сразилась с ними в поле.

Яффские ворота открылись, выпуская поверженного владыку со свитой. Как только последний сарацин вышел из ворот, внутрь города хлынули провансальцы.

До Яффских ворот — западной части Иерусалима, Гуго в тот день не добрался. Сперва он свернул в проулок, заплетенный корявыми лозами винограда. Маленькие улочки, переулки и тупики змейкой расходились между стен домов и садов, ныряли вверх-вниз. Кое-где они переходили в каменные лестницы и резкие спуски, а известно, что лошади не могут спускаться по ступеням вниз. На одной из таких улочек, Мистраль чуть не застрял между каменных стен, густо обвитых плетями бугенвиллий. Пришлось разворачивать лошадей и искать улицы шире.

Гуго поймал себя на том, что испытывает странное чувство после зачистки дома. Шевалье ощущал, казалось бы, неуместное

смущение. Неожиданные мысли лезли в голову и не давали покоя. Прежние эйфория и азарт исчезли, взамен им появились сомнения и неловкость. Незнакомые слова молитвы врезались в память и теперь отчетливо звучали в ушах, как ни старался Гуго их забыть или переключиться на что-то другое.

«Кирие Ису Христе, элейсон ме... Кирие Ису Христе, элейсон ме...»

Словно шуршат камыши и дробно перекатываются зерна гороха.

Несомненно, перед смертью женщина молилась Христу, ради которого крестоносцы оказались здесь. Несомненно, люди в захваченном доме были христианами. Конечно, с точки зрения латинян, они считались еретиками. Но почему никто из них не стал сопротивляться? Старик мог бы с легкостью прирезать Гуго ножом, но не стал этого делать. Может, они были трусливы и слабы? А может быть, «не убий»? «Не кради, не прелюбодействуй»... Молодая красивая женщина тоже предпочла смерть, не преступив заповедь Бога.

Происходящее стало раскрываться рыцарю с другой стороны, очень неллицеприятной. Он пришел с огнем и мечом, его встретили строчкой из Библии.

Крестоносцы, проделав мучительно тяжелый путь ко Гробу Господню, забыли о своей мечте и бросились убивать и грабить.

Гуго силился гнать эти сомнения прочь, изо всех сил вспоминал пламенную речь Пустынника Пьера и оскорбления со стороны мусульман, но легче не становилось. Заведшийся в сердце червячок грыз его все сильнее.

Повсюду землю устилали трупы людей — за время, пока Гуго провел в захваченном доме, количество мертвецов возросло в несколько раз. Матери рядом с детьми, молодые и старики, хозяева вперемешку с рабами. Мистраль то и дело пере скакивал через кучи сплетенных изломанных останков, словно через барьеры. Можно было видеть тела без рук, без голов. Или,

наоборот, валявшиеся в пыли отрубленные ноги и руки. Еще больше было раненых и покалеченных людей, кто бился в агонии, просил о пощаде или просто перед смертью молился. Все происходило, словно в кошмарном сне, виденном уже не раз. И он, Гуго, был соучастник.

На улочках еще попадались бегущие горожане. Гуго продолжал направо и налево рубить, с хриплым выдохом опуская меч, но убийство неверных больше не радовало его, и озлобление куда-то исчезло. На душе было мрачно и нехорошо.

Он выехал на улицу, ведущую в сторону Сионских ворот. Храмовая гора осталась слева. Как выяснилось потом, здесь начинались иудейские кварталы. Улочки стали еще извилистее и уже. Бока Мистраля снова грозили застрять между каменных стен, а Гуго не раз цеплялся за старые кладки коленом.

Куда проще было воинам пешим — рыцарям, оставшимся без коней и безлошадным простолюдинам. Последние зверствовали вовсю.

Гуго видел пожилую крестьянку со сбившимся чепцом и нашитым крестом на платье. Седые букли развевал ветер, а обветренное лицо было искажено злобой. Она бежала с топором в руках и о чем-то грозно кричала. Наивная простота, она считала сейчас, что совершает подвиг.

Справа над крышами валил столб густого дыма. Только через день Гуго узнал, что провансальцы подожгли синагогу с толпами молившихся людей. Сотни, а может быть, тысячи иудеев, вместе со стариками и детьми задохнулись от дыма или сгорели живьем.

Странные люди, они даже не попытались бежать, усердно справляя свои обряды. Не взяли за колья и мечи, а упрямо довершали богослужение.

Было заметно, что дома стали куда ниже и проще, словно птичьи гнезда, наклепленные на откосе скалы. Но и на них находились охотники. Впереди слева показалась распахнутая дверь,

ведущая в двухэтажный дом с чахлым деревцем наверху, цеплявшимся за плоскую крышу. Изнутри раздался визг, и совсем молоденькая иудейка выскочила наружу. За руку она тащила плачущую и упирающуюся дочь в смешной короткой тунике. Следом выбежал высокий рыжий крестоносец-простолюдин с хохотом и сальной бранью. Южный акцент выдавал в нем провансальца из отряда Раймунда. Мужчина догнал людей и выхватил ребенка. Теперь крестоносец дурачился и убегал, а женщина с отчаянным криком бегала следом за ним, умоляя отдать дочку. Ребенок навзрыд плакал. Еще больше развеселившись, изувер стал подбрасывать девочку вверх, играя с матерью, как с собачкой, а потом швырнул ребенка в сторону каменной стенки. Краем глаза Гуго увидел, что виноградные плети смягчили удар, и девочка осталась жива, а мать с бесильным стоном опустилась на землю. Мужчина засмеялся и навалился сверху, раздирая на несчастной тунику. Он провозился пару секунд, но вспомнил о напарниках, грабивших дом, и оставил свою добычу. Похоже, любовь к деньгам оказалась гораздо сильнее похоти. Рыдая и всхлипывая, иудейка поползла к дочери, сметая волосами и туникой дорожный песок. Но в дверях провансалец обернулся и выхватил меч, решив, что не стоит оставлять жизнь своим жертвам.

Гуго де Пейен так и не смог разобраться, что произошло с ним в следующий миг. Только пятки сами собой тронули брюхо коня, высылая Мистралья прямо на провансальца. Рыжий детина замер с приоткрытым ртом и искренним недоумением. Боевой конь, три года обучавшийся своему мастерству в нормандских конюшнях, словно почувствовал настроение хозяина, и выполнил все на отлично. Широкой мощной грудью, защищенной нагрудником с металлическими шипами, он сбил стоявшего на пути человека с мечом. Еще Гуго услышал, как жестко клацнули челюсти жеребца — Мистраль умел хорошо кусаться. Долей секунды позднее круп коня приподнялся, и задние копыта отбили назад. Раздался глухой хруст, словно

треснул деревянный щит или полный снеди глиняный горшок упал на земляную дорогу.

Мистраль пошел вперед мелкой рысью и на перекрестке перешел на шаг. Сворачивая на соседнюю улицу, Гуго настороженно оглянулся. Сбитый провансалец лежал на дороге неподвижно. Молодая иудейка с дочерью уже исчезла, наверное, спряталась во дворе. Но, главное, вокруг было пусто, и его никто не заметил. Оруженосец Роже тоже где-то отстал, а, может быть, сделал вид, что ничего не видел. Убийство случилось безнаказанно, без свидетелей, и Гуго старался не думать о том, что произошло. Он пришпорил жеребца, и Мистраль, уже изрядно покрытый хлопьями белой пены, снова перешел на рысь. А через пару минут они выехали ко Гробу Господню.

В Иерусалиме было множество храмов. Но то, что заветная цель долгого пути, предмет мечтаний и возжеланий был сейчас перед ним, не вызывало сомнений. Оказывается, пару раз за день он уже проезжал рядом. Захлестнула волна радости и восторга, бешено заколотилось сердце.

— *Sanctum Sepulchrum! Sanctum Sepulchrum!*¹ — восхищенно кричала толпа.

Крестоносцы, перемазанные чужой и своей кровью так, что многие походили на мясников, плакали и смеялись в экстазе. Многие целовали землю, прижимались лицами к камням храма, обнимали их. Большинство сбросили с себя доспехи и сняли оружие. Рыцари слезли с коней.

Пьер Пустынник, верхом на своем знаменитом осле, был тоже здесь. Монах высокопарно и витиевато описывал происходящее вокруг, то, на какие жертвы ради этой минуты пошло войско Христово, и как радуются на Небесах все убиенные братья. Но если люди в нескольких метрах жадно слушали его, как новоявленного святого, то чуть дальше слова его страстной проповеди тонули в счастливых криках:

¹ *Sanctum Sepulchrum* (лат.) — храм Гроба Господня.

— Санктым! Санктым!

— Благодарим Господа Бога!

Откуда-то из ликующей толпы выскочил Годфруа де Сент-Омер — босиком и в длинной нижней рубахе.

— Радуйся, Гуго, это Sanctum! Мы у Гроба Господня!

— Господи, это свершилось! — Гуго сполз с Мистраля, пошатываясь от усталости, и обнял Годфруа:

— Наконец-то это свершилось!

Он стянул с себя шлем, встряхнул отросшими вихрами темных волос и протяжно глубоко вдохнул воздух. Ветерок, бивший в лицо, принес легкий запах ладана.

Вопреки гневным рассказам Пьера Пустынника и капелланов, приукрашенных чудовищными подробностями, Анастасис — Церковь Воскресения Господня была цела. Величественный храм-мавзолей все также гордо нес крест к небесам. Под его куполом находилась главная святыня христианского мира — место погребения и непостижимого уму таинственного воскрешения Иисуса. Стены были украшены мрамором и мозаикой, опорой им служили мощные древние колонны. Сотню лет назад стараниями императора Константина VIII, в обмен на строительство мечети в византийской столице, повреждения были устранены, храм украсился и обновился. А вот базилика за храмом, на месте обретения Креста, действительно не устояла.

Подъехал архиепископ Даймбер, и площадь перед храмом вновь огласилась восторженными криками.

Гуго с трудом освободился от щита — крепежные ремни словно срослись с кожей, с облегчением стянул с себя хауберг и сапоги. Годфруа помогал ему, словно вновь стал юношей-оруженосцем.

— Ты, как мон даумазо! Спасибо, сеньор Годфруа!

— Рад служить тебе, брат мой.

Отекшие и запервшие в горячих сапогах ноги ощутили прохладу мостовой, а ветерок нежно охлаждал кожу, распаренную

под кольчугой. Гуго стоял босой и раздетый, словно последний бедняк, со смирением, «нищий духом». Чувство запредельной радости, от которого перехватывало дух, мешалось с не менее ярким чувством собственной неловкости и ничтожности перед лицом Бога. Сама Вечность была перед ним. Библейские события, о которых он с детства слышал от богобоязненной матери, которые уже тогда волновали его душу, обретали осязаемые черты. Все это произошло здесь, рядом. Больше тысячи лет назад — так давно, что страшно представить. И великая жертва Христа, и Его страдания, и возможность искупленной человеческой душе вновь возвращаться в свое Отечество, на Небеса. Где-то здесь лежал прах праотца Адама. Где-то здесь была Голгофа — холм, похожий на человеческий череп. Омега и Альфа, Тейс и Алеф переплелись между собой. Эти камни вокруг были свидетелями Христовых страданий. Эта земля под ногами освящена Его божественной кровью.

В этот раз красноречивая речь архиепископа Даймбера лилась полноводной рекой. Прибывали новые рыцари, епископы, капелланы. Появление графа Готфрида Тулузского вызвало новый взрыв восторга. Запредельная радость пьянила, и с трудом верилось, что творящееся вокруг — не сон.

Раздетые, безоружные, босиком, монахи и бароны, хозяева и слуги, рыцари и оруженосцы, плечом к плечу — пошли крестным ходом. С горячими молитвами и искренними слезами. Счастливые рыдания и пение псалмов перекрывали стоны и плач побежденных.

Удивительное, странное время.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ФРЕСКИ

Гуго проснулся, когда солнце уже стояло в зените, и полуденная жара снова плавилась все вокруг. Но теперь он был защищен от зноя. Сквозь незапертое ставнями окно на лицо лился горячий солнечный свет. Было хорошо и спокойно. Слышалось, как воркуют горлицы за окном и редкие голоса на улице звучат на родном французском. Поздним вечером, уже в темноте, они с оруженосцем Роже с трудом отыскивали дорогу к дому.

Гуго сел на кровати и опустил стертые ступни на пол, прохладный и чистый. Все тело болело и ныло, шея и спина затекли, руки, долго не выпускавшие щит и меч, все еще слегка дрожали.

Что-то восторженное колотало в груди, и он с наслаждением вспомнил, как целовал и прижимался лбом к натертым благовониями камням Гроба Господня. Все что хотелось — это бежать к храму вновь. И радоваться, и молиться.

Соседняя кровать была пуста — они свалились спать вчера на первом этаже дома. Роже он встретил у храма Гроба Господня. Теперь оруженосец куда-то ушел, остальных слуг Гуго со вчерашнего дня не видел.

Сильно захотелось есть. Рыцарь встал и сделал несколько шагов. После двух дней тяжелого боя силы еще не вернулись к нему. Натруженные ноги плохо слушались и казались совершенно чужими, а правое плечо остро болело. Похоже, жестко работая мечом, он растянул связки.

После короткой, но страстной молитвы, Гуго начал свой день. Нужно было отыскать еду, переодеться и помыться, осмотреть дом, найти своего сюзерена и отчитаться перед ним. И хотелось вновь поскорее предстать перед Иерусалимской святыней. Начиналась будничная, спокойная жизнь.

Хлопнула дверь, и в снопе солнечного света в дом вошел Роже.

— Господин, Вы проснулись? В городе несколько рынков, но нигде не торгуют.

— Здравствуй, мон даумазо. А есть, кому торговать?

— Говорят, этой ночью на Храмовой горе и в мечети наши зарезали несколько десятков тысяч людей. Сеньор Танкред сильно рассержен. Он обещал им жизнь.

— Гнев крестоносцев велик. Это христианский город.

Почему-то в собственных словах Гуго уловил нотки фальши. Он вспомнил иудейку с ребенком и женщину-христианку с верхнего этажа. Радость куда-то улетучилась, а на душе вновь заскребли кошки. Вспомнился и провансалец, затоптанный вчера конем.

— Ты не убирал трупы?

Роже мотнул головой:

— Извините, монсеньор. Я накрою Вам стол и исправлюсь.

Гуго наблюдал за оруженосцем, пытаясь выяснить — видел ли он случившееся вчера в иудейском квартале? Но лицо сквайра был непроницаемо. Если он что и знал, то не подавал вида.

— Не винись. Сделаем это вместе. Интересно, где наш Сильвен?

— Если живой, то найдется.

Они пообедали сыром, хлебом с оливковым маслом и вином, которое Роже отыскал в подвале.

— В подвале три козых бурдюка с вином и два огромных кувшина с маслом. Есть пшеница и бобы нового урожая. Представляете, монсеньор, они едят новые бобы уже где-то в апреле. Благословенная земля! На заднем дворе курятник. Хлев очень

мал, там стоит ослик... Мистраля я загнал, но второй лошади места мало...

Гуго молча слушал, рассматривал комнату и пережевывал хлеб — смоченный маслом и присыпанный крупной солью, местный хлеб был несравненно вкусней тех черствых ячменных лепешек, что пришлось есть за голодное время осады.

Глаза метр за метром изучали помещение. Сегодня оно казалось совсем другим. Важнее всего был сундук, возможно, хозяева не успели его очистить. Но почему-то желание обыскивать закрома и рыться в хозяйских вещах совершенно угасло. Гуго перевел взгляд на фреску. Выцветшие неяркие тона: охра, умбра, сиена. Неизвестный художник изобразил какой-то библейский праздник. Мужчины и женщины в длинных нарядных одеждах окружали золотой трон.

...носильный одр сделал себе царь Соломон из дерев Ливанских; столпцы его сделал из серебра, локотники его из золота, седалище его из пурпуровой ткани; внутренность его убрана с любовью дочерьми Иерусалимскими¹...

Подумалось, что сидящий на нем человек в короне и с длинной окладистой бородой — именно царь-пророк Соломон. Кто-то нес дары или свитки. Красивые женщины танцевали, изгибая стан, а одна, гибкая и юная, в правом нижнем углу, чуть в стороне от всех, уронила лилию и тянулась за ней рукой. Быть может, это сама Суламифь? Песнь песней царя Соломона? Плети красно-рыжих кос, завиток волос на мраморно-белом лбу, тонкие руки в гроздях золотых браслетов.

...живот твой — круглая чаша, в которой не истощается ароматное вино;

чрево твоё — ворох пшеницы, обставленный лилиями...

Гуго вдруг вспомнилась женщина из верхних комнат.

— Мон даумазо, Роже, нужно убрать наверху. Становится жарко.

¹ Библия, Ветхий Завет, «Книга Песни Песней Соломона». Библейский перевод.

Они поднялись наверх. Комната не изменилась, все также аскетично белело льняное покрывало на узкой деревянной скамье, свитки пергамента лежали на крошечном столике, за окном громко щебетали птицы. Солнечный свет, разбитый тенью решетки, скользил по двум телам, распростертым по жесткой циновке. Роже нагнулся, схватил женщину за длинные сильные ноги и рывком потащил к двери. Тела уже ооченели, и голова убитой неприятно стучалась о ступеньки и половицы. Оруженосец скрылся на лестнице, а Гуго остался наедине с телом старика. Кровь, обильно вытекшая из раны, насквозь пропитала хитон, и он присох к полу. Лицо старика стало восковым и, словно, полупрозрачным, морщины — резче и глубже, глазницы запали, а губы и лунки ногтей посинели.

Гуго глянул на руку старика, все еще сжатую в слабый кулак. Между пальцев что-то блестело. Рыцарь вспомнил, что хозяин дома протягивал ему какую-то блестящую вещь — амулет или статуэтку. Пальцы уже заостенели и не разгибались, поэтому Гуго де Пейен, преодолевая брезгливость, почти выкрутил предмет из мертвой холодной ладони.

Это была металлическая фигурка ящерицы, по мощной шее и поднятой голове больше напоминавшая варана. Сделана она была очень искусно — может быть, отломанная заколка для плаща или женская брошь — интересная безделушка. А вот металл... Гуго заинтересовался. Это было ни серебро, ни свинец — материал был достаточно твердым и ярким. По серебристой, с переливами, поверхности будто пробегали голубоватые всполохи. Может, фигурка из Небесного Камня? Однажды шевалье видел перстень из железа необычайной твердости, кусок которого, по слухам, упал с небес. Не то... Гуго даже показалось, что пальцы слегка тянет и покалывает от них. Что за дивная страна Палестина?!

Голова закружилась еще сильнее, и стало тошнить. Вошел Роже.

— Я бросил её перед домом. Думаю, трупы скоро начнут убирать, или мы все задохнемся.

Он рывком оторвал старика от пола. На заскорузлом потрепавшемся по краям коричневом пятне крове остался клоч седых волос.

— Не волнуйтесь, монсеньор, я зачищу пятна.

Гуго бросил фигурку ящерицы на столик и спустился вниз.

— Роже, нужно забрать наши вещи из лагеря, пока их не растащили воры.

Выехали через Дамасские ворота. Повсюду в городе и вокруг него валялись неубранные трупы. По городской стене расхаживало жирное важное воронье.

Лагерь, в котором крестоносцы провели больше месяца, начали разбирать. Гуго не без труда отыскал свой навес — со стороны города шатры крестоносцев выглядели совсем по-иному.

К великой радости, у вещей на стоянке их ждал верный слуга Сильвен. А прибившихся когда-то к костру Нарсиса с Мореном даже не стоило ждать — как бездомные псы, погревшись и поев у очага, побежали искать удел лучше.

— Хвала Небесам! Господа! Монсеньор Гуго, даумазо Роже, вы живы!

— Спасибо за верность, Сильвен!

Плечо и голова Сильвена были перемотаны окровавленными тряпицами, зато бросалось в глаза, что одежда на нем новая и дорогая. Слуга был счастлив и пьян.

— Ты ранен?

— Пустяк.... А как даумазо Эктор?

Оставив подданных собирать вещи, Гуго отправился к своему сюзерену. Узы оммажа были крепче всего и требовали дисциплины.

Графа Этьена де Блуа, под штандартом которого Гуго воевал все эти три года, в своем шатре не оказалось. Зато слуги подсказали Гуго, что граф завтра будет присутствовать на встрече баронов и где его искать в городе.

Как оказалось, граф Этьен де Блуа обосновался в просторном особняке Скорняжной улицы, как раз напротив Великолепных ворот Храмовой горы. По дороге Гуго не смог удержаться, чтобы не заглянуть за стены Харам-аш-Шериф. Количество мусульманских трупов поражало рассудок. Повсюду валялись части тел, земля почернела от крови. Кровью были залиты стены мечети Аль-Акса — просторная её крыша, с серым куполом посередине, была полностью завалена мертвыми телами. Огромная глянцевая лужа застывшей крови была у входа в мечеть. Сквозь распахнутые двери предстала ужасная картина. Весь пол был покрыт коркой свернувшейся крови. Изрубленные дети, дервиши-монахи, имамы, женщины и мужчины, нежные девицы, которые еще не успели расцвести, старики-аскеты — все застыло в страшном месиве плоти и крови.

Как уже узнал Гуго де Пейен, несмотря на распоряжение Танкреда Тарентского, в знак помилования отдавшего мусульманам свой штандарт, разъяренная толпа крестоносцев за ночь вырезала всех, кто прятался внутри и на крыше храма.

Чуть в стороне несколько солдат, перемазанных чужой кровью так, что стали похожи на эфиопов, перекладывали кучу металлических вещей — да, это были подсвечники из серебра, что недавно украшали мечети. Множество франков — уже невозможно было определить — солдаты это, рыцари или простолюдины — обирали изувеченные трупы в поисках монет и золотых украшений. Гуго попытался заглянуть в хмурое лицо одного из них — там были только интерес и бесконечная усталость.

Этьен де Блуа радушно встретил своего вассала, тут же приказал усадить за стол и налить вина. Он был возбужден и весел:

— Смотри, — он указал на распахнутое окно, в котором золотился купол мечети Омара.

— Я был там, Храмовая гора.

— Это — храм царя Соломона! Шевалье, это кладезь тайн! Clavicula Salomonis! Наши люди трудились всю ночь, ни одному сарацину не удалось выжить. Мы очистили древний храм!

— Да, господин, я видел.

Они разместились у накрытого стола на придвинутых мягких ложах.

— Не понимаю, как эти язычники могут есть, сидя на полу или лежа в постели? — граф Этьен попытался улечься, но тут же недовольно сел.

— Действительно, неудобно. — Гуго присел со своей стороны и перекрестился.

Они прочли «Отче наш» перед едой и подняли бокалы.

— В детстве мой учитель Медерик, он был епископом, рассказывал про римского полководца, который проиграл войну. Так вот, он наложил епитимью и в наказание с тех пор ел, как и мы, сидя на стуле!

— О-о, великий аскет!

— Гуго, ты знаешь историю царя Соломона? Эх, мон ами! У него была тысяча жен! Конечно, не по-христиански... Еще епископ Медерик частенько любил повторять: «Наказывай сына своего пока есть надежда и не возмущайся его криком», когда доставал розги... Да, меня частенько пороли. Кстати, думаю, королевский дворец будут строить здесь. Повсюду дух царя Соломона! В городе нет более подходящего места.

— А площадь у храма Гроба Господня?

— Это где госпиталь и лепрозорий? Там обоснуется патриарх. Осталось только за малым.

— На все воля Господня!

— Да, Господь умудрит нас и позволит выбрать нам короля.

— За это стоит выпить!

Красное иерусалимское вино быстро ударило в ноги.

— Похоже, в виноделии сарацины знают толк! Но их мастерам далеко до Шампани.

— Я слышал, мавры вовсе не пьют.

— Удивительно... Лишать себя блага? — граф с наслаждением отхлебнул из золотого кубка, украшенного бирюзой. — Как мне нравится это место!

Он немного помолчал, пережевывая кусок жареного козленка, и добавил:

— Завтра после утренней мессы бароны объявляют сбор. Я приглашен, а ты будешь в моей свите.

— Да, монсеньор. Я с радостью буду на службе.

— Войско сарацинов продолжает наступать. Думаю, этот подлец Ифтикар уже добрался до фатимидов. Говорят, мусульмане с берегов Тигра и из Дамаска присоединятся к ним. Наш противник растет, и нам опять предстоит битва.

— Да помогут нам Небеса и с ними святой Георгий!

— Я тоже уверен в победе. Мы выберем патриарха и короля, а после займемся Египтом. Танкред рвется завоевать весь мир, а граф Раймунд еще ревнивей Танкреда.

В ответ Гуго только качнул головой.

— Вот и ты видишь. Танкред потрошит сокровищницу Соломонова храма. Это львиная доля. Как только здесь будет нечего взять, они ринутся дальше.

— Монсеньор Этьен, возможно, я не прав, но произошедшее на Храмовой горе противно моему сердцу.

— Да, еще как! Рыцарское слово — закон. А сеньор Танкред взбешен. Тысячи рабов, если взять хотя б по безанту... За безант сейчас отдадут двух стариков или детей, за работающего мужчину — пару, а за хорошеньких девиц... — граф подмигнул, — стоит поторговаться. Так что для Танкреда — убыток огромный.

Гуго вспомнил, как прикидывал продать пленную женщину из своего дома. Почему-то теперь ему стало омерзительно тошно.

— Думаю, все же уничтожить пленных в храме Соломона приказал кто-то из наших баронов, — подумав, произнес граф. — Десятки тысяч непредсказуемых жителей — добыча

не по зубам даже самому Танкреду. Оставить в живых такую толпу — да они перережут нам глотки. Снимут часовых и откроют ворота Афдалу! Здесь будет весь Вавилон! Местные хитры и коварны, и ненависть их велика.

Но вскоре разговор свернул в более тихое русло. Они вспоминали семьи, друзей, дождливую Шампань и болота по берегам Сены. Растекшееся по жилам вино делало доверчивее и развязывало язык.

— Скоро полетят гуси и утки. На жнивьях сейчас полно фазана... О-ох! А какие у нас перепелки!

— Скучаю по хорошей охоте.

— Я растерял всех своих соколов. Последний вместе с сокольничим сдох еще во Фракийской пустыне.

— Жуткое время, не хочу вспоминать. Неужели все было с нами?!

— Послушай, Гуго, мы выполним перед Готфридом долг и выступим против халифа. Но после я возвращаюсь домой. И тебе разрешаю тоже. Мы освободили Иерусалим, и мое сердце спокойно. Остальное — суета сует. Погоня за богатством и властью.

— Спасибо, монсеньор. Я так скучаю по сыну.

Граф Этьен де Блуа кивнул.

— Суета сует, все суета...

— Это слова пророка?

Граф вскинул красивый профиль, и лицо его засияло, как у ребенка.

— Пойдем, я тебе покажу...

Они прошли в соседнюю залу. Её стену украшала фреска — такая же, как в доме Гуго. Правда более четкая и яркая — наверное, была написана позже.

— Красота? Его величество царь Соломон собственной персоной. Как выполнено, а? Почище, чем в аббатстве Сен-Лупа.

Гуго посмотрел на фреску. От легкого опьянения линииплыли, и контуры становились округлей. В одеждах придворных

и слуг были насыщенной краски — много киновари и лазурита. От этого убранство изображенного дворца казалось помпезней. Девушка, которая так привлекла внимание раньше, тоже была. Только в этот раз она развернулась иначе, и в протянутой руке покоилась виноградная гроздь.

...не смотрите на меня, что я смугла, ибо солнце опалило меня: сыновья матери моей разгневались на меня, поставили меня стеречь виноградники, — моего собственного виноградника я не стерегла...

— Нет, Гуго, представляешь?! Видел бы меня Медерик! Его нерадивый ученик кушает, как римский патриций, и рядом с ним — Соломон!

— Монсеньор Этьен, взгляните на деву... Наверное, это его возлюбленная Суламифь?

Граф сделал шаг назад и склонил голову набок:

— Возможно, вероятно... скорее сего. Какая красotka! Не сомневаюсь, что царь Соломон не смог бы пройти мимо! Шевалье, я не так силен в истории, как брат мой граф Гуго Шампанский. Он бы многое рассказал. И был бы в восторге от дома. Гуго грезит историей царя Соломона не меньше, чем Раймунд и Танкред — его богатством. Что ж, *Suum cuique*. Как учили древние — «Каждому его доля».

К себе Гуго де Пейен вернулся, когда стемнело. Радовало, что он без труда отыскал в темноте дорогу. Иерусалим становился для него домом.

Слуги ждали его не одни. Прихрамывая, навстречу вышел оруженосец Эктор и вежливо поклонился.

— Приветствую, мон даумазо.

— Приветствую, монсеньор Гуго.

Сквайр отчитался, что стал владельцем дома неподалеку — тоже в кварталах мусульман. Он с восторгом рассказывал, как расправлялся с неверными, и в юношеских глазах горела неподдельная гордость. Почему-то Гуго от этого стало

неприятно и грустно. Он попросил приготовить для себя комнату наверху — ту самую, где еще утром покоились трупы. Вторую, более просторную, с детскими игрушками на полу, он распорядился отдать Роже. Сильвену определили лавку в подсобке.

Пятна на полу слуги оттерли. Вместо циновки лежал шерстяной коврик. Гуго подошел к окну. Полнолуние. Верхушки деревьев, стены и крыши домов заливал бледный молочный свет. Если прислониться щекой к решетке, краем глаза была видна Храмовая гора. Неутомимо стрекотали цикады, и совсем рядом ухала сова. Иерусалим казался родным и спокойным. Наверное, так, изо дня в день, у этого окна стояла и смотрела на крыши домов и звездное небо убитая им христианка. Сердце защемило от горечи. Ну, разве он виноват? Он выполнял свой долг, свое дело. Он защищал Гроб Господень и весь Святой Град от непотребств иноверцев. Но тогда зачем захватил себе дом там, где Христос не имел дома? Бароны снова спорили из-за богатств и земельных наделов. Но ведь пришли-то сюда, чтобы славить имя Господне...

Неприятный голосок изнутри отравлял радость победы. Словно кто-то чужой поселился в его сердце, крутился, грыз и не давал покоя. Гуго отвернулся от окна. Взгляд его упал на столик, где валялся странный дар старика. Гуго взял загадочную вещицу в руку и вышел на террасу, подбрасывая на ладони фигурку.

— Надо же! «Пришедший с мечом от меча и погибнет»! Еретик...

Он усмехнулся еще раз, глянул на фигурку и швырнул её на пристройку, где охотились за насекомыми проворные ящерки-гекконы. Фигурка варана упала на крытую крышу пристройки, чуть съехала по скользкой соломе и завалилась в щель.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ЛИТУРГИЯ

К утренней мессе Гуго де Пейен прилетел, как на крыльях. Радость близости Гроба Господня вновь переполнила сердце и на время избавила от смутных дум. Служили в Анастасисе — храме Воскресения Господня.

Эйфория была всеобщей. Вчера Арнульф де Роол, капеллан Роберта Нормандского, объявил, что нашел Крест Господень. Из-за скверного характера и истории с копьем, найденным Раймундом Тулузским, в истинность находки верилось туго. К тому же многие, кто был образован, знали, что уже Крест нашли семь веков назад византийские императоры Константин и его мать Елена. Их руками был возведен Анастасис, а над местом обретения Креста возведен храм-базилика. Но люди хотели чуда. С немногого согласия духовенства и баронов, маленькая хитрость Арнульфа укрепила авторитет последнего и подняла дух крестоносцев.

Теперь же капеллан отец Арнульф де Роол чопорно шел по храму.

Псалом интроита — пения на вход священника и начала мессы пропели всем хором. Впервые под сводами Анастасиса раздались звуки католической службы. По обветренным закопченным щекам текли слезы. Гуго с жадностью рассматривал каждый сантиметр древних стен, замирал, прислушиваясь к биению сердца, каждой порой впитывал запах храма.

Напряженно вслушивался, ловя знакомые слова и раскаиваясь, что плохо знаком с латынью. Лишь на «Кирие элейсон»¹ его вновь наполнила знакомая горечь. Вспомнились глаза женщины с верхнего этажа и упрямый шепот над ухом:

— Кирие Ису Христе, элейсон ме. Кирие Ису Христе, элейсон ме...

Жгучая волна раскаянья захлестнула его. Перед Гробом Господним, в месте, где Спаситель своими муками искупил человеческий род, нельзя было лукавить. Гуго был со своей совестью один на один. Любое пятнышко в его душе виднелось сейчас, как на выставленном на солнечный свет прозрачном стеклянном бокале. Ни на одной исповеди раньше он не был так откровенен с собой. Франки не позабыли о себе, грабя дома и потроша сундуки, ругаясь из-за наживы. И он тоже предался этой страсти. Не будь людей вокруг, Гуго де Пейен упал бы и разрыдался.

Евхаристическая часть литургии прошла для него особенно остро. В алтаре свершалось то, что одиннадцать веков назад произошло именно в этом месте. Хлеб и вино становились кровью Господней. Христос снова незримо страдал за человеческие грехи и вновь искупал их своей кровью.

С неизъяснимым ужасом и трепетом Гуго причастился.

¹ Кирие элейсон (*греч.*) — Господи, помилуй — молитвенный призыв в католической службе, пришедший из византийского языка.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ДА ЗДРАВСТВУЕТ КОРОЛЬ!

В гражданском платье было необычно и странно. Впервые отмытое за месяцы боев и походов тело радовалось легкости и чистоте.

Шевалье Гуго де Пейен сопровождал графа Этьена де Блуа на совет, где les Gentilshommes¹ — люди благородного происхождения, дворянство — должны были обсудить дальнейшие действия крестоносцев в Иерусалиме. Все понимали, что городу нужна крепкая рука и институт власти.

Архиепископ Даймбер благословил начать заседание. К слову, патриарх тоже был нужен. Среди духовенства обозначились два соперника — спокойный епископ Пьер из Нарбонны и рвавшийся к власти Арнульф. Все говорили о том, что в центре Земли отныне утвердят новое государство. Это и было интригой. Духовенство жаждало, чтобы власть была исключительно папской. Принцы и шевалье желали власти светской и доблестного короля. Рука, которой предстояло управлять государством, должна была держать боевой меч лучше, чем четки монаха.

— Ваше преосвященство, святые отцы, милостливые сеньоры, шевалье, братие, войско Христово! — граф Готфрид Бульонский в дорогих одеждах, с вымытой и расчесанной золотой бородой поклонился присутствующим:

¹ les Gentilshommes (*фр.*) — джентльмены, дворяне.

— Милостью Господа нашего Иисуса Христа мы вернули христианскому миру святыни. Следующим же долгом предстоит удержать и сохранить наши завоевания. Основные войска сарацинов на подходе и нам предстоит решающий бой. Визирь Аль-Афдал — жесткий и серьезный противник. Благодарумием было бы укрепить нашу власть и утвердить Королевство.

По залу разнесся одобрителный гул. Претендентов все знали. Четыре принца — четыре вождя, приведших свои войска под стены Иерусалима. Сам Готфрид, Роберт Фландрский, Роберт Нормандский и Раймунд Тулузский.

Многие рыцари восторженно поглядывали и на Танкреда. Что ж, благодаря отваге и славе он тоже претендовал на престол, хоть был всего лишь кондотьером¹ и младшим ребенком в семье.

— Протестую! Господу угодно, чтобы возвращенные земли стали вотчиной святого Петра! Мы изберем патриарха! — по алчному выражению лица Арнульфа де Роола было ясно, кто больше всего желает стать наместником папы.

После смерти всеми любимого добродетельного епископа Адемара духовенство волновали вполне мирские страсти.

Разгорелся спор. Не хватало триумф победы омрачить гражданской войной.

Наблюдая за происходящим, Гуго смутился вновь.

В итоге здравый смысл восторжествовал.

— А как же святые библейские пророки Давид и Соломон? Они были царями!

Аргумент был веским. Королевская корона хорошо уживалась теперь с ветхозаветным венцом.

— Item², изберем совет из десяти — клириков и достойных мирян, кто опросит подданных и членов семей, верных

¹ Кондотьер (*итал.*) — наемник, глава наемного войска.

² Item (*лат.*) — итак.

слуг и товарищей основных претендентов. По решению их мы изберем государя!

Возгласы одобрения перекрыли недовольный ропот. Больше всех возмущался Арнульф.

Готфрид призвал к вниманию и вернулся к вопросам насущным:

— Милостливые господа! Зловоние от начавших разлагаться трупов скоро осквернит святые места. Призываю вас выделить лошадей, слуг и рабов, чтобы очистить город. Похороним с почестями павших братьев и избавимся от тел сарацин.

— Как далеко Вавилонское войско?

— По непроверенным данным из Дамаска, визирь Аль-Афдал движется вдоль моря в Рамле, но окрестности вокруг тоже кишат сарацинами. Мы можем получить удар в спину в любой момент. Необходимо ввести пропуска и укрепить ворота.

— Восстанавливайте доспехи и силы. Возможно, придется выступить с нашей стороны против визиря Афдала.

— Пора прекратить резню горожан, их почти не осталось.

— Да, сопротивление уже не оказывает никто, это — просто убийство.

— Что будет с собственностью — землей и домами?

— Здесь будет решать закон. Каждый, кто занял для себя дом, повесив опознавательный знак на двери, остается его владельцем. Как было установлено ранее, простолюдин должен был вешать шапку или меч, рыцарь — хоругвь, щит или доспех, чтобы показать, что дом занят. Что касается деревень и земель, мы раздадим их честно тем, кто останется постоянно здесь жить и защищать государство.

— Не забудьте монашеские ордена. Монахи сражались отважно!

— Все монашеские общины, а также сиротские дома получают свои строения. Госпиталь для паломников у Гроба Господня останется у иоаннитов. Вдов и калек тоже никто не забудет. Аминь.

— Да хранит вас Господь.

На такой благочестивой ноте закончился совет.

— Нет, Гуго, ну, ты видел, каков пройдоха Арнульф?!

— К несчастью, власть слишком его волнует.

— После смерти всеми почитаемых епископа Адемара и Гильома Оранжского, у клириков не осталось вождей. Бароны и рыцари сделали этот поход. Военная власть нужнее. Да и отец Арнульф не пользуется любовью граждан...

Граф Этьен де Блуа, как человек веселого и радушного нрава, любил созывать друзей. Потому малообщительный скромный Гуго снова ужинал у сюзерена дома.

— Лично я не доверяю нормандцам, — граф достал изящный сарацинский кинжал и толстыми ломтями нарезал куски козьего сыра. — Верные у них только кони. Говорят, Арнульф — внебрачный сын! На месте герцога я бы не доверил ему воспитывать свою сестрицу. Хотя... их отец Вильгельм тоже был незаконнорожденным.

— Из герцога Роберта получится честный король. Хотя мой голос принадлежит графу Готфриду... Да, граф Готфрид более достоин короны.

— Согласен, Короткими Штанишками движет отвага. Он не берет с собой ничего, кроме чести и славы.

— Герцог Роберт собрался уезжать?

— Если он останется здесь, то лишится нормандской короны. На это мудрости у него хватает.

Гуго кивнул. В безграничной отваге, граничившей с глупостью, был весь герцог Роберт. Принц Роберт по прозвищу Короткие Штаны. С такой безалаберностью лишиться своих земель мог только глупец или фанатик. Герцог Роберт заложил Нормандию своему брату, английскому королю. Деньги были нужны для крестового похода. Теперь, не в состоянии вернуть долг, герцог Роберт мог остаться ни с чем.

— Роберт Фландрский тоже желает вернуться домой. Остаются Готфрид, Раймунд и Танкред.

— Танкред не станет обременять себя властью. Он — романтик, воин, поэт и не сядет в золоченую клетку. Особенно, пока можно идти вперед.

— Я слышал, Танкред мечтает завоевать всю Сирию и Египет. Честолюбивые планы.

Ветер переменился, и сквозь открытые окна потянуло зловонием. Под палестинским солнцем мертвые тела стали источать нестерпимый запах. По улице то и дело скрипели повозки, доверху загруженные трупами.

— За день не решить... — покачал головой де Блуа. — Иерусалим превратился в кладбище. Еще утром я слышал — снова нашли сарацин. Хорошо б уложиться в неделю.

— Как раз к избранию патриарха и короля.

— Думаю, хоть граф Раймунд достаточно богат и силен, но должен осознавать, что народ его совершенно не любит.

Сказанное было истинной правдой. Непомерная алчность и честолюбие провансальского барона сумела настроить против него большую часть простых крестоносцев. Особенно, после бунта в Мааре. Но одноглазый хитрец прекрасно осознавал это и потому скромно молчал, попросту выжидая время.

— Так выпьем за Готфрида, нового короля!

— Воистину! Я горжусь воевать под его штандартом!

Выходя на улицу, Гуго чуть не столкнулся с очередной повозкой. На тележку, запряженную худым ишаком, были навалены чьи-то головы, руки, ноги. Адский калейдоскоп. Собрать из них первоначальный труп было бы головоломкой. Вокруг роились мухи и слуга-серв отмахивался от них руками.

Покинув дом графа Этьена де Блуа, Гуго еще пару часов просто ходил по городу. Он побрел в сторону Силоамских ворот, минуя Скотный Рынок. Изрытая тысячами копыт и обильно покрытая сухим навозом площадь была пуста. С краю валялось

несколько раздувшихся и почерневших трупов, а у дальней ограды с жалобным бляньем взад-вперед бегали две перепуганные овцы с длинными смешными ушами.

Гуго свернул в Иудейский квартал и пошел в сторону улицы Сионской горы, пытаясь наугад выйти к дому, где он спас иудейку с ребенком. Где она? Жива ли, мертва? Прячется в подвалах или продана на невольничьих рынках? Но узкие извилистые улочки, переулки, тупики Иудейского квартала так мудро переплелись, что рыцарь вконец потерялся. Пару раз Гуго выходил к сожженной синагоге. Зрелище не менее страшное, чем Храмовая гора в эти дни. Камни, покрытые пеплом и сажей, у стен — горы углей и обугленных бревен. И запах, пропитавший все вокруг, неприятный сладковатый запах горелой плоти и паленого волоса.

Придя после заката домой, шевалье долго сидел за столом, глядя в одну точку, потом пошел наверх в свою тесную неудобную келью. Перед фреской не удержался и остановился у изображения Суламифи. Густые рыжие кудри, маленькие холмики грудей под скромной туникой, удивленный изгиб бровей. Гуго провел пальцем по пухлым полудетским губам, по изогнутой шее, дальше по плечу к тонкому, в браслетах запястью и накрыл своей загрубевшей ладонью её узкую кисть, протянутую к цветку.

...Посмотрите на полевые лилии, как они растут: ни трудятся, ни прядут; но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них¹...

Провонявший запахом мертвой плоти серв докатил свою повозку со страшным грузом до ворот. Колеса гулко прогрохотали по мостовой под прохладным каменным сводом. Там он присоединился к другим погонщикам, везшим то, что осталось от многоголосого населения Иерусалима. Пленные горожане,

¹ Библия, Новый Завет, «Евангелие от Матфея».

которым сохранили жизнь, тоже трудились здесь. Быть может, кто-то нес своего отца или ребенка. Кто-то свою сестру, кто-то мать, кто-то соседа. За городскими стенами свалили огромную гору из человеческих тел. Сколько было их? Знает только Всевышний. Может десять, а, быть может, сто тысяч. Но этот холм оказался не меньше, чем в «долине Дракона» между Циботусом и Никеей. Странные веса жизни.

Взявший меч, от меча и погибнет...

Гору трупов обложили соломой, бревнами, остатками фашинов и подожгли. Сверху на людские страсти с тоской взирало затянувшееся тучами небо.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

SUUM CUIQUE¹

Как и ожидал граф Этьен, очистка города от мертвых тел затянулась на неделю и закончилась перед выборами короля.

Комиссия из наиболее знатных дворян и благочестивых епископов, чье мнение сочли бы неоспоримым, подробно опросила самих претендентов на престол, подчиненных, родных и даже слуг, чтобы вынести свое решение.

Предположения подтвердились — Танкред, сдружившийся за время осады с христианами из Наблуса, вновь был в седле, а оба принца Роберта со своими войсками рвались обратно в Европу. Роберт-Короткие Штаны, спохватившись, пытался вернуть нормандский престол, а Роберт Фландрский был удовлетворен доставшимся ему титулом сына Святого Георгия.

Граф Раймунд Тулузский, он же Раймунд Сен-Жиль, как ни облизывался на иерусалимскую корону, вынужденно взял самоотвод, опасаясь, что его провансальцы взбунтуются от перспективы остаться в засушливой Палестине. Да и была запятнана репутация скандалами о дележки добычи. Конфликт с духовенством также пугал его, и вождь провансальцев отказался.

Что до Готфрида Бульонского, оставшегося наедине с комиссией и короной, то лучшего претендента было не найти.

¹ Каждому свое (лат.)

Собираясь в Крестовый поход, граф, он же герцог Нижней Лотарингии, обрубил все связи с Европой. Он уезжал на Восток без мысли о возвращении. Погибнуть во имя Христа, или остаться с победой на освобожденной от мавров земле. Даже свой родовой замок и земли он продал епископам Льежа.

Теперь рыжебородый красавец готов был стать во главе нового Королевства.

— Благодарю вас за честь, господа, и за ваш выбор.

22 июля 1099 граф Готфрид принял бразды правления королевством.

— Прошу вас только об одном. Я выполню ваше пожелание с величайшим почтением. Но в святом городе, где сам Господь наш Иисус Христос ходил в терновом венце, я не смею носить золотую корону.

По рядам дворянства и духовенства пронесся изумленный шепот. Все было уже оговорено, и слова графа вызвали удивление.

— Я соглашусь стать во главе Иерусалимского Королевства только лишь как «защитник Гроба Господня»¹. Да направит Господь стопы мои на правильные стези по своей святой воле. Аминь.

Искренние, без тени лукавства, слова графа покорили всех. Отныне сердца подданных безоговорочно принадлежали королю.

Готфрид, теперь именуемый Иерусалимским, обязан был стать представителем патриарха в мирских делах. Смешно, но патриарха, которому бы подчинялся Готфрид, выбрали позже. Борьба за власть в стане латинян все еще тлела. Пользуясь тем, что ревностные воины Танкред и Раймунд снова облачились в доспехи, на заманчивое место все-таки взобрался Арнульф.

¹Защитник (*фр. avoué*) — в Лотарингии титул защитника соответствовал регенту, правящему по указанию церкви.

— Нет, ну, вы представляете первые слова патриарха?! — граф Этьен де Блуа, как обычно, посвящал Гуго в придворные тайны.

Просторный особняк графа напротив Стены Плача быстро стал популярен, особенно после того, как Храмовую гору решили сделать резиденцией короля. Званные обеды, вечера, изысканные беседы и хорошие вина — все то, по чему соскучилась светская власть, подавалось щедрой рукой. Харизматичный Этьен де Блуа, как магнит притягивал к себе людей всех сословий. Не раз в его доме ужинали бароны Готфрид или Танкред. Несколько дружеских вечеринок сблизили Гуго де Пейена с сильными мира сего гораздо сильнее, чем три года похода.

Последние новости и сплетни обсуждались здесь, и внушавший расположение граф Этьен был всегда в центре событий.

— Ты слышал? Недавно пересчитали... Танкред захватил в храме сорок серебряных светильников, каждый весом в три тысячи шестьсот дирхемов. Еще огромный серебряный теннур¹ весом в сорок сирийских ратлей, и сто пятьдесят светильников меньшего размера. И это — не считая других сокровищ. А сколько можно найти в тайниках и подвалах!

Видневшаяся из окна Куббат-ас-Сахра — мечеть «На скале» — по-прежнему сияла золотым куполом на солнце. Солдаты, ворвавшиеся в роковую ночь с оружием на её крышу, пробовали рубить купол. Кто-то пустил слух, что он полностью золотой. Но, увы, под ударами топоров оказалось, что это всего лишь свинец, покрытый листами позолоченной меди. Однако, то, что хранилось внутри, стало причиной раздора. Несметные богатства, находившиеся в сокровищницах мечетей Аль-Акса и «На скале» вскрыжили голову многим.

— Да, но все по военным кутюмам².

¹Теннур — большой светильник.

²Кутюмы — правовые обычаи в средневековой Франции.

— Так вот, первое, о чем заговорил Арнульф, что Танкред захватил слишком много.

— В смысле?

— Арнульф претендует на серебро, как представитель папы.

— Я не берусь судить действия патриарха, но это не совсем по праву.

— Вот именно! Не думаю, что он себе что-то урвет, но уважение граждан к себе потеряет.

Граф Этьен оказался прав. После длительной тяжбы с Танкредом по поводу награбленного серебра, Арнульф смог выбить для себя не больше семисот марок. Это легло тенью на репутацию новоизбранного патриарха. Но это было только начало. Дележка власти разразилась очередным скандалом.

— Что с Раймундом? Все также сидит, запершись в башне Давида?

— Провансалец упрям, как черт, и не желает расставаться с цитаделью и башней.

— Правда на его стороне, право победителя у нас законно.

— Да, но без них Готфрид не сможет держать оборону. Король в ярости, Раймунд тоже взбешен.

— Благоразумнее было бы сдаться. Раймунд и так не раз заслуживал недовольство сограждан.

Недовольство действительно было. Никто не хотел оставаться незащищенным. Угроза со стороны движущегося свирепого войска не давала расслабиться никому.

Раймунду пришлось согласиться. Злой и до смерти обиженный провансальский барон собрал свое войско в Иорданской долине. Иерусалимское королевство теперь казалось ему лотарингской землей, и воевать за него не хотелось.

Предчувствуя скорые перемены, Гуго разбирал вещи. Большой сундук внизу, маленький — в комнате наверху и еще один в подсобке. Как и следовало ожидать, ни драгоценностей, ни золотых монет внутри не оказалось. Была пригоршня

серебра — и то неизвестной чеканки. Гуго сменял её потом на монетном рынке всего лишь за восемь денье.

Наверное, сбежавшие хозяева были в числе тех христиан, кому Ифтикар приказал покинуть город перед осадой.

— Увезли все с собой, — Роже неохотно захлопнул крышку.

— Ну, если кто и жив, вряд ли сюда вернется.

— Господа, пожалуйста кушать, — в комнате с подносом показался слуга Сильвен. — Милостивый монсеньор, прикупили бы уж пухленькую армянку.

Роже с Гуго расхохотались.

— Сильвен, а как же жена?

— Ты не любишь худющих?

— Армянки хорошо кашеварят. Например, долму или хаш, — не обращая внимания на смеющихся господ, Сильвен с невозмутимым лицом поставил дымящийся котелок на стол и положил ложки. — Вам бы все зубоскалить, сеньоры, а баба в доме нужна. Ну, хотя бы готовить...

Помолившись, сели за стол. Повар из Сильвена и впрямь был ужасный. Отхлебнув суп, Роже от души рассмеялся:

— С такой стряпней Сильвен отравит нас быстрее сарацинских женщин.

— Согласен, служанка необходима.

Отобедав, опять занялись захваченными вещами.

В сундуке на кухне оказалось несколько серебряных блюд и покрытый позолотой кубок. Остальное — пряности в мешочках и пучках, огниво, нож и хороший топорик. В женском сундуке были ткани и льняное постельное бельё, веретено и душистые четки. Их Гуго прихватил на память с собой и после не расставался.

Гораздо занятнее оказался сундук внизу. Бывший хозяин дома был любителем книг, наверное, какой-то ученый. Свитки папируса, пергаменты, сшитые в кодекс или свернутые просто в рулон. Свитки из странной тонкой бумаги, желтоватой и полупрозрачной на свет. Удивлявшая своей непрочностью бумага

была в диковинку франкам. На ней было даже страшно писать! Ну, разве что голубиную почту.

Гуго долго рассматривал и перекладывал свитки и книги. В массивном рулоне, перевязанном голубой шелковой лентой, оказалось несколько карт. Выполненные на хорошо выделанных пергаментях из козьих или овечьих шкур, карты поражали своей точностью и новизной. От того, что было изображено на них, Гуго покрылся холодным потом. С трудом опознав знакомые очертания Италии и Византии, отыскав Египет и Иерусалим, он увидел, что земли продолжают дальше. За Аравию, Сирию и Египет — намного дальше, чем может себе представить человеческий рассудок. Разделенные океаном, словно два оторванных крыла лежали незнакомые континенты. От увиденного ум Гуго пришел в смятение. Острова, заливы, дальние берега. Все было выполнено изящно и четко. Надписи были сделаны на византийском и еще каких-то других, неизвестных языках, но были и такие, что написаны на знакомой латыни. На одной из карт, очень смешной, мир был изображен почему-то круглым.

Гуго просидел над картами до темноты. Когда стало от напряжения резать глаза, зажег масляный светильник. Мир казался ему совсем иным, чем в детстве обучали каноники из монастыря в Труа. Кто были эти народы на незнакомых материках? Хитрые карлики, богатыри-великаны, или древние праотцы, которых не настиг потоп? Что сулили они землям Христовым и ведали ли Христа?

Шевалье долго ходил по комнате, переводя дух, потом решил все снова спрятать — до тех пор, пока не осмыслит, как быть и что делать с картами дальше. Показывать баронам — даже Танкреду, мечтавшему ради имени Христова до горизонта завоевать мир — было бы бесполезно. Продать? Стало бы безумием... Оставалось только думать и ждать.

Из всех карт он оставил только одну, с планом Иерусалима. С крепостной стеной и двенадцатью башнями вокруг, воротами,

церквями, домами. Во главе пышно и помпезно высился храм Соломона, окруженный высокой стеной. Хорошо был узнаваем и Гроб Господень. Не без труда Гуго отыскал дом графа Этьена, а потом и то место, где должен был находиться его собственный дом. Улыбнувшись, рыцарь, как булавку, воткнул в эту точку твердый акациевый шип — когда-нибудь потом, по этой карте он обязательно будет учить сына.

Пергамент с планом Святого города нашел себе место на стене напротив кровати. А умиленный и удивленный Гуго лег спать. Вместо привычных ужасов, сражений и искаженных лиц людей, которых он без числа лишил жизни, рыцарю снился замок Пейен с невысоким коренастым донжоном, снились жена и сын, близкие и родные.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ. КРАХ АЛЬ-АФДАЛА

Танкред лениво поигрывал подаренным кинжалом. Рукоять черненого серебра, с крупным рубином, а по клинку расходился вороненый узор. Оружие из дамасской стали, которое ковали сирийские и персидские кузнецы, быстро пришлось по вкусу крестоносцам.

— И как Вам, сеньор Танкред, титул короля Наблуса? — граф Евстафий Бульонский, родной брат Готфрида Бульонского, пригубил вина. — Местные христиане любят нас и во всем нам доверяют.

— Сеньор Евстафий, поживем — увидим... Действительно — великолепный клинок. — Танкред прищурился, разглядывая лезвие. — А ваш брат — хорош! Удивил тогда сарацинов! А как был удивлен верблюды!

Граф Евстафий улыбнулся. Речь шла о случае, когда сарацинские послы решили испытать силу Готфрида — действительно ли он дружен с мечом. Граф Готфрид, улыбнувшись, повелел привести верблюда — и — ух! Отсек ему голову одним взмахом меча. Словно срубил тростинку.

— Мессир Танкред, мессир Евстафий! — в дверь шатра просунулся шлем шевалье Жерара. — Разрешите доложить, господа! К вам гонец сеньора Готфрида, защитника Гроба Господня.

— Зовите его сюда.

В шатер вошел рыцарь в короткой легкой кольчуге. Судя по изможденному виду, он проделал нелегкий путь. Рыцарь бросил жадный взгляд на кубок, вероятно, его мучила жажда, но пересилил себя. Сглотнув пересохшим ртом, он отrapортировал баронам:

— Шевалье Гюи де Монтерлан, прибыл со срочной депешей от сеньора Готфрида, защитника Гроба Господня.

Шевалье Гюи поклонился и протянул Танкреду свернутый пергамент. Танкред посмотрел на графа Евстафия, кивнул и сорвал печать. Он успел перехватить голодный взгляд рыцаря и крикнул вассалу:

— Сеньор Жерар, накормите это достойного рыцаря и дайте ему выпить! — Танкред развернул свиток, быстро пробежал глазами и передал Евстафию Булонскому.

— Ваш брат просит о помощи.

— О, Небеса! Случилось что-то плохое?

Евстафий выхватил пергамент, прочитал и облегченно вздохнул:

— Это предсказуемо. Разведчики подтвердили приближение фатимидского войска. Готфрид просит узнать, насколько все серьезно.

— Да будет так. Выезжаем на рассвете утром.

— Они движутся с юго-запада. Думаю, как и мы, они должны идти по берегу моря. Так кораблями можно доставлять провиант и дорога там абсолютно прямая.

— Мы не знаем, насколько они далеко. Проедем до Цезарии, пополним запасы провизии и возьмем путь на закат вдоль моря.

— Объявите своим рыцарям, пусть готовят лошадей и слуг. Каждому иметь воды и еды на пару дней перехода.

На исходе ночи, когда солнце еще не показалось из-за холмов, а роса столь обильна, что её можно собирать плащом, отряды обоих баронов, как перелетные птицы сорвались по извилистой

дороге, ведущей через горы к морю. По пути им несколько раз встречались вооруженные сарацины — из незахваченных крепостями крепостей или разбойники, рыскавшие, как волки, но не они были целью.

К вечеру оба отряда добрались почти до Цезари — Кесари Палестинской, что строил еще царь Ирод. Непрístupная мусульманская крепость, из тех, что охраняли побережье. Каменные стены, высокая смотровая башня, купола мечетей и церквей, вонь гниющих водорослей и дохлой рыбы. Лодки и галеры в порту.

Объехав грозный бастион стороной, встретили рыбацкую деревушку. Въезрошенные финиковые пальмы и жесткая серебристая трава на берегу. Злобные настороженные лица. Босоногие ребяташки, черные от загара как чертенята, бросились врассыпную. Запирались двери и ставни. Никто не хотел говорить. Даже за предложенные монеты.

Допросили сперва двух рыбаков, потом погонщика мула. Ираклий, знатный христианин и отличный воин из Наблуса, с которым Танкред познакомился еще до осады Иерусалима, снова вызвался быть переводчиком и проводником. Но его усилия ничего не дали. Возможно, что-то слышали — но не знают что. Тревожное сейчас время.

Доверять местным не стали и разбили лагерь на берегу, выставив повсюду дозорных.

Близ Арсуфа, когда-то славившегося производством стекла, а ныне схожего с Цезарией крепости-городка, дела пошли лучше. Местные христиане рассказали, что рыбаки на своих лодках с моря видели вооруженные группы людей — пеших и на конях. В Яффе хорошо различались египетские корабли, до сих пор сторожившие гавань.

Танкред придержал разыгравшегося коня — жара на берегу была не такой сильной, легкий бриз придавал силы.

— Думаю, к Готфриду стоит послать гонца, мы же без промедления поедem дальше.

Такой желанный, тихий, сытый Иерусалим остался позади слева. Подняв копытами пыль, гонец умчался с депешей по накатанной всем знакомой дороге от Яффы до Яффских ворот.

После Яффы решили разделиться — Ефстафий со своими людьми направились к городку Рамле, а Танкред продолжил путь вдоль берега моря.

Морские волны дробно накатывали на камни, бело-желтые шапки пены чавкали тут и там. Кое-где по кромке прибоя алили мягкие цветки актиний. Стайки рыб прятались в морской траве. С испуганным криком срывались чайки. Танкред взял флягу и сделал глоток нагретой воды. Его внимание привлекло движение за рощицей диких маслин.

— Сарацины! Слева!

Человек десять верхом ринулись наперерез. Пятеро пеших людей заметались как зайцы. Будь они земледельцами или рыбаками — с чего бы им бежать? Танкред прищепил коня и помчался за одним из людей. Мусульманин в белых штанах и рубахе и в таком же намотанном на голову тюрбане-платке, сначала попытался увернуться, ныряя между деревьев. Жесткие ветки с серебристыми листьями хлестанули Танкреда по лицу. Понимая, что бежать некуда, сарацин остановился и выхватил из ножен узкий короткий меч. Это его и погубило. Приученный охранять всадника конь тут же сбил араба грудью. Опасаясь, что сарацин ранит любимую боевую лошадь, Танкред молниеносно взмахнул мечом. После этого допрашивать лазутчика было бесполезно.

Двое других сарацинов бросились бежать по крутому склону вверх, и их пришлось снимать из лука. Зато оставшихся двоих легко удалось захватить.

Пытали пленных недолго. Сначала топили в море, окуная в воду с головой, но потом, когда вырезали одному глаз, сразу сдались и наперебой все рассказали. И тот и другой были крестьянами из Каира, мобилизованными Аль-Афдалом для священной войны. Упрашивать не приходилось и пленные выдали

все, что на данный момент знали: кто, где, численность и состав войск, и когда планируют нападение.

Оказалось, что визирь Аль-Афдал почти дошел до крепости Ашкелон и оттуда планировал нанести удар по захваченному крестоносцами Иерусалиму. При этом сарацины постоянно твердили: «Джихад, джихад...» Ираклий из Наблуса разъяснил, что это у них вроде мести.

Проехав еще немного вперед, крестоносцы опять наткнулись на разведывательный отряд. Все повторилось снова, как в закольцованном сне, и новые пленные подтвердили слова первых. Еще один встреченный отряд фатимидов оказался конным, и им удалось уйти, оставив лишь дымку пыли. Ждать дальше не имело смысла.

Танкред приказал рыцарю Жерару скакать в Иерусалим во весь опор, взяв запасную лошадь. Готфрид должен был созвать баронов со своими войсками и опередить нападение.

Жерар управился в срок. Почти одновременно с ним на взмыленном коне прискакал гонец от графа Евстафия.

Близились новая битва.

В этот раз Гуго давал обед у себя. Кроме графа Этьена де Блуа присутствовали еще несколько рыцарей из числа графских вассалов, в том числе Годфруа из Сент-Омера. Все были взволнованы и возбуждены.

В честь прихода гостей Гуго де Пейен распорядился купить и зарезать ягненка, испечь и подать белый хлеб, соленые оливки, вино, сыр и вареные бобы на гарнир. Так много людей было в его доме впервые, и шевалье переживал за свой стол не меньше, чем за грядущую битву.

Говорил почти один граф Этьен.

— Оба барона подтвердили, что к нам движется несметное войско. Их глава — Аль-Афдал разбил лагерь под Ашкелоном. Каждый день армия его растет за счет сирийских отрядов.

— Нужно атаковать? Или укреплять город?

— Наш государь Готфрид решил, что будем атаковать. И, как можно, скорее.

— Доблестное решение.

— Государь призывает собраться нас в Рамле. Как только соберутся все войска, мы ударим по Ашкелону.

— А как же «князь Жинчиль»?

Под «князем Жинчилом» имелся в виду граф Раймунд, так его называли армяне и сарацины.

— Раймунд Тулузский все еще в Иорданской долине. Провансальцы пока отказываются поддержать нас. Государь с патриархом ведут переговоры.

— Раймунд обижен на весь мир. Все из-за башни Давида.

— Его отказ может всех погубить. Лотарингцев не достаточно для решающей битвы.

— Фламандцы поддерживают нас? А Короткие Штаны? Тоже?

— Граф Роберт Фламандский, как истинный рыцарь и христианин, сразу же согласился.

— А нормандец?

— А Короткие Штаны опять чудит понемногу. С важным видом сказал, что дождется своей разведки.

Ох, как это было похоже на Роберта, герцога Нормандии. Решительный в сомнительных авантюрах, он мог упрячиться в очевидном. Но, так или иначе, положение Готфрида выглядело плачевно. Если за Гроб Господень была готова воевать все Европа, то за интересы лотарингского графа проливать кровь никто не хотел.

— Если мы проиграем, христианский мир вновь потеряет святыни Иерусалима.

Повисла печальная тишина. Было слышно лишь, как челюсти пережевывают жесткое мясо.

— Нет, Господь не оставит нас. Не посраим память погибших.

— Это всего лишь очередное испытание!

— Господа! — граф Этьен поднялся, серьезный, как никогда. — Призываю вас выступить под моим штандартом с войском нашего

государя. Выезжаем послезавтра. У вас полтора дня подготовить еду, слуг и доспехи.

Опять пыль, опять жара, опять цоканье подков по каменистой дороге. Если бы не повозки, можно добраться за пару часов — путь до Рамлы километров тридцать. Гуго пришлось прикупить еще несколько ездовых лошадей. В повозку запрягли мула. Сильвен кивал носом в такт скрипу колес, засыпая и рискуя выпасть. Роже и Этьен покачивались в седлах следом. Знойная сонная тишина, обманчиво кажущаяся безопасной. Серые ящерки стремглав бросались из-под копыт, из придорожных кустов высунул и спрятал нос любопытный молодой шакаленок. На минуту обдало прогорклой вонью от застарелого трупа на обочине, и снова — аромат трав. Пустыня.

До Рамлы добрались во второй половине дня. Конечная крепость, форпост крестоносцев. Рамла по-арабски значит «пески». Правильное название. Высокие стены, белоснежный пик минарета. Редкие деревья почти не давали тень.

В крепости уже было не протолкнуться, и походные шатры разбивали вокруг. К вечеру прискакали гонцы от нормандцев — Роберт Короткие Штаны тоже двинулся в путь.

Готфрид кругами ходил по небольшому залу и нервно потирал подбородок. В общем, Рамла была готова держать оборону. В подземельях был целый бассейн пресной воды — такой большой, что можно было кататься на лодке. Но станут ли фатимиды их атаковать или бросятся на Иерусалим мимо?

— Необходимо отослать часть людей, чтобы мобилизовать оборону Иерусалима. Если мы потеряем Святой Град, то покроемся навеки позором. Что с Раймундом?

Роберт Фландрский приподнял бровь:

— Нет ответа, но он готов согласиться.

— Разумеется, не просто так.

Роберт кивнул. Раймунд набивал себе цену.

Войско графа Тулузского подтянулось на следующий день, почти одновременно с нормандцем.

Оба барона: коротышка Роберт Нормандский и громила граф Раймунд явились к Готфриду — Защитнику Гроба Господня и отрапортовали о готовности вступить в бой. Забрехала надежда.

Смешно, но с походным шатром графа Тулузского неотлучно сопровождала молодая жена.

Как только войска были в сборе, бароны вновь собрали совет. Но на правах главенства, решающее слово было за Готфридом и подъехавшим патриархом.

— Десятого августа выдвинем свои войска к крепости Ибна. Оттуда к вечеру подходим к крепости Ашкелон. Действовать осторожно и тихо. Тогда ночь и быстрота снова помогут нам. Всех сарацинских лазутчиков уничтожайте. Мы должны заставить Аль-Афдала врасплох.

— Нужно удержать наших людей от захвата добычи до тех пор, пока не справимся с Аль-Афдалом. Никто не должен расслабляться и опускать меч.

Два дня, проведенные под Рамлой, стали отдыхом для Гуго. Почти все время он пролежал на походной кровати, глядя в потолок шатра. Просто ел, пил, и думал. И, конечно, набирался сил.

Десятого августа с вечера бароны произнесли напутственные речи, а патриарх Арнульф разослал послание всем войскам:

— Войско Христово! На завтра рано утром все должны быть готовы к битве, и тот, кто попытается захватить добычу до окончания сражения, будет отлучен! Как только мы одержим победу, каждый сможет возвратиться на поле боя и в лагерь врага, чтобы взять все то, что принадлежит вам по праву!

И вот, день решающей битвы настал. Рано утром, еще в темноте, крестоносцы заняли боевую позицию напротив фатимидского войска. Насколько хватало глаз, повсюду раскинулись арабские палатки. Множество пеших воинов и лошадей

спешно выводились к атаке. Как не хотелось Готфриду нанести внезапно удар, фатимиды к отпору уже были готовы.

Справа вздымал свои стены неприступный Ашкелон, за ним далеко внизу шумело Средиземное море.

Визирь Аль-Афдал приказал подвести боевого коня. Сухой, но очень сильный невысокий арабский жеребец прядал ушами и закусывал повод. Блеснув стальными пластинами, укреплявшими легкую кольчугу, визирь легко запрыгнул на лошадь, погладил эфес меча и расправил полы шелкового халата. Впереди чернели шеренги франков. Силы были равны, пеших же у Аль-Афдала было гораздо больше. Так же, как у латинян за Христа, каждый был готов до смерти стоять за дело джихада. Каждый, но не сам Аль-Афдал. То, что творилось сейчас в сердце визиря, было загадкой для всех. Аль-Афдал по происхождению был христианином-армянином, но перешел в ислам. Сейчас же, в невесть откуда взявшемся войске крестоносцев, он видел гнев Божий, за то, что отверг Христа. Визирь тянул время, бледнел и не решался дать команду к атаке.

Гуго с Годфруа и другими рыцарями графа Этьена де Блуа находились в это время на левом фланге. Центральную позицию заняли нормандцы и уроженцы Фландрии, а вместе с ними — Танкред, рвавшийся в бой, как застоявшийся жеребец. Правый фланг принадлежал целиком провансальцу графу Раймунду с войском, по численности превосходившим всех остальных. Протрубили к атаке. Гуго пришпорил Мистраля. Соскучившийся по бегу жеребец, с места пошел в карьер. Бок о бок рядом скакал гнедой конь Годфруа де Сент-Омера, позади — верные оруженосцы.

Почти одновременно, как спички, хрустнули древки копий в руках, оставляя обломки с наконечниками в телах фатимидов. Вонзившись в строй неприятеля, рыцарские кони начинали плясать, словно бешеные волчки-игрушки. Кусаясь направо и налево, сбивая грудью, отбивая копытами, брыкаясь и лягаясь, подминая людей под себя, они были гораздо страшнее

хозяев. Иногда главным для всадников-рыцарей было просто удержаться в седле.

Молниеносный удар тяжелой конницы крестоносцев смял первые ряды арабов и не дал возможности коннице неприятеля разогнаться. Завязалась рукопашная битва. Множество пеших фатимидов не имели доспехов вообще. В считанные минуты бой перешел в избиение. Крики. Лязг мечей. Кровь.

Визирь Аль-Афдал поднял измученные глаза к небу. Где-то там был отвернувшийся от него христианский Бог. Нет, это визирь отвернулся от Бога своего рода и теперь пожинал плоды. Аль-Афдал нерешительно развернул коня и дал приказ к отступлению.

От того, что на стороне франков за освобождение христианских святынь сражается сам святой Георгий-Джирджис¹, дух сарацин падал. Многие не решались даже нападать и проливать кровь крестоносцев. Вскоре все фатимидское войско обратилось в бегство, побросав свои вещи и лагерь.

Боясь угрозы Арнульфа, крестоносцы усердствовали вовсю и не обращали внимания на дорогих лошадей, оружие и палатки. Тысячи мертвых тел мусульман усеяли поле вокруг крепости Ашкелона. Граф Раймунд теснил множество арабов к краю скалы, откуда они срывались или сами бросались в море. Пытавшиеся сдаться не находили милости и сострадания. Опустивших мечи, безоружных, склонивших головы мусульман расстреливали в упор из арбалетов и луков, как в мишени метали дротики и топоры. Со смехом, словно птиц, засыпали стрелами тех, кто искал укрытия на деревьях. Соревновались на меткость.

Фатимидский халифат отступил. Иерусалимское королевство в этот раз устояло. Напоследок разгорелся скандал — Готфрид и Раймунд схлестнулись за готовый сдаться Ашкелон.

¹ Джирджис (*араб.*) — под этим именем святой мученик Георгий Победоносец почитается у арабов.

Не уступив друг другу, бароны оставили нетронутой крепость к величайшему изумлению жителей-мусульман.

Брошенный лагерь фатимидов был в момент прибран к рукам. Нагрузили полные повозки мечей и доспехов, шатров, седел, упряжи лошадей. На телах побежденных нашли немало монет — от золотых динаров до медных грошей. Кому-то достался мул, кому-то арабская лошадь.

Разругавшиеся из-за Ашкелона бароны ехали в Иерусалим домой.

Первый Крестовый поход был завершен. К италийским и византийским берегам потянулись корабли из портовой Яффы. Франки возвращались домой. Одиннадцатое столетие от Рождества Христова завершало свой бег.

Первыми со святой земли увели свои войска принцы Роберты: Нормандский и Фландрский. К северной Сирии, чтобы беспрепятственно сесть на корабли.

Взбешенный Раймунд Тулузский тоже собрал своих людей и повел их на Триполи и Тортосу. Напоследок он передал в окружавшие Иерусалим мусульманские крепости, что гарнизон Готфрида слаб и сам может стать легкой добычей. Недостойный поступок для рыцаря и христианина.

Засобирались домой и те, кто прошел этот путь под знаменами Готфрида и его братьев. Граф Этьен де Блуа объявил своим вассалам о намерении возвратиться в Шампань. Как не долгожданен был этот момент, Гуго и Годфруа встретили его с печалью.

Улицы Иерусалима пустели на глазах. На птичьем рынке ветер гонял пух по пустым прилавкам. На монетном осталась пара менял и те работали неохотно. Бани закрылись. Гулко отдавались шаги по залам Соломонова Храма, ныне — дворца короля. Жара начинала спадать, и редкие дожди орошали землю. Вновь загудел Кедрон непокорным бурлящим потоком.

Гуго ходил кругами по первому этажу и собирал вещи. Как ни перекладывай, ни крути, получалось довольно много. Походив по комнате, он замирал и подолгу невидящим взглядом смотрел куда-то. Все три года пути и боев пробежали перед ним расплывчатым сновидением. Дороги, крепости, города, пустыня, редкие рощи. Погибшие товарищи и убитые им люди. Нескончаемая вереница лиц, искаженных мучительной болью.

Заскочил на минуту Годфруа де Сент-Омер, сказав, что граф Этьен снова собирает всех в гости. Ужин на этот раз, был, должно быть, прощальным.

Удивительным было то, что оруженосец Роже в самый последний момент уезжать отказался.

— Во Франции у меня ничего нет. Жена умерла, — впервые за год оруженосец посвятил Гуго в личную жизнь, — а дочери почти десять лет. Её воспитывает моя сестра. Вряд ли я что-то смогу дать ребенку, если заберу к себе. А Готфриду, нашему господину, верные люди нужны.

Слова сквайра, как нож, вонзились в сердце Гуго. Он возвращался во Францию, в сытый, довольный Пейен, а Гроб Господень, за который погибли сотни тысяч крестоносцев, оставался незащищен.

— В Иерусалиме остается не более трехсот рыцарей. Главное, конечно, Танкред. — печально подытожил Этьен де Блуа.

Прощальный вечер был невеселым.

— Еще немного в Рамле, Яффе и Наблусе. Иерусалимское королевство как дом на песке.

— Вокруг полно мусульманских крепостей.

— Мой оруженосец решил остаться, — задумчиво вставил Гуго.

— Сеньор Гуго, каждый из нас оставит здесь кусок сердца, но мы должны возвращаться к семьям домой.

— Готфрид раздает земли и деревни каждому, кто захочет остаться. Можно забрать свои семьи и перевезти сюда.

— Вряд ли моя жена променяет столицу на палестинский хлев.

Гуго кивнул. И его собственная жена вряд ли согласилась бы оставить замок Пейен и переселиться в безводную, кишущую скорпионами и сарацинами пустыню. Сердце разрывалось на части.

Дома он еще долго сидел, разглядывая трещинки в стене и забежавшего розового геккона. Потом подошел к фреске, долго смотрел на Соломона и Суламифь. На глаза навернулись слезы.

Через неделю с веселым графом Этьеном де Блуа, героем крестового похода, Гуго де Пейен отправился в порт. С оруженосцем Эктором, Сильвенем-служгой, повозкой и несколькими лошадьми. Роже проводил их в порт и, не стесняясь, плакал.

— Роже, мон даумазо, живи в моем доме. Оставляю под твой надзор, только береги книги. Молись за нас, друг Роже, и тебя мы не забудем в молитвах.

Где-то в дождливой, влажной Шампани поспевал виноград. Молодые дикие утки и гуси по берегам Сены поднимались на крыло. Фазаны и перепелки кормились на скошенном жнивье. Где-то у окошка сидела жена, а вытянувшийся вдвое Тибо корпел над книгой с латынью.

Шевалье Гуго де Пейен возвращался домой.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ВОЗВРАЩЕНИЕ. ЧЕТЫРЕ ГОДА СПУСТЯ

Невысокие волны с редкими барашками наверху направляли свой бег к желанным берегам Палестины. Темной полоской с зависшим облачком над ней выдавалась далекая суша. Нос толстобоклой галеры-бастарды то приподнимался, то нырял вниз в такт волнам. Сбоку длинный ряд весел размашисто отмерял гребки.

С борта торговой галеры шевалье Гуго де Пейен вглядывался в пугающую синеву, какой славится Средиземное море. Цвет индиго, густой темно-синий сапфир.

Попутный ветер трепал волосы, хлопал складками одежды и наполнял паруса. Где-то впереди отстроенная и разросшаяся Яффа готова была принимать корабли. Где-то впереди были дорогие сердцу святыни и могилы убитых друзей. Там, впереди, лежал целый пласт жизни, яркое пятно, имевшее цель и смысл. Все, что было после него — лишь серые будни, наполненные воспоминаниями, жалкая тень.

На палубе находилось еще несколько путешественников. Богатый итальянский чиновник с семьей, толстый и очень крикливый, пара монахов и несколько человек без определенного рода и звания. Последние, вероятно, ехали искать новую жизнь, остальные — в паломничество к Гробу Господню.

От надстроенной на корме каюты, пошатываясь и держась за борт, приблизился граф Гуго Шампанский. В отличие от своего блистательного младшего брата Этьена, граф Гуго Шампанский был неловок и сер. Бледнея от накатывавшей тошноты — он совершенно не переносил качку — граф изо всех сил пытался выглядеть энергичным и бодрым. Это давалось ему с натугой, и напускная веселость постоянно отдавала фальшью. К тому же веселиться граф совсем не умел.

— О, Гуго, мой друг, как я рад, наконец, добраться до Палестины! — граф Шампанский обнял за плечо своего вассала. — Сколько горьких слез я пролил, что не присоединился к вам во время похода!

Причину, по которой сюзерен отказался от идеи участвовать в Крестовом походе вместе со своим братом, Гуго де Пейен хорошо знал. Причина была белокурой и голубоглазой, была повенчана с графом законным браком и воспитывала дитя. Вся беда в том, что граф Шампанский не доверял супруге. А чуждые черты, не напоминавшие ни его, ни жену, все яснее прорисовывались на детском лице. Похоже, опасения имели твердую почву, и граф Гуго тяжело страдал. Упустив из-за слепой ревности возможность прославить свое имя, граф пытался теперь найти забвение в путешествии по Святой земле.

— Да, монсеньор, это были лучшие дни для каждого из нас, несмотря на тяготы и невзгоды. Но в Иерусалимском королевстве есть еще много шансов проявить свое усердие и силы.

— Жаль, что твой Тибо не пожелал стать оруженосцем. Сейчас был бы с тобой. Я научил бы его искусству военного дела.

— Монсеньор, мальчик с юных лет почувствовал призвание к Богу. Он только и мечтает о том, чтобы постричься в монахи.

— Похоже, у него есть пример! — граф Гуго с улыбкой посмотрел на своего тезку. — Сеньор Гуго, а ты еще не раздумал?

Гуго де Пейен стал серьезен и покачал головой. Граф Шампанский вдруг встал на цыпочки и заглянул ему за плечо:

— О, да тут сама прорастает тонзура!

В этот раз шутка была уместной. Годы брали свое, и в густых вьющихся волосах шевалье наметилась едва заметная плешь. Гуго де Пейен улыбнулся, и серьезность момента словно сняло рукой:

— Монсеньор, у меня есть время подумать.

— Бедная мадам Тереза. Остаться одной такой молодой и красивой...

Если бы эту фразу произнес ловелас и повеса граф Этьен де Блуа, то в ней поровну было бы сарказма и дурного намека. Гуго де Пейен посмотрел в глаза господину. Нет, там гуляли только собственные тоска и печаль.

Шевалье Гуго де Пейен возвращался в Иерусалим. Теперь он сопровождал сюзерена, пожелавшего найти лучший удел. Это был хороший союз. Сердце рыцаря рвалось в Палестину, граф Шампанский бежал от себя. И тот и другой искали душевного утешения в Палестинской пустыне.

Через несколько часов очертания Яффы стали хорошо различимы. Шпирон — надводный таран на носу — четко держал прицел на портовую гавань. Светлый камень домов и стен, финиковые пальмы, торговые и военные галеры и повсюду вокруг — крошечными белыми мазками паруса рыбацких лодок. Сердце бешено колотилось.

После нескольких дней морского пути, от Константинополя до Яффы, ноги отвыкли от твердой земли. Чувствовалось, что тебя все качает.

Легко и молчаливо сошли на берег монахи, закинув за плечи вещевые мешки. С криками и возгласами на пирс вывалилось все итальянское семейство, пересчитывая свои тюки. Следом граф Шампанский нетерпеливо сбежал по трапу на берег. Все теперь вызывало в нем детский восторг. И черные, как смола, эфиопы и мавры, и верблюды, и яркие восточные краски, платки и тюрбаны на головах мужчин — буквально все. Он возбужденно и радостно оглядывался вокруг, то и дело, задевая

эфес меча ладонью — от Гуго де Пейена не укрылся этот жест. Похоже, в душе граф был готов, что все сарадины набросятся на него, и он тут же совершит подвиг.

Но вместо подвига ждала рутинная разгрузка багажа, поиски повозки и лошадей. Учитывая прошлый опыт, на борт взяли только боевых лошадей — верного Мистралья и коня графа Шампани. Верховых продали в Константинополе, рассчитывая по прибытию купить новых на скотных рынках Яффы или Иерусалима.

Как воронята, набежали чумазые подростки, предлагая донести багаж.

— Эй, сударь, держите карманы, они хуже цыган!

Вечерело, но, как ни рвался граф скорее попасть в Святой город, Гуго его отговорил, посоветовав переночевать в Яффе.

Разговоры в портовой таверне, где они сняли комнату наверху, только подтвердили опасения.

В таверне, в основном, маялись паломники, кто вернулся из Иерусалима и застрял здесь в ожидании кораблей. На правах бывалых путешественников они важно и подробно рассказывали о трудностях и опасностях, подстерегающих на каждом шагу. Еще о том, как пройти к Гробу Господню, как выглядит Храмовая гора и королевский дворец. Где остановиться на ночлег, и по какому курсу сейчас меняют монеты. Гуго де Пейен улыбался в бородку, но сдерживался и скромно молчал. А граф Шампанский с горящими глазами слушал их разговоры, как сказку.

Самые неприятные для бывшего крестоносца ожидания подтвердились. Окрестности до сих пор были полны разбойников и вооруженных мавров. Как ни боролся с ними иерусалимский гарнизон короля, паломники все равно гибли.

Убедиться пришлось довольно скоро. В Иерусалим отправились утром с группой торговцев и паломников, в числе которых была шумная итальянская семья. Лошадей так и не купили — перекупщики заломили двойную цену, поэтому оба Гуго —

шевалье и граф — ехали на боевых конях. Слуги шли пешком, а вещи удалось за пару денье пристроить на повозку торговца.

Вместо Эктора у Гуго теперь был новый сквайр. Эктор удачно женился и переехал в небольшой замок, доставшийся с приданым жены. Теперь он и сам готовился принять рыцарский титул. Гуго же взял себе в оруженосцы тихого юношу Ролана родом из Труа. Ролан сразу привлек его тягой к вере. Льянные локоны, веснушки на юном лице и совершенно белые ресницы делали его непохожим на бойца. Зато как пылало его сердце!

Привычно покачивались жесткие травы в гроздьях каких-то желтых цветов, шустрые ящерицы шарахались от ступней и копыт, а в пронзительно голубом небе покрякивал коршун.

В трех верстах от портовой крепости их догнал отряд из строящегося на Яффской дороге форта — рыцарь и несколько вооруженных слуг. Оказалось, что монахи — те самые, что приплыли на одной с Гуго торговой галере и вышедшие еще вчера, ограблены и убиты, а тела их так и лежат брошенными на дороге.

Рыцарь со своими людьми за несколько монет согласился охранять всю группу до Иерусалима. Даже с такой защитой чувствовались беспокойство и страх. Итальянское семейство, когда разобралось, что произошло, заохало и запричитало. Торговцы даже не изменились в лице — настолько им все было привычно. Граф Гуго держался молодцом, постоянно вертел головой, вглядываясь в кусты и — Гуго де Пейен прекрасно понимал, наверняка мечтал встретить и убить своего первого сарацина.

Сам же шевалье де Пейен, не давая себе отчета, перестроился на Мистрале вперед и ехал чуть сбоку, цепким взглядом спокойно разглядывая путь впереди. Несмотря на кажущуюся раскованность, он был начеку. Накопленный опыт хорошо подсказывал рыцарю, где может таиться засада.

Поняв, что шевалье прикрыл собой людей, граф Шампанский тут же последовал его примеру. Он перестроился влево, как конвоир, и изо всех сил сдерживал беспокойство. Гуго де

Пейен не раз замечал, что сюзерен ему подражает. Это немного смущало, и крестоносец из всех сил старался не замечать восторженных ноток сюзерена. Субординация должна быть во всем, особенно в отношениях вассала и господина.

Но невидимая планка разделяла дворянский мир на тех, кто хоть немного вкусил пыли Крестового похода и тех, кто отсиелся дома. Первые были овеяны ореолом чести и славы, вторым приходилось мечтать.

До Иерусалима доехали спокойно. Впереди показалась знакомая стена, как несколько лет назад, но Яффские ворота были гостеприимно открыты. От воспоминаний слезились глаза.

— Ангела Хранителя в дорогу! — торговец на рыжем муле поравнялся с Гуго. — Простите, господин, но по всему видно, Вы не первый раз в этих местах.

Гуго кивнул:

— Я крестоносец. От Константинополя до Иерусалима — прошел весь поход.

— Боевую выправку видно, — улыбнулся торговец. — У меня глаз-алмаз. Нет, просто вижу впервые, а всех уже знаю в лицо. Я Шарль с Провансаля, бывший маркитант. Прошел с Раймундом до Антиохии, там я отстал. Потом перебрался в Яффу. Все изменилось, торговля теперь идет. У меня три своих лавки... буду рад, господин.

Гуго улыбнулся. Подковы цокали под гулким сводом Яффских ворот. Вот оно! Почти не изменилось!

Рыцарь остановил Мистраля, закрыл глаза и вдохнул воздух, пытаясь уловить забытые запахи. Где-то стучали топоры, лаяли собаки и блеяли козы. Слышалась французская и сирийская речь. Ветер трепал полотнище флага на башне над головой.

Гуго Шампанский подъехал вплотную. Думая, что вассал молится, тоже достал из кармана четки и прикрыл глаза.

Улица Яффских ворот пролежала стрелой через весь город и утыкалась в ворота Храмовой горы. Слева был особняк Этьена де Блуа.

— Не заблудитесь, монсеньор.

Гуго Шампанский продолжал удивляться на каждом шагу. Просторный и чистый Иерусалим, весь в садах и виноградных лозах, был куда эффектнее грязных улочек шампанской столицы.

Слуги открыли дверь, и граф вбежал в особняк. Лицо его по-детски сияло. Дом, который отдавал в пользование ему младший брат, привел Гуго Шампанского в полный восторг. Хотя, думается, окажись он лачугой бедняка, радость от встречи с Иерусалимом была бы не меньшей. Все вокруг было овеяно романтикой Крестового похода.

— Гуго, мой друг, сегодня жду на ужин. Ты ведь живешь рядом? — подняв руки вверх и радостно кружась, Гуго Шампанский стал похож на своего брата.

Слуги занесли вещи. Гуго де Пейен кивнул:

— Да, совсем рядом.

Махнув рукой оруженосцу и слуге, сгибавшимися под тяжестью вещей, он поехал вдоль Стены Плача отыскивать свой дом. Многое, действительно, изменилось.

Дом с крестом и кипарисом у входа по-прежнему ждал его. Ставни были открыты — Роже должен быть рядом. Спешившись, Гуго постучал в знакомую дверь. Она открылась не сразу. Кто-то пошаркал и долго возился с засовом. В щель просунулось пожилое лицо — видать, оруженосец все-таки обзавелся служанкой. Женщина смерила их взглядом и отступила в сторону, освобождая вход.

Шевалье шагнул внутрь. Все та же комната, тот же запах и приглушенный свет. Все та фреска напротив — Соломон и его Суламифь. Дай волю, Гуго закружился бы сейчас не хуже своего сюзерена.

Чьи-то ножки зашлепали из-за стола, и на середину комнаты выбежал кудрявый малыш в смешной короткой рубашке. Увидев незнакомых мужчин, он остановился посередине комнаты и тут же заплакал. Скрипнула дверь подсобки, и оттуда вынырнула невысокая миловидная женщина со вторым ребенком

на руках. Она не смутилась, бойко оглядела гостей и что-то прокричала во внутренний дворик.

Признаться, Гуго был удивлен. Слышно было, как заскрипели доски лестницы и террасы, протопали глухие шаги и, возмужавший и загорелый, в комнату вбежал Роже.

— Сеньор Гуго! Вы вернулись!

Роже был уже не тем меланхоличным молодым человеком, что провожал Гуго на корабль четыре года назад. С бородкой, но полысевший, добродушный и прибавивший в весе, он обнял Гуго и принялся заносить вещи.

— Мариам! Господин!

Миловидная женщина вошла в зал, уже без детей, все так же без стеснения разглядывая вошедших, и принялась накрывать на стол. А поесть было бы весьма кстати.

— Господин Гуго, а я ведь теперь тоже дворянин и сеньор рыцарь! — Роже, слегка опьяневший от сладковатого палестинского вина, сидел за накрытым столом в полотняном просторном хитоне, как древнеримский патриций. — А это сеньор Максимильтен, так звали моего сюзерена. А девочка — дочка София. Как видишь, я обзавелся семьей!

Мальчонка, который уже перестал бояться, взобрался на колени к Роже, грыз ноготь и застенчиво разглядывал гостя.

— Рад за тебя, сеньор рыцарь. Когда посвятили?

— После взятия Кесарии. Я на службе у нового короля.

— Упокой Господь доблестную душу Готфрида, нашего господаря.

— Его похоронили на Голгофе, близ Гроба Господня.

— Завтра же поклонюсь его праху.

Друзья перекрестились. Защитник Гроба Господня Готфрид Бульонский, именовавшийся с тех пор Иерусалимским, предстал на Суд Божий через год после избрания королем. В самых потайных кулуарах ходили слухи о том, что это дело рук папы. Даже не слухи — за подобные сплетни можно было лишиться головы, а мысли, полунамеки, но мысли были схожи у всех.

Даймбер, занявший место низложенного патриарха, с новой силой начал тянуть одеяло на себя. И только усилиями Балдуина Первого, нового короля, власть в государстве осталась королевской. Балдуин, в отличие от Готфрида, своего брата, не стал стесняться и принял и титул, и корону. Единственно, сделать это он согласился в городе Вифлиеме.

— Кесарию я видел только издалека. Расскажи, там правда была Чаша Тайной Вечери?

— Да, говорят, генуэзцы хвалились, что захватили её. Нас было мало, и король Балдуин пригласил пойти с собой генуэзцев. Кесария... Богатый город. Каждый сарацин был сундуком!

Гуго удивленно посмотрел на бывшего оруженосца, но сразу понял, о чем речь. Горожане, как это было в Антиохии и Марре, проглатывали свои монеты и драгоценности, пытаясь их сохранить. Но этим обрекали себя на мучительную смерть. Крестоносцы вспарывали животы всем мусульманам, которых удавалось догнать, обыскивали кишки и желудки и бросали умирать тут же, в месиве внутренностей и крови.

— Кровища лилась рекой! Богатый был город. Я там набрал почти две сотни динариев и безантов! Еще мы взяли Асур! Сеньор Гуго, а ты слышал, как наш доблестный король Балдуин чуть не погиб и был спасен мусульманским эмиром?

— Еще нет.

— О-о! Было дело, мы перешли Иордан и сразились с агравитянскими племенами. Хороший поход, мы разбили врагов христиан и захватили много добычи. Но кроме славы победителя наш король снискал венец милосердного властелина. Когда мы вернулись и обратно перебирались через Иордан, кто-то услышал крики и стоны. Оказалось, в кустах рожала хорошенькая мусульманка. Король Балдуин снял свой плащ и дал ей прикрыться от взоров. Потом велел положить на ковер и принести воду и фрукты. А когда она разрешилась дитем, привел дойную верблюдицу. Женщине дали слугу, чтобы он отвел её к мужу.

— Что ж, великодушный поступок.

На фоне вереницы зверств и убийств это казалось причудой.

— Так вот, потом был бой, когда фатимиды вернулись. Погибли граф Блуаский Стефан, герцог Бургундский и другие достойные люди. Наш король бился как лев, но сарацины оттеснили его в сухой лес, и пустили огонь, словно травили зверя. Небеса хранили нас, и наш король спасся. Он добрался до Рамлы, где почти не было наших людей, а сарацины шли войском по следу. Балдуин вновь попал к фатимидам в ловушку. Но тут явился какой-то эмир и повел его по подземному ходу. Благородный Балдуин не хотел уходить и бросать своих подчиненных. А они умоляли его спастись во имя короны. Так вот, когда король Балдуин и несколько человек оказались у стен Асура, тот незнакомый эмир признался, что он муж благодетельствованной мусульманки!

— Поучительная история. Когда-нибудь об этом сложат легенды.

— Да... Работы сейчас хватает! Множество рыцарей продолжает прибывать сейчас из Старого Света.

Повисла пауза. Роже предложил еще вина. Гуго заметил, что бывший оруженосец стал разбавлять вино теплой водой на манер византийцев.

— Еще мне дали феода. Небольшая деревня. Пшеница, виноград, масличные деревья, финиковые пальмы. Я женился на Мариам, она сирийка. Мои слуги теперь — сирийские христиане.

Гуго прекрасно понял причину замешательства бывшего даумазо. Теперь Роже был сеньором, обремененным семьей, и хорошо обжился в доме.

— Ты можешь пользоваться домом, сколько тебе угодно, Роже. Я не знаю, на сколько здесь задержусь, но мне нужен лишь угол. Прикажи Мариам постелить мне в комнатке наверху. А, мон даумазо Ролан, — Гуго улыбнулся, — твое место уже занято, Роже! Мон даумазо Ролан и мой слуга Жюрден не займут много места. Еще нужно поставить Мистраля и купить двух-трех лошадей.

— Спасибо, сеньор! Я обязательно куплю собственный дом, но цены так выросли за последнее время. Благодарю Вас, сеньор. Жюрден — вы назвали его в честь Иордана? С лошадьми приду-
маем. А какой судьбой Вы, сеньор, вернулись в Святую Землю?

— Мой сюзерен граф Гуго из нашей Шампани пожелал переехать сюда. Мы приплыли с ним первыми. На днях прибывает остальная дружина — около двадцати человек со слугами и конями.

— С дружиной? Граф хочет пополнить войско нашего короля?

— Возможно.

— Нам не хватает мечей... Уже были в церкви Гроба Господня?

— Граф Гуго очень набожен и хочет явиться туда вымытым и в чистых одеждах.

— О-о, это верно, сеньор. У нас работают целых три бани! Люблю я эти дела! На востоке знают толк в хорошей головомойке! Еще король Балдуин строит дворец, множество храмов и замки. Сеньор, у нас... в этом доме... здесь, я ничего не менял. Все книги, как велели Вы, под замком, ни одна не пропала. А-а, вот еще! Мариам!

Роже протянул сынишку жене и бросился к стене с фреской.

— Взгляните, сеньор, мы нашли тайник! Прямо вот здесь, — Роже подошел к фреске и указал на прикрытое круглым фатимидским щитом место у самой стенки. — Смотрите! Смешно, но Ваша Суламифь показывала на него пальцем!

Гуго посмотрел на фреску. Действительно, изящная девичья рука, протянутая за цветком, указывала именно на тайник, обнаруженный совершенно случайно.

— Сеньор, там не было денег, — искренне заверил Роже.

— Брось, мон шер. Я знаю, если бы были, ты бы никогда не взял.

— Разумеется, сударь. Этот дом — Ваш.

Роже отодвинул щит. В полу имелось небольшое углубление.

— Мы решили переставить сундук. Он тяжелый, как черт! Пол проломился, и вот, мы обнаружили это! — новоиспеченный

рыцарь и счастливый семьянин опустился на колени и осторожно заглянул внутрь.

Углубление было размером локоть на локоть. В щель проползло несколько серых мокриц и теперь они сновали, напуганные светом. На каменной плите, выстилавшей дно тайника, лежало два свертка из выделанной кожи. У Гуго зашумело в висках. Чем-то они напоминали сверток с пергаменными картами, найденными им раньше. Вероятно, и сами карты когда-то покоились здесь, в замурованном подполье. А, значит, убитый старик знал, с чем имеет дело.

Стараясь вести себя невозмутимо, Гуго небрежно взял оба свертка и встал:

— Разберусь, когда будет время. Роже, покажи моему слуге, где можно разместить вещи. Я должен переодеться сейчас и идти к своему сюзерену.

Почему-то закружилась голова и слегка затошнило. Неужели, от вина? Ведь он совсем мало выпил.

— На самом деле я хотел посмотреть, что там внутри, — признался, наконец, Роже и кивнул на свертки. — Но Господь наказал меня, и меня тогда чуть не стошнило. Голова болела дня два...

Комнатка наверху оказалась точно такой, как Гуго её когда-то оставил. Только наглухо закрыты ставни, и пыль густо засыпала полы, кровать и сундук. Было заметно, что здесь бьют и крысы. Выросшая, как из-под земли служанка заелозила ветошью по столику и полам. Шерстяной коврик, прикрывавший пятно натекашей тогда из старика крови, был все тот же. Служанка схватила его, чтобы вытрясти пыль и крысиный помет, и шевалье тотчас отвернулся.

Когда возня с уборкой была завершена, и Гуго де Пейен, наконец, остался один, пришло время размотать свертки. От волнения перехватило дух, по спине потекли капельки пота. Гуго стянул с себя камзол и остался в нижнем белье. Стало намного легче.

Судя по весу — внутри был камень или металл. Содержимое приятно холодило горячие ладони. Дрожащие от волнения пальцы подергали тесьму — узелок не поддавался. Тогда рыцарь выхватил нож и перерезал веревки.

Старая шагреневая кожа пахла сыростью и чем-то кислым — может, от гниения её опускали в уксус. Гуго развернул свертки. Внутри не было монет, там не было ни бирюзы, ни сапфиров. В одном лежал покрытый узором рыжей ржавчины массивный ключ, в другом — знакомая чем-то фигурка. Гуго вдруг пронзила мысль, что его также тошнило, и кружилась голова, когда он взял из руки мертвого старика серебристую фигурку варана. И так же покалывало пальцы. Только на этот раз фигурка была другой. Какая-то хищная птица. Да, конечно, орел. Орел с полусогнутыми крыльями и головой в профиль. Гуго на всякий случай перекрестил предметы. Они не зашипели, не расплавились, как воск от огня, и никуда не исчезли.

Рыцарь немного успокоился. Возможно, обе фигурки и ключ имели отношение к картам. Возможно, были привезены из тех мест, где не ступала нога белого человека. Когда, кому и зачем, и для чего применялись?

В дверь постучали, и Гуго неохотно ответил. Вошли Ролан со слугой Жюрденом, неся доспехи рыцаря и тюки с вещами. Гуго поблагодарил их и отпустил. Потом быстро отыскал свежую одежду, пристегнул меч и вышел. Ключ он сунул в сундук. А фигурку... Фигурку он сунул в карман. Она явно была непростой.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ФИГУРКИ

Найденная фигурка Орла оттягивала карман плаща. Так раньше к излишне развевающимся полам одежд подвешивали свинцовые гирьки. Гуго улыбнулся, подумав, что своими нарядами крестоносцы все больше становятся похожими на римлян или византийцев. Накатила тоска по ушедшим дням и погибшим соратникам, и крестоносец пошел к сюзерену обходным путем — через центр города мимо храма Гроба Господня.

Задумчиво вынув из кармана Орла, шевалье покатал между пальцев шнурок, привязанный к шее птицы и, немного посомневавшись, отважился надеть талисман.

У графа Шампанского уже был готов ужин, и собирались гости. Удивительно, но за несколько часов граф уже освоился и обосновался. Слуги обежали рынок и лавки, и стол, застеленный новой скатертью, был вскоре накрыт. Среди обычных хлеба, сыра, оливок, розовели окорок и ветчина. Приятно пахло жареным мясом. Сам хозяин дома стоял в гостинной, украшенной фреской, и разговаривал с каким-то немолодым монахом в черной рясе и белым крестом — такие носили иоанниты. За попечение госпиталя в последнее время к ним приклеилось прозвище — госпитальеры.

— А, Гуго, мон шер, как я рад! — граф встрепенулся и сам подошел к Гуго, схватив обеими руками ладонь своего вассала. Лицо его было столь радостно, словно он не видел шевалье де Пейена уже несколько лет. Поначалу Гуго де Пейен списал это на общее воодушевление, охватившее сюзерена по приезде в Иерусалим.

— Знакомьтесь, — граф поспешил представить Гуго своего гостя, — брат Жерар де Торн, настоятель гостеприимного дома, что напротив Гроба Господня.

Благочестивый монах-иоаннит поклонился:

— Мы печемся о здоровье паломников, привечаем сирых, кормим больных и утешаем бездомных. Мы служим рабами и слугами своим господам и повелителям, каковыми являются все слабые и больные. В соответствии со словами евангелиста и Иисуса Христа: «*Infirmus fui et visitastis me*». Что означает: «Я был болен, и вы навестили меня».

— Я много слышал о Вас и о подвигах вашего братства, брат Жерар, — в свою очередь поклонился шевалье. — И видел сегодня, как растет и отстраивается гостеприимный дом.

— Да, мы делаем новые корпуса: один для женщин, второй для братии и мужчин. Еще восстановили часовню и возводим храм св. Марии Латинской. Вот и милостивый граф Гуго Шампанский изволит помочь нам.

— И, похоже, не только деньгами! — засмеялся милостивый граф и указал на Гуго де Пейена. — Мой подданный рыцарь рвется оставить мир и присоединиться к монахам. Но мне так жаль расставаться с ним!

— Спешу заверить, что доблестные рыцари из свиты короля: Раймонд де Пюи, Дюдон де Компс, Конон де Монтегю и Гастус приняли обеты бедности и послушания и стали братьями монастыря. В наше время приходится помогать не только лекарствами, но и мечом. Мы высылаем вооруженные эскорты, чтобы охранять людей. Наша цель, чтобы люди могли прибывать для поклонения святыням...

Гуго задумчиво посмотрел на белый крест, грубыми нитками нашитый на рясу монаха. Мысль присоединиться к братству святого Иоанна не раз уже посещала его. Возможность в монастыре нести воинскую службу была выше всяких надежд.

— Простите, сеньор, крест съемный, мы не можем рисковать людьми, — вдруг стал оправдываться брат Жерар. — Мы иногда отпарываем крест, если угрожает опасность, и вновь нашиваем его.

— Что Вы, брат Жерар, в каждом братстве свои уставы, — не замедлил ответить Гуго де Пейен. Внезапные извинения брата Жерара, человека достойного и известного в Иерусалимском королевстве, очень смутили его. Может быть, брат Жерар намеренно смирялся?

— Сеньор Гуго, — монах переменял тему, — простите, но вы не больны?

— Да, Гуго, что у тебя с глазами? Правый позеленел!

— Чувствую себя нехорошо, возможно, дорога.

— Возможно, лихорадка, сеньор. Покажитесь нашим врачам, мы рады оказать помощь.

Гуго поспешно поблагодарил. На все воля Господня, но тяжело заболеть, не успев принести пользы, не вдохновляло его.

Прибыло еще два незнакомых Гуго рыцаря, и, пользуясь заминкой, шевалье вышел во двор. На свежем воздухе стало чуть легче. Гуго осторожно вынул меч из ножен и посмотрел на отражение своих глаз. Действительно, они были разного цвета. Мысль о лихорадке или желтухе вновь огорчила его.

Прочитав «Отче наш» перед началом ужина, гости расселись за стол.

— Сеньор Гуго, я хвалюсь брату Жерару, какой у меня царь Соломон! Брат Жерар, Вы должны разбираться в искусстве, правда ведь, картина достойна!

— Предназначение искусства восхвалять Создателя мира сего, — улыбнулся монах: — Как поется в псалме: «Всякое

дыхание да Его славит». А фреска великолепна. «Пир во дворце царя Соломона». На территории обители тоже такая была...

— Где?! — чуть не вскрикнул Гуго и поправился: — Извините.

— В старом домике. Но его пришлось снести наперекор искусству. Теперь там церковь святой Марии Латинской.

Гуго судорожно вздохнул.

— Мон шер, — спросил граф, — а как дела в твоём доме?

— Мой бывший оруженосец обзавелся семьей, теперь там куча детишек.

— Королевство растёт! Но, как же с тобой? Тебе хватает места?

— Не беспокойтесь монсеньор. Мне со слугами — да. А лошадей будет некуда ставить.

— О-о, это и моя головная боль. Скоро прибывает дружина. Около сотни лошадей и всех их нужно пристроить!

— Сеньор, — в разговор вмешался один из прибывших рыцарей, — в подземельях дворца сейчас сдаются конюшни. Думаю, король не откажет вам.

— Великолепно! Во дворце? В Храме царя Соломона?!

— Да, именно там. В подвалах достаточно места.

— Вот и отлично! Гуго, поручаю это дело тебе. Будешь отвечать за конюшни.

— Слушаюсь, монсеньор.

Как и подобает в мужской компании, разговор перешёл на боевых коней, доспехи и бывшие сражения. Из всех присутствующих только Гуго де Пейен и брат Жерар прошли весь Крестовый поход от Константинополя до Иерусалима. И хотя настоятель гостеприимного дома был мудрее и старше и умел держать меч в руках не хуже шевалье де Пейена, все внимание присутствующих постоянно переключалось на Гуго. Его слушали с нескрываемым почтением. Любая его мысль находила отклик в сердцах, любое слово одобрялось. В какой-то момент Гуго даже показалось, что позови он сейчас штурмовать

какую-нибудь из оставшихся в Палестине сарацинских крепостей, все бы его поддержали.

Ужин окончился за полночь. Но граф все еще не хотел отпустить своего вассала.

— Послушай, мой друг, в моем особняке достаточно места. Поселить тебя в своем доме — большая честь для меня.

— Благодарю Вас, монсеньор.

— Завтра у меня аудиенция у короля. И я хочу, чтобы ты был рядом.

Ночные улицы Иерусалима были как в сказке. Душно и тепло, из стен домов вдруг обдавало горячими волнами. Была полная луна, и великолепный купол «Скалы» светился серебристым светом — теперь мечеть переименовали в Храм Господень и установили крест. Лениво побреживали собаки. Все так же, как четыре года назад, над Храмовой горой уныло покрикивала сова.

В доме все спали. Слуга Жюрден — ему поставили кровать в нижней комнате, хлопая заспанными глазами, открыл засов. Гуго мягко проскользнул во внутренний дворик, но не пошел на террасу, а поискал глазами стык соломенных крыш — хлева и кухни. В ярком лунном свете был виден каждый предмет. Шевалье открыл кухню, стараясь не разбудить спящую служанку, вытащил табурет и приставил к стене. Было тихо. Легким движением он вскарабкался на крышу кухни и пошарил ладонью. Рука нащупала холодный металл, и знакомо закололо пальцы. Затаившись в щели между двух крыш, Варан все эти годы дожидался его. Гуго схватил фигурку и чуть не упал вниз — настолько ему стало плохо. С трудом сдерживая головокружение, он сполз с крыши вниз и положил Варана на землю. Слегка отпустило. Похоже, вещицы были как соль — положишь ложку — хорошо, вторую — есть невозможно. Или, как вино — первая пинта веселит кровь, а от второй нутро рвется наружу.

Решив не рисковать самочувствием, Гуго перенес предметы в спальню по одному и бережно спрятал.

Наутро он проснулся полным сил и абсолютно здоровым. Первое, что сразу же заняло его, было воспоминание о вчерашних беседах. Возможность вооруженной службы при братском ордене радовала его. Горнее можно было сочетать с дольным. Остаться рыцарем и стать монахом. Такое сочетание двух совершенно несхожих призваний могла даровать только Святая земля. Вспомнилось и то, с каким глубоким почтением отнеслись к нему окружающие, в том числе брат Жерар де Торн. Что ж, как сталь меча закаляется в воде и горниле, так смирение и скромность Гуго, вероятно, проходили испытание на прочность.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

АУДИЕНЦИЯ

Наспех позавтракав, Гуго облачился в короткий плащ и летнее платье, более подходящее для Палестинской жары. Препоясываясь мечом, снова обнажил лезвие и осмотрел отражение своих глаз. Сейчас они были привычного серо-голубого цвета. Шевалье задумался. Когда старик протягивал ему зачем-то фигурку Варана, один глаз его, казалось, был затянут желтоватым бельмом. А, может быть, не бельмом? Гуго стоял тогда боком, и наносник шлема мешал разглядеть старика. Рука сама осторожно потянулась к холщовой рубаше, в которую ночью он завернул оба предмета. Разумеется, Орел ему нравился больше. Варан был угрюм и свиреп, как подобало ползучему гаду. Гуго решительно надел талисман с Орлом, посмотрел на отражение глаз — они вновь изменились, и отправился в особняк сюзерена.

Граф Гуго Шампанский ходил перед дверями дома, вымытый, в шелковом летнем платье с бархатным бордовым плащом.

— О, Гуго, послушай, ты не замечал? — Граф был очень взволнован. — Приветствую тебя, друг мой! Гуго ты не замечал, из чего сделаны стены Соломонова Храма?

— Из местного камня... Нет, не замечал. — Поправился шевалье, поняв, что графа интересует другой ответ.

— Нет, Гуго, ты взгляни. Конечно из камня, но из какого!

Граф подвел Гуго к Стене Плача и провел рукой по стыкам. Только сейчас шевалье разглядел то, на что ни разу не обращал внимания, проходя мимо десятки раз. Нижние блоки были таких размеров, что их не сдвинул бы с места и десяток тяжело-возных коней.

— Кто это строил? Люди?!

— Если верить, царь Соломон...

Граф Гуго посмотрел блестящими расширенными глазами:
— Людям не под силу. Что, если великаны на службе царя Соломона? Вроде Голиафа или Немврода... мы знаем совсем немного о них. Гуго, это те великаны, которых погубил Потоп! Те, что учили людей тайным знаниям, за что их и невзлюбил Господь.

Полгода назад шевалье счел бы услышанное сказкой. Сейчас доказательства лежали у него в сундуке, а одно из них — висело на шее.. Странные вещи, карты и загадочный ключ. Но рассказывать о них сюзерену он пока не хотел.

— Я слышал, здесь рядом крепость из таких же камней. И в ней коридоры такой высоты, что могла бы проплыть парусная галера.

— Вот! Вот! Гуго, а что если это строили до Потопа? Строили те, кто владел тайной? Тайной, которая перевернет мир? Мудрость царя Соломона... Соломоновы ключи...

От догадок шевелились волосы на голове, и обадало потом.

Подошел некто шевалье Шарль и доложил, что Его Величество король Иерусалимский сейчас во дворце и, возможно, их примет.

На территорию Храмовой горы теперь было попасть не так просто. У ворот стояли стражники в тяжелых доспехах. Не без благочестивого трепета оба Гуго ступили на храмовую землю.

Огромная каменная площадь была выметена и чиста, и только камни перед входом во дворец все еще были темнее. Над

куполами возвышались кресты. Граф и вассал смиренно перекрестились.

В королевском дворце — Храме царя Соломона, бывшей мечети Аль-Акса, теперь кипела жизнь. По каменным залам и галереям сновали военные и гражданские лица. После двухчасового ожидания в приемной рыцарям разрешили войти.

Король Иерусалимский Балдуин I чертами очень напоминал покойного брата. Однако если мудрость и благочестие достались Готфриду, то воинственность и сухой расчет вытеснили их место в душе Балдуина. Нынешний король не был сентиментален и сразу оставил идею об освобождении Гроба Господня. Он отделился от основного войска крестоносцев еще у Киликийских ворот и, как Танкред, действовал только в своих интересах. А завоевание Эдессы в глазах христианского мира навсегда бросило на него тень.

Родина праотца Авраама, Эдесса, была мирным христианским городком. Правитель, престарелый князь Торос, с радостью принял Балдуина и его отряд. Со всех сторон Эдессе угрожали мусульмане, и вряд ли эдесситы смогли бы дать отпор. Но в обмен на защиту Балдуин потребовал усыновить себя. На глазах изумленных горожан французский граф и старый армянский князь надели двойную рубаху и потерялись телами через ткань. То же Балдуин потребовал изобразить со своей приемной матерью. Граф стал княжеским сыном, а несчастный князь Торос приобрел сомнительное родство. Несложно представить, что произошло вскоре. Заподозрив заговор, князь Торос пытался бежать от новоиспеченного сынка, но не отъехал он и сотни метров от городских ворот, как упал с коня, изрешеченный французскими стрелами. Так изменой и хитростью Балдуин захватил власть в графстве Эдесском.

А ныне он стал королем, не пролив и капли пота за освобождение Иерусалима.

Сорокачетырехлетний король в полном расцвете сил, полный новых идей, теперь стоял перед Гуго и его сюзереном в короне,

шелковом длинном платье-тунике и мягких сельджукских тапочках-галошах, расшитых золотой нитью. Балдуин почти все время проводил в военных походах, и застать его во дворце было большой удачей.

— Рад приветствовать Вас, сеньоры, на Палестинской земле.

— Ваше величество! Я, граф Гуго Шампанский, прибыл в Святую землю, чтобы служить Гробу Господню и иерусалимской короне.

— Bravo, сеньор! Помощники мне нужны. На побережье еще полно сарацинских крепостей. Местные нас ненавидят. Притворные лисы, они встречали нас пальмовыми ветвями, а теперь стоят на стороне мусульман. На прошлой неделе жена-сириянка заколола одного шевалье. А вырезать мы их не можем — феоды приносят доход, на котором держится королевство. Нам очень нужны войска. Граф, каков Ваш отряд?

— Из Константинополя сейчас прибывают около двадцати шевалье в полном вооружении. С ними лошади, оруженосцы и слуги.

— Это уже хорошо, — лицо Балдуина повеселело.

— Пока же здесь только я и этот достойный господин, — граф указал на Гуго, — шевалье Гуго де Пейен. Он участвовал в Крестовом походе и был лично знаком с Вашим братом, упокой его со святыми Господь.

Гуго де Пейен преклонил колено. Король Балдуин с нескрываемым интересом посмотрел на рыцаря:

— Похвально, шевалье! Мне нужны такие люди! Как вам Иерусалим? — в голосе короля отчетливо проскальзывали дружественные нотки. — Мне не стыдно показать сегодняшнее королевство тем, кто пролил за него кровь. Мы расширили границы, захватили Кесарию и Ашкелон. Вы ведь участвовали в первой битве под Ашкелоном?

Гуго кивнул:

— Да, это было чудо. Фатимиды побежали после первого удара наших войск. Как оказалось позднее, визирь Аль-Афдал был отрешившимся христианином и ждал кары за свои грехи.

— Вот! Они верят в силу «христианского Бога». За счет этого и живем. Граф Гуго, у Вас есть пожелания или прошения? Всегда рад буду помочь.

Шампанские рыцари не ослышались. Король Балдуин был на удивление приветлив и откровенен с ними. Гуго Шампанский не преминул воспользоваться ситуацией и спросил о конюшнях.

— Хорошо, нет проблем. Я выделю вам стойла на...

— На полсотни.

— На полсотни голов лошадей. Обращайтесь, если будет мало. Конница нам нужна.

В этот день граф Гуго Шампанский присягнул на верность Балдуину I, Иерусалимскому королю, и был включен в число королевской свиты. Вместе с графом частым гостем в королевском дворце стал шевалье де Пейен. Это его тяготило. Сердце рвалось на свободу, требовало уединения и тишины.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

КОНЮШНИ ЦАРЯ СОЛОМОНА

Королевский конюший шевалье Бенедикт повел Гуго в подвалы королевского дворца, где разместились конюшни. Граф Гуго Шампанский увязался за ними следом, несмотря ни на свой титул, ни на дорогое платье — шелк и бархат в момент пропитались запахом конюшни. Рвение графа было понятно — его интересовало все, что связано с царем Соломоном. Подвалы бывшей мечети Аль-Акса потрясали своими размерами.

— Смотри, Гуго, — шептал граф, — это же конюшни самого царя Соломона! Смотри же! Святые угодники, какая старина! Это же целая вечность!

По дороге то и дело попадались тощие рабы с тачками навоза или фуражного зерна. Огромный подслеповатый мул тащил по проходу телегу с сеном. Справа и слева уходили галереи со стойлами лошадей. Тусклый свет масляных ламп выхватывал густые челки и блестящие глаза. Повсюду стояли дорогие кони фризской и местных арабских пород.

— Вот это крыло, господа. Перегородки и стойла вам придется построить. Здесь места на шесть дюжин коней и отсек, чтобы хранить упряжь. Корма и рабы свои, мы не можем всех обеспечить. Господа, мое почтение, я должен идти. — Шевалье Бенедикт поклонился и зашагал по коридору обратно.

Одной лампой стало меньше, и темнота придвинулась. Граф и шевалье остались одни. Было слышно, как вдали фыркают и ржут кони.

— Слышал ли ты, Гуго, — глаза графа блеснули, как у королевских лошадей, — что конюшни царя Соломона были больше, чем дворец его возлюбленной Шебы, красавицы-царицы Савской?

Гуго покачал головой:

— Нет, мой учитель был куда более молчалив. Но я знаю, что у царя Соломона была тысяча женщин. Ваш брат Этьен рассказал.

Гуго Шампанский почему-то хохотнул и прошептал на ухо Гуго:

— И наш король Балдуин идет по его стопам. У него две официальных жены. Слышали про скандал с Арнульфом?

Гуго опять покачал головой. Светские сплетни никогда не привлекали его. А король — да, обвинялся папой в двоеженстве, и Арнульф благочестием не отличался.

Шевалье поднял лампу и подошел к стене. Тусклый желтоватый свет выхватил из темноты такие же мегалиты, как в основании западной стены.

— Смотрите, мессир, здесь такие же камни. Святые Небеса! Какой же они величины!

Удивительно, как хорошо и безупречно были обтесаны и подогнаны эти махины. Словно сплошной монолит. Сложенные позднее руками людей каменные блоки выглядели рядом нелепо и смешно, как детские поделки.

— Интересно, насколько глубоко они уходят?

— Ты хочешь сказать, что...

— Я думаю, главные сокровища Соломонова Храма у нас под ногами, Гуго. Брат Этьен говорил мне, что Храмовая гора — сплошные каменоломни. Что могли здесь спрятать сарацины, и что прятали до них — знает только Господь.

Снова и снова неясное волнение стискивало грудь. Хотелось куда-то бежать, копать, что-то делать. Вот только непонятно — что?

— Знаешь, мой друг, — граф провел рукой по холодным камням, — сегодня мне казалось, что ты — мой талисман. Король

был так приветлив сегодня. Говорят, обычно он горд и суров. Проблема с лошадьми решена тоже... Прости, но тебе еще предстоит потрудиться. Денег и рабочих я дам. Для верховых лошадей и мулов будут разделенные жердями стойла, для боевых — закрытые денники. Амуничная, хозотсеки и комната для рабов. Сегодня закажу жерди и доски. Надо узнать у кого... Рабов я видел на рынке. Но как-то они не годны. Знаешь, за ловчего сокола запросили пару безантов и столько же за тройку рабов. Но рабы никудышные, рабы совсем не годны...

Граф еще раз провел ладонью по идеально подогнанным стыкам гигантских камней:

— Идем, мы провоняли навозом, как царь Авгий.

Следующие дни и месяцы были наполнены суетой. С обустройством конюшни едва уложились в срок. Одна за другой из Константинополя прибыли галеры с остальными рыцарями из дружины Шампанского графа. Лошадей — вьючных, верховых, боевых — расставили в конюшне. Сам Гуго прикупил еще пару некрупных, но выносливых местных лошадей — для себя и оруженосца Ролана.

Хотя свита графа сразу стала большой и пышной, Гуго Шампанский непременно хотел рядом видеть шевалье де Пейена. Светская жизнь захлестнула их еще сильнее, чем в Шампани. Аудиенции, шумные ужины, званые вечера. Гуго сопровождал сюзерена на пиры, в паломничества и во дворец.

Они посетили Гефсиманию, Иерихон и Вифлием, поклонились могилам короля Готфрида и царя Давида. Доехали и омылись в святой реке Иордан, где когда-то крестился Спаситель. По первому зову отправились с отрядом Балдуина брать изморю очередную сарацинскую крепость. Оруженосец Ролан тогда получил боевое крещение.

Жена Роже Мариам снова оказалась беременной. К рождению третьего ребенка Гуго подарил им свой дом, попросив лишь о том, чтобы пользоваться своей «кельей». Роже был ошеломлен

и потрясен подарком. Пообещал, что если родится сын, назовет его в честь Гуго.

В суете и суматохе странные карты, гигантские камни и серебристые фигурки отошли на второй план. Времени на фантазии и эксперименты у шевалье Гуго не оставалось. Пока все не решил его величество случай.

Одна из верховых кобыл в подземной конюшне графа оказалась течной. Этого было достаточно, чтобы боевые жеребцы взбесились и двое из них разнесли хлипкие денники. Один из них оказался Мистралем. Вечером к Гуго пришел посыльный от королевского конюшего и сообщил, что разъяренный Мистраль стоит в деннике в соседнем крыле, куда конюхи его с трудом загнали.

Перспектива вместо свежей кровати провести ближайшие часы в душных конюшнях не обрадовало бы никого.

— Сеньор, нужна моя помощь? — проводил до двери сонный Роже. Мариам с необъятным животом выглядывала из-за плеча мужа.

— Спите спокойно, Роже. Жюрден мне потом откроет.

Прихватив сочное яблоко — в Палестине это была редкость, шевалье с оруженосцем направились к дворцу.

Конюх-сириец, поблескивая в полумраке белоснежными зубами и белками глаз, проводил французов в соседнее крыло, где удалось прикрыть разбушевавшегося коня.

Вороной жеребец ходил кругами по небольшому отсеку и недовольно храпел. Услышав шаги, он вскинул лохматую голову и угрожающе прижал уши.

— Ну, что ты, Мистраль! — Гуго протянул любимцу яблоко. — Ролан, принеси овса, сейчас мы его перегоним.

Сквайр убежал за приманкой, а Гуго приподнял масляную лампу и осмотрел денник. В общем, помещение не было денником — скорее небольшой склад, загончик, где хранили то навоз, то зерно. В углу лежала перевернутая ногами коня сломанная тачка и тюк порыжевшей соломы. Но тут тусклый свет

выхватил дверь — старую металлическую дверь в стене, облепленную присохшим навозом. Гуго заинтересовался. Мысль о сокровищах в каменоломнях снова захватила его. Он зашел в денник, похлопал по шее и крупу обрадовавшегося Мистрала — жеребец тут же принялся тереться о хозяина головой, толкаться и покусывать руки.

Почесывая и придерживая морду коня, чтобы Мистраль не задел лампу, рыцарь подошел к двери, пытаясь разглядеть ее лучше. А посмотреть было на что. Дверь была, очевидно, литой чугунной — её не задела ржа. По всему периметру шли узоры и непонятные письмена. Шевалье дернул за кольцо — естественно, дверь была заперта. Под кольцом зияла чернотой замочная скважина — ключ должен был быть большим. Гуго посветил выше и вздрогнул, увидев изображенную на двери виноградную гроздь. У шевалье ёкнуло сердце. Конечно, это могло быть простым совпадением...

— Сеньор Гуго, зерно!

У денника стоял подбежавший оруженосец с ведром и догравшей лампой.

— Послушай, Ролан, думаю, надо уговорить конюших оставить Мистрала здесь. Если что, я выкуплю место, уж очень хорош денник.

— Далеко ходить чистить, но Вам виднее, господин.

Домой вернулись в полной темноте, ориентируясь на редкие пятна окон, где еще горел свет.

Гуго поставил светильник на стол и подошел к карте. Все также одиноко торчал воткнутый шип — Тибо с ним не приехал. Возможно, не приедет никогда — у Гуго теперь не было дома. Шевалье поцарапал ногтем пергамент. Вот его дом — теперь дом Роже, вот — братьев-графов Гуго и Этьена. Вот госпиталь и гостеприимный дом — община госпитальеров. Насколько счастлив брат Жерар де Торн, занимаясь любимым делом — полностью, целиком, не делясь с мирской суетой даже малой минутой. Внезапно у Гуго бешено заколотилось сердце,

как час назад, в деннике. Процарапанная им линия на пергаменте напоминала стрелу. Стрелу, указывавшую на Храм Соломона. Кто-то настойчиво вел его.

Утром Гуго де Пейен снова был в королевских конюшнях. Выходя из своей «кельи» он задержался, порылся в сундуке и извлек из сундука старый ключ и Орла. Как-то незаметно, подспудно, рыцарь стал считать фигурку своим амулетом. Когда Орел был с ним, переговоры ладились легко и все вопросы решались, а люди — от нищего серва до короля высказывали Гуго почтение. В такие дни граф Гуго не мог нарадоваться на вассала и требовал быть повсюду с собой.

Зажатая в ладони фигурка привычно покалывала и холодила руку. Гуго заметил, что головокружение и тошнота со временем стали меньше — может быть, рыцарь привык. А, может быть, Орел нашел общий язык со своим владельцем.

К счастью, шевалье Бенедикт был на месте. Держа руки на поясе и широко расставив ноги, он смотрел, как на корде гоняли купленного коня.

— Приветствую, Вас, сеньор.

— Приветствую, сеньор Гуго. Вот, закупили жеребца из поместья сеньора Гийома под Рамлой. Вроде как ничего... Но, Небеса! Разве в жару может родиться хороший нормандец?! Как Ваш Мистраль?! Сущий черт!

— Да, я доволен. Граф Шампанский просит крыть им своих кобыл.

— Вчера он настрогал жеребят! — Шевалье Бенедикт захохотал: — Один за ущерб — мой!

— Сеньор, Бенедикт, — Гуго улыбнулся, — конь еще очень взволнован... Можно я выкуплю новый денник? Там довольно спокойно...

— Денник в соседнем крыле? Этот... со сломанной дверью?

— Э-э... я что-то видел вчера.

— Можете оставить там лошадь. За месяц — пятнадцать дней. Но предупреждаю — нехорошее место. Лошади там ржут.

И сервы не любят это место. Говорят, что слышат там какие-то голоса...

Гуго поблагодарил и спустился в подвалы. Днем они были освещены гораздо лучше. Знакомый рабочий поклонился ему и расплылся в улыбке.

Мистраль мирно дремал в новом деннике, подрагивая шкурой и согнув заднюю ногу. Почуввав хозяина, он мотнул головой и протяжно фыркнул. Гуго оглянулся по сторонам и нырнул к металлической двери. Шанс был ничтожным и не оправдался, как страстно не желал этого шевалье. Но надежда все равно оставалась. Ключ из тайника по размеру подходил к скважине, но замка не открывал. Значит, существовали другие ключи и другие двери. Гуго чувствовал, что находится в двух шагах от разгадки. Оставалось только ждать.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

ИОРДАН

А ждать еще пришлось немало. Граф Гуго Шампанский уехал в Наблус. Там, в небольшой долине в сторону Арсуфа, король Балдуин пожаловал ему надел земли с полями и большой деревней в придачу. Граф, как всегда, полный идей, задумал возвести в своей вотчине замок на манер того, что оставил в Шампани.

Гуго де Пейен, оставшийся в Иерусалиме, отвечал за графскую конюшню и охрану графского особняка, но, по сути, был предоставлен сам себе. Это дало шанс приблизиться к долгожданной мечте. Шевалье, вновь облаченный в доспехи, вместе с верным оруженосцем Роланом сопровождал паломников по дороге в Яффу, охраняя их от разбойников и сарацин. В отличие от других рыцарей, он делал это Христа ради, бесплатно, не беря ни гроша. Весть о добродетельном нищем рыцаре летела впереди него. Многие стали почитать Гуго за праведника, что очень смущало его.

Надо сказать, в эти дни Гуго сблизился с другими рыцарями из свиты графа Шампанского: Гундомаром и Пэйном де Мондидье. Теперь втроем в сопровождении оруженосцев и слуг они патрулировали дорогу на Вифлеем и в портовую Яффу. А у Силоамского источника, куда сарацины приводили на водопой коней, они, наоборот устраивали засады.

Но самым радостным событием стало возвращение в Иерусалим Годфруа. Гуго еще перед отъездом из замка Пейен написал давнему другу, что желает вернуться на Святую землю. И вот уже щурясь от яркого солнца, с повзрослевшим оруженосцем Себастьеном и четырьмя слугами на сытых откормленных мулах в Яффские ворота въехал Годфруа де Сент-Омер. В развевающемся новом сюрко с нашитым красным крестом, в шлеме и легкой кольчуге, на широком, как андалузский бык, боевом коне иссиня вороной масти. С горящим сердцем, тугим мешочком безантов и без определенных задач.

— У Балдуина грандиозные планы. Он думает расширить границы королевства далеко за Иордан, Бог даст — до Дамаска. И на закат, за Ашкелон, прямо на земли Египта.

Гуго де Пейен вместе с Годфруа де Сент-Омером сопровождали Роже и его семью в загородное поместье. Небольшую деревню, в полтора десятка домов, бывший оруженосец получил после посвящения. Рыцарский сан давал ему право на владение феодем — на обычных людей Иерусалимские Ассизы практически не распространялись.

На светло-сером ослике позади трусила беременная Мариама, в повозке вместе со служанкой притихли уставшие дети. Вокруг, приняхиваясь и повизгивая, кружили охотничьи собаки — Роже обзавелся легавыми и соколиной охотой.

Завершали шествие Ролан с Себастьеном и несколько слуг верхом на конях, с палицами и мечами.

— Похвально. Но удержать то, что есть, в данное время — подвиг. Что скажете, Роже?

Роже утвердительно кивнул:

— Только с помощью Божьей. Сеньор Гуго расскажет, как опасны здешние горы и леса. В них тьма-тьмушая сарацин и каждый страшен, как черт. Они знают каждую тропку. Кто-то лезет из Сирии, кто — из Египта. Делов-то — перейти Иордан. А местные их покрывают.

- Среди местных полно христиан.
- То-то, сеньор Годрфруа. Поначалу они нас любили, а теперь на стороне мусульман.
- Король Балдуин говорил, что они как лисы.
- Хитрые лисы, да. За пособничество сарацинам приказано жестоко карать.
- Мы дали им свободу и веру!
- Э-э сеньор, тут не то. Раньше зимми платили налоги...
- Зимми? Кто-кто?
- Так сарацины зовут христиан и евреев, в общем, не мусульман. Так вот, раньше они платили налоги, а теперь просто рабы. Мы продаем их и покупаем, как во Франции своих крестьян. Поэтому местные так бунтуют и ненавидят нас. Год назад под Цезарией убили сеньора. Ездил проведать свой лен¹. Стянули багром с коня и насмерть забили цепами. Повесили шестерых человек. А недавно мусульманка-жена...
- Я слышал. Зарезала сонного мужа.
- И это еще не все! Она убежала с дитем. Он вырастет и еще кого-то зарежет.
- Не приведи Господь!

В деревушку приехали вечером. Небольшие дома, сложенные из грубо обтесанных камней и накрытые сверху соломой. Дети, играющие в пыли. Длинноногие тощие куры. Такие же длинноногие тощие свиньи, роющие пяточками песок, в загонках из выбеленных солнцем сучьев.

Навстречу, на маленьком черном осле, проехал старик в грязно-белом тюрбане. Недоверчивые чужие лица. Глаза, которые не хотят встречаться с тобой. Гуго вдруг ясно ощутил неприязнь, которую испытывало к ним местное население. Неприязнь и страх. Здесь ни на кого нельзя было положиться. Никому нельзя доверять. Любой из этих мирных крестьян,

¹ Лен — то же, что феодал — земельный участок, переданный в наследственное владение.

мотыгами долбивших землю, мог ночью взять меч и убивать на дорогах приезжих. Это была их земля. И Гуго, и Роже, и Иерусалимский король со всеми крестоносцами-франками были пришлыми и чужими.

— Вот и мои владения. Прошлый сеньор не вынес тягот и уехал в Европу. По Ассизам у него отобрали землю и передали мне. Я, господа, упрямый. Никуда не сбегу! — Роже спрыгнул с лошади и повел её к коновязи. — Располагайтесь, сеньоры.

Господский дом, возводившийся уже полгода, был не готов принять всех гостей.

— Эй, Роже, а где же твой замок?

— Будет и замок, и форт! А пока остановимся у старосты деревни. Он — дальняя родня Мариам.

Жена старосты быстро накрыла стол — скудная крестьянская пища: оливковое масло, ячменный хлеб, финики и немного соли. Куча загорелых детишек подглядывала из-за окон и дверей, шепотом обсуждая франков. Светлокожие крестоносцы в хаубергах и сюрко все еще были в диковинку для них.

— И каков доход лена?

— Пока толком не знаю, продал трех волов и несколько бочек масла. Виноградники, овцы и свиньи, зерно, небольшая масличная роща. Думаю выручить с продажи рабов и завести здесь конюшню...

Спать было неудобно и душно. Бока чесались от укусов блох. Вдобавок под окном всю ночь скулила собака, и плакал младенец за стеной.

Утром Роже показал свой феод. Из-за близости Иордана земля была достаточно плодородной, обильная зелень необычно радовала глаз.

— А вон там — река Иордан! — Роже махнул рукой в сторону стены тростника и высоких зарослей смоковниц-сикимор.

— Ты живешь, как в легенде! Совсем рядом — святой Иордан!

— Омоемся, господа!

Иорданская вода, быстрая и очень мутная, но при этом вкусная необыкновенно. Прохладная вода, смывающая с тебя усталость, болезни, печали. Напившись вдоволь и искупавшись, крестоносцы направились назад.

Гуго чувствовал, что счастлив, как ребенок. Чувство беззаботности и восторга переполнило его. Одновременно, в сердце вползала смутная смесь радости за Роже и странного чувства, что сам он лишен сейчас и семьи и дома. Нет ни угодий на берегу восхитительного Иордана, ни рабов, ни стад, ни полей. Нет увлекательных хлопот по хозяйству, строительству и обустройству жилья.

Что это было? Неужели зависть? Гуго испуганно пытался разобраться в собственной душе. Сомнения и раньше посещали его, но сейчас накатили особенно остро.

— Спасибо тебе, друг Роже!

— За что, Гуго? Вам спасибо, что проводили меня. Путешествовать без охраны...

— Роже, я непомерно счастлив. Иордан, Палестина, друзья... Но я должен уехать сегодня.

— Отдохните хоть несколько дней.

Гуго замотал головой:

— Нет, я приехал служить людям. Прости меня, мне пора.

Роже удивленно пожал плечами:

— Как скажите, сеньор.

Для Годфруа внезапный отъезд тоже стал неожиданностью, но все происходящее он воспринимал как приключение и был готов скакать куда и когда угодно.

До Иерусалима было около шести лье — до темноты они успевали.

— Прости меня, Годфруа, показалось, что мы слишком праздны.

— Отдохнем на том свете, сеньор, — подмигнул Годфруа, — а на этом нам еще трудиться!

Когда впереди забрезжили огни Иерусалима, уже почти стемнело. Почувствовав близость дома, лошади пошли резвее, то и дело, переходя с рыси на легкий галоп. Оруженосцы скакали следом. Гуго вглядывался в темные силуэты кустов, угадывая изгибы дороги. Как вдруг Мистраль захрипел, взвился на дубы и повалился набок. Одновременно Гуго почувствовал сильный толчок, почти выбивший его из седла и удар. Земля полетела навстречу, ударила плашмя в бок. Резко перехватило дыхание. Боль прострелила колено. Жеребец бился и хрипел, клацая зубами. Гуго понял, что придавлен конем, и Мистраль отчаянно пытается подняться.

Метнулась быстрая тень, еще одна. Перед самым лицом затоптались ноги в высоких замшевых галошах с загнутыми носками, конские копыта, блестящие от росы — снизу от земли они казались огромными. Под тяжестью хауберга и пытавшегося подняться коня Гуго был беспомощен и беззащитен. Он попытался выдернуть из ремня щита левую руку, чтобы опереться и встать. Но тут краем глаза он увидел стремительно приближающийся меч. Закричал Годфруа. Гуго попытался увернуться. Наверное, то, что произошло в следующую секунду, было чудом. Мистраль дернулся и неуверенно встал, потянув запутавшуюся в стремени ногу рыцаря. Сапог выскользнул, но этого небольшого рывка было достаточно, чтобы оттащить Гуго. Быть, может, всего на пол-локотя, но занесенный меч воткнулся в землю рядом с ключицей, распоров несколько кольчужных колец. В тот же момент нападавший дернулся и упал, подметка его сапога задержалась перед самым носом у Гуго. Еще несколько секунд позади раздавалось топтание копыт и шарканье сапог, лязг мечей, звон сбруи и тяжелое сопение сражавшихся. Потом кто-то рванул в сторону, в кусты, ломая ветки.

Несколько мгновений Гуго лежал, вглядываясь в высокое звездное небо. Впритык к щеке огоньки далеких звезд отражал чужой меч и холодил на шее кожу. Смерть была в сантиметре от шевалье. Почему-то вспомнился седой старик с Вараном

в сухой ладони. «Взявший меч от меча и погибнет». И старуха-мусульманка в объятном пламенем доме...

Гуго показалось, что проклятье, как брошенное чьей-то неумолимой рукой копьё, просвистело совсем рядом. Он жив, он, несомненно, жив, и, похоже, даже не ранен. Почему? Неужели спасло покаяние? Проклятье пронеслось мимо — может, не навредив ему, а, может, ища новую жертву.

Гуго де Пейен повернулся на бок и с трудом встал. Левый бок прострелило, вдобавок, он подвернул ногу.

— Это была засада. Ты жив? Проклятые сарацины! — Годфруа де Сент-Омер спрыгнул со своего коня и, не выпуская поводьев, протянул Гуго руку.

На земле лежало три тела в коротких халатах и тюрбанах. Один пытался встать. Кто-то из подъехавших слуг нагнулся и рубанул мечом по телу. Мусульманин скорчился и затих.

— Еще несколько убежали. Надо спешить, их может быть больше.

— Наши все живы?

— Ранили моего слугу, возможно, серьезно.

Широкая грудь мула под Роланом раздвинула придорожные кусты, и оруженосец вынырнул из темноты:

— Не догнал. Он ушел. Я побоялся за мула. Вы ранены, господин?

— Не знаю, ушиб ребра.

— Садись на моего Нуазета!¹

— Где Мистраль?

— Ему не поможешь.

Гуго обернулся. Четырнадцатилетний жеребец, преданный слуга и друг, прошедший под Гуго тысячи километров, теперь не мог сделать и нескольких шагов. Спотыкаясь и припадая на левое колено, конь пытался двигаться по обочине вперед. Гуго рванулся к Мистралю, но острая боль в щиколотке остановила его.

¹Нуазет (фр.) — орешек.

— Что с конем? Он сломал ногу?

— Нет, Гуго, засада! Он напоролся на кол.

Годфруа посадил Гуго на своего жеребца и вскочил в седло сзади. Кавалькада сорвалась с места. Обернувшись, Гуго увидел, как медленно опустился на колени Мистраль и осторожно лег на дорогу. Из груди торчал обломок обтесанной жерди. Жеребец протяжно заржал и свернул шею набок, словно собирался спать.

Через двадцать минут у Сионских ворот раздался лошадиный топот. Свет факелов выхватил группу людей на взмыленных лошадях. Среди них — два рыцаря на одном боевом коне. Один из шевалье плакал.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

ТАЙНА ЖЕЛЕЗНОЙ ДВЕРИ

Утром Ролан с Жюрденом съездили к труп Мистраля. Уздечка, седло и потник — все, что осталось от боевого друга. После у Гуго было много других лошадей, но никто не заменил Мистраля.

Сам шевалье отлеживался дома. Подниматься по лестнице было очень больно, поэтому, пользуясь отсутствием семьи Роже, Гуго расположился на первом этаже, созерцая вид из окна и фреску. Вызванный лекарь из братства святого Иоанна выявил сильное растяжение связок и перелом двух ребер — похоже, рыцарь сломал их о край собственного щита. Нога в шишолотке распухла вдвое и потемнела. Лекарь оставил вонючую растирку и порошок, велел использовать после молитвы.

Так, в молитвах, растираниях и глотании порошков прошло еще две недели. Брат Жерар де Торн, настоятель обители иоаннитов, пару раз навещал его, утешая духовной беседой. Гуго все больше склонялся к мысли о постриге у госпитальеров. Но тут вернулся граф Гуго Шампанский, отдохнувший и полный идей.

— Друг мой! Сочувствую! Потерять Мистраля... Здесь такого коня не найти.

Гуго кивнул.

— Посмотрим, что можно сделать.

— На Скотном рынке не купишь. Я уже просил поспрашивать у сеньоров. Как строительство замка?

— О-о, даже заложили донжон! — обрадовано известил граф. По всему было видно, что мыслями он и не покидал свой феод: — Крепостная стена — уже под пять футов и столько же в толщину. Здесь море камней! В подвале я обустрою конюшню — как в королевском дворце.

— Мессир, я должен рассказать вам.

Граф Шампанский удивленно вскинул бровь:

— Что еще? Ты принял постриг?

Гуго де Пейен улыбнулся:

— Пока еще нет, мессир. В вашем доме есть фреска...

— Ха! Я, вроде бы, знаю. Царь Соломон.

— Это знак, сеньор Гуго, под ней должен быть тайник.

— Ох, Небеса! — глаза графа бешено заблестели. — Тебе кто-то сказал?

— Нет, взгляните.

Граф Шампанский перевел взгляд на фреску и пол под рукой Суламифи. Тайник, чтобы не упал сын Роже, заложили небольшими камнями.

— Видите Суламифь? Её руку? А у вашей, в руке виноград.

— Святые угодники! Ну?!

— Я многое не говорил вам... я думал.

— Ах ты, хитрец, брат Гуго! Здесь что-то хранилось?

— Ключ. Ключ от двери, которую я не нашел.

Граф разочарованно протяжно вздохнул.

— Но я нашел дверь... странную дверь в подвале Храма Соломона. На ней изображена кисть винограда.

Граф встал, вытер лоб:

— Думаешь, клад?

— Это же подземелья. Неизвестно, что можно найти.

— Нет, я про свой дом. Гуго, мой друг, думаю, этот вечер стоит провести у меня.

Сославшись на плохое самочувствие, Гуго Шампанский приказал никого не принимать. Он хотел позвать слуг, но, подумав, сходил за киркой и лопатой сам.

Юная красавица Суламифь все также тянулась за виноградной кистью, изогнув стройный стан.

— Какая девица! Нужно искать по направлению её руки! — зачем-то напомнил граф.

Он постучал черенком лопаты по каменным плитам, выстилавшим пол. Действительно, звук в одном месте отличался. Граф замахнулся киркой, но потом опустил на колени и поддел край каменной плиты. С трудом она поддалась. Внизу был слой крепких досок, и пришлось вытащить соседние плиты, чтобы их освободить. Но труд увенчался успехом. Под досками оказалась полость.

Гуго де Пейен с волнением наблюдал за графом. Сломанные ребра и тугая повязка, перетянувшая грудь, мешали присоединиться к процессу. Но вот Гуго Шампанский оперся ладонью об пол, выхватил что-то тяжелое со дна тайника и положил рядом. Знакомый старый пергамент оборачивал вещь.

— Гуго, мон шер, думаю, стоит выпить.

От переживаний во рту пересохло и, действительно, хотелось пить. Рыцари по очереди отхлебнули из бурдюка вина — на кубки времени не хватало.

Граф суетливо начал разворачивать сверток, потом бросил, потянулся к тайнику и вытащил еще один. Вытер со лба пот и снова принялся дергать тесьму на первой находке. Гуго де Пейен молча протянул кинжал.

— Спасибо, мой друг! — граф рывком резанул тесьму и развернул пергамент.

Внутри лежал увесистый кодекс¹. Окажись там золотой слиток или алмазная диадема, граф обрадовался бы не меньше. Сам факт существования интриги уже вдохновлял его.

Наспех перевернув два-три листа, Гуго Шампанский развернул второй сверток. Ожидания превзошли себя — там лежал еще один ключ.

¹ Кодекс — (лат. *codex* — *ствол, пень, книга*) — характерный для Средневековья тип пергаментной книги, состоящей из сшитых дипломов. Диплом — лист пергамента, сложенный пополам.

— Да! — прошептал Гуго де Пейен. — Граф, мы не ошиблись!

— Скорее, нужно все убрать! — Гуго Шампанский подмигнул. — Заметаем следы, Гуго?

Он еще раз заглянул внутрь тайника, для надежности ощупал стенки и принялся обратно устанавливать плиты и доски. Гуго де Пейен, стараясь не замечать стреляющую боль в боку, хоть как-то пытался помочь своему сюзерену.

Когда волнения улеглись, а бурдюк вина ощутимо сдулся, оба Гуго переместились за стол и рассмотрели книгу. Манускрипт был довольно тяжелым, без каких-либо надписей или вензелей на темной грубой обложке. Зато страницы были обильно испещрены множеством рисунков. Было много изображений цветов: анютины глазки, васильки, странные огромные цветки с темной большой серединкой и ярко-желтыми лепестками. Увидев знакомую лилию, Гуго вздрогнул. Некоторые растения изображались странно — в цветках угадывался чертополох, плоды — странные красные ягоды, похожие на барбарис, листья были, как у папоротника, а корни напоминали загадочную мандрагору.

— Думаю, это рецепты. Из чего что варить.

— Скорее всего. Да, какие-то зелья.

Тем, что текст написан на незнакомом языке, книга несколько разочаровала. Это не был греческий или латынь, не похоже и на арабскую вязь. Но тому, кто мог её прочитать, открывались большие знания. Картины неба в фигурах и звездах. Загадочные карты, диаграммы. Множество изображений людей — преимущественно, обнаженных женщин. Одна страница изобиловала рисунками нагих пухлых девиц, купавшихся в водоемах. На головах некоторых из них были золотые короны. Все бассейны и водоемы, зачастую напоминавшие органы человеческих тел, переплетались между собой трубами.

— Какой-то алхимик писал.

— Нет, скорее астроном или лекарь.

— Эти круги похожи на человеческий глаз.

— А по мне, так простые узоры. Как на фатимидских щитах.

Некоторые изображения были сделаны весьма искусно, некоторые — словно начертил неумелый ребенок. Но когда среди множества рисунков Гуго де Пейен увидел орла, а немного погодя неуклюжего ящера, похожего на варана, стало ясно, что ключи, серебристые фигурки и найденный манускрипт — звенья одной цепи. Но про свои амулеты Гуго пока предпочел промолчать.

— Полагаю, ты думаешь то же, что и я, — граф перевернул еще один лист манускрипта. Там было растение с зонтиком белых цветов, напоминавшее ядовитую цикуту. — Если под нашими фресками были тайники, то таких мест может быть много.

— И даже в разных городах.

— Да. Можно попробовать расспросить сограждан. Скажем... из Европы приехал взбалмошный граф, который обожает искусство. Фрески, Библейские истории, царь Соломон. Может даже скупать дома. Да, я согласен вложиться. Вдруг дело стоит того?

Только сейчас Гуго понял, насколько правильным было решение привлечь сюзерена. С деньгами и связями графа Шампанского действовать было легко.

— Теперь о твоей двери. Мистраль погиб. А что с денником? Только не говори, что забрали.

Гуго де Пейен улыбнулся:

— Я поставил туда лошадь Ролана. Но, чтобы не было вопросов, там должен стоять боевой конь.

— Это мы решим скоро.

Было решено переставить в денник боевого жеребца графа. Тогда, чтобы не вызывать подозрений, можно было присутствовать и вассалу, и сюзерену.

В конюшни направились утром. Было довольно пустынно — король Балдуин опять находился в отъезде с большей частью свиты.

В деннике верховая лошадь Ролана задумчиво жевала овес. У Гуго сжалось сердце.

— Гуго, не стоит себя терзать. На все воля Божья. Быть может, отобрав Мистраля, суета мира отпускает тебя.

— Да, спасибо мессир.

Оруженосец увел лошадь, и через четверть часа по проходу раздались глухие удары подков боевого коня Шампанского графа.

— Отлично, Ролан. Поставь его на развязки и расчисть копыта, а мы заглянем в денник.

Оба Гуго, стараясь не наступать в горки свежего навоза, проскользнули к железной двери.

— Удивительно, она литая. Какой странный узор. И, действительно, гроздь винограда.

Граф сделал шаг назад, освобождая дорогу Гуго, и посветил масляной лампой:

— Смотри-ка, действительно, это очень древние стойла. Кони стояли здесь до сарацин. Истинно, конюшни строили при царе Соломоне!

— Скорее всего, за дверью сгнившая упряжь и куча ржавых стремян.

— Возможно, мон шер. Не томи!

Гуго вставил ключ, найденный в тайнике графа, глубоко вдохнул и толкнул плечом дверь. Ключ не без труда провернулся, и что-то щелкнуло внутри: клац-клац.

— Получилось!

— Оно! — Гуго перевел дух и перекрестился.

Рука легла на массивное кольцо-ручку и потянула тяжелую дверь на себя. Петли заскрипели. Изнутри потянуло холодом

— В другой раз возьмешь масла, Гуго, — граф заглянул за дверь и посветил лампой.

— Мессир, конюхи говорят — это нехорошее место. Лошади здесь волновались.

— Все может быть. Но Мистралю было спокойно.

Комнаты за дверью не было. Лампа озарила маленькую площадку, где с трудом могла развернуться пара человек, и ступени, круто уходящие вниз. Света хватало разве что на три-четыре метра, остальное поглощал мрак. Граф сделал шаг. Немного подумав, спустился на несколько ступеней.

— Смотри, опять гигантские камни. Фундамент уходит дальше, наверное, под нами еще подвалы.

— Мессир, один из конюхов сказал, что слышал за дверью шаги. Может быть, это эхо. А может, подземный ход сарацин. Неизвестно, что мы там встретим.

— Ты прав, Гуго. Открыв эту дверь, мы рискуем не только своей жизнью. Думаю, нужно набрать отряд из нескольких человек и потом продолжать поиск.

Но любопытство взяло вверх, и они спустились еще на несколько метров. Наконец, под ногами оказался твердый пол из необработанного камня. Галерея уходила вперед и вниз, распадаясь на проходы.

— Это каменоломни, мессир. Каменоломни царя Соломона.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

КАМЕНОЛОМНИ

Надо ли говорить, что обнаруженный подземный ход взбудоражил воображение. В ближайшие пару месяцев Гуго де Пейен с графом и слугами неоднократно спускался в недра Храмовой горы. Сначала — чуть ли не каждый день, потом — все реже и реже. Они исследовали несколько галерей, но почти все оканчивались тупиками. Ходы переплетались между собой, уходя глубже в гору. Кое-где попадались забутовки — кто-то замуровывал ходы. Потратив на разборку, немало времени, за одной из забутовок нашли пустую пещеру, за второй — нависающий свод, грозящий вот-вот рухнуть. Вероятно, каменотесы специально закладывали опасные ходы, чтобы избежать обвалов. В одном ответвлении был недоделанный мельничный жернов, в другой пещере нашли полуистлевший человеческий труп. Кто это был: хранитель пещер, раб-каменщик, надсмотрщик или беглый преступник и сколько пролежал здесь — десять лет или десять столетий, оставалось только гадать. Трупы в известняковых пещерах не гниют, а порастают плесенью, как Дор Блю или Сент-Агюр¹. Серебристый мох густо покрывал остатки одежды, как шуба. Почему-то Гуго, видевший за свою жизнь тысячи трупов, впервые почувствовал страх.

Был еще обвальный зал, за размер его прозвали Королевским, и засыпанные камнями проходы. На то, чтобы разобрать

¹ Дор Блю, Сент-Агюр — известные сорта сыра с плесенью из рода *Penicillium*. Для проращивания плесени сыры выдерживаются в известняковых пещерах.

их, потребовались бы усилия многих людей, а обследовать все — годы. В целом, увиденные каменоломни вряд ли отличались от других, скажем, под Парижем.

— Что ж, король мог бы разместить здесь винные погреба или делать голубой сыр. — Граф Гуго попробовал отшутиться, когда за очередной забутовкой оказалась пустота. — Мы сейчас как каменщики из Мерь-сюра-Уазы.

— Или кладбища, как в Париже и Риме.

Гораздо интереснее была стена фундамента. Сложенные из идеально отшлифованных блоков по восемь-десять футов длины, они могли скрывать за собой сокровища и тайны, неподвластные воображению. В двух местах были еще двери, но открыть их не получилось. На одной из них было изображено растение, похожее на чертополох, на второй — странный большой цветок с широкой серединкой. Цветок был как две капли похож на тот, что неизвестный автор тщательно изобразил в манускрипте. Даже середка была в многочисленных ребристых насечках. Но ни ключ из тайника графа, ни ключ, найденный Гуго де Пейеном, к подземным дверям не подходили.

— Смотри, камни кто-то резал, как масло ножом. Двери словно впаяны в них, почти нет зазоров, — граф с тоской провел ладонью по металлическому косяку. — Я даже боюсь заглядывать в замочные скважины.

— Можно попытаться вырубить двери киркой. Главное, чтобы нас не услышали наверху в конюшнях.

— Что ж, благословляю вас этим заняться, мон шер.

— Мы находимся с восточной стороны Храма, позади нас — Кедрон. Нужно искать ходы на север, в центр Горы и на северо-запад, под Храм.

Поиски не приносили результатов, и интерес к ним стал пропадать. Первым стал остывать граф. Дела при дворе и строительство замка отнимали внимание и время, и Гуго Шампанский вовсе перестал спускаться под землю, поручив Гуго де Пейену продолжать поиски и незамедлительно сообщать о находках.

Что до шевалье де Пейена, то и ему приходилось смиряться. Зная чуть больше графа, Гуго понимал, что затея может оказаться провальной. Энтузиазм сменялся равнодушием и даже отчаянием. Несколько раз рыцарь пытался брать с собой фигурки. Но ничего не менялось. Варан враждебно холодил руку, Орел тоже не принес удачи, лишь конюхи наверху, включая королевского конюшего, стали относиться с большим почтением. Храмовая Гора не давала себя раскрыть.

Но, имея приказ от сюзерена, Гуго де Пейен продолжал искать. Несколько раз он спускался в подземелье один, пока чуть не поплатился жизнью.

Это было двадцатое ноября, кажется, понедельник. Осенние дожди затопили улицы, дул холодный ветер. Гуго де Пейен вернулся из очередной поездки в Яффу. Шевалье Пэйн де Мондидье уехал вместе с графом, а Гуго с Годфруа де Сент Омером и Гундомаром провожали семерых монахов и аббата из итальянского монастыря в порт, как всегда, не беря платы. Единственное, что рыцари согласились взять — небольшое Евангелие, подарок и благословение аббата, два хлеба и дорожный плащ. Мысль дать обет нестяжания¹ и, подобно монахам, жить на милостыню и пожертвования, все больше и больше раззадоривала сердца.

Конь под Гуго был другим. После потери Мистраля шевалье купил семилетнего берберийского жеребца, напоминавшего прежнего друга вороной мастью и густой длинной гривой. Кличку оставил прежней — Кобир². У Кобира был мягкий аллюр, и более спокойный нрав, чем у нервных арабских лошадей, но имелся и недостаток. Оказалось, бербериец боится темноты и шарахается от незнакомых предметов. Он мог испугаться на ночной дороге кустов или встречной телеги. Оставалось только ждать достойной замены и вспоминать Мистраля.

¹ Обет нестяжания — один из трех обетов монашества заключенный в бескорыстии и отказе от личных вещей.

² Кобир (араб.) — большой.

Гуго отвел нового жеребца в денник. Рыцарь, сам седлавший и чистивший коня, уже никого не удивлял. Частые посещения им конюшни сочли одним из проявлений смирения и не задавали лишних вопросов.

Гуго, сняв упряжь и поставив коня, огляделся и вынул ключ из кармана. Чтобы шлем не мешал, рыцарь спрятал его в соломе. Мягко скрипнув, дверь в который раз распахнулась перед Гуго. Промокшая под дождем одежда холодила. Наступающая зима охладила подземелья, в свете лампы было видно, как срыгается с одежды и губ легкий пар. Сильно сквозило — вероятно, каменоломни открывались наружу, например, где-нибудь на обрывах Кедрона. А может, сквозняк давали обычные вентиляционные ходы.

Гуго де Пейен спустился до начала галереи, прошел с десятка два ярдов, как внимание его привлек странный знак на своде невысокого потолка. Копотью свечи было выведена не то буква, не то целое слово, и рядом находилось углубление размером с ладонь. Шевалье поставил лампу на пол. Ему подумалось, что если подтащить камень, то до углубления можно будет дотянуться рукой. Гуго сделал шаг назад и случайно зацепил лампу. Фитиль погас. Темнота.

Что такое темнота в пещере? Кромешный ад, не видно не зги. Ты не чувствуешь ни времени, ни пространства, не знаешь, куда идти. Час прошел, или минута. Сразу начинает окутывать холод, словно оживая в темноте. Все одинаковое и холодное — камни, стены... Спотыкаешься, ударяешься головой.

Гуго осторожно поднял бесполезную лампу и нащупал стену рукой. Вроде бы он сворачивал только один раз. Нужно было, придерживаясь за стену, вернуться, нащупать фундамент дворца и отыскать ступени вверх. При свете лампы он изучил ближайшие ходы и неплохо ориентировался среди них, но в темноте все казалось совершенно иным. Когда, по мнению Гуго, галерея должна была вывести его к монолитам фундамента, он уткнулся в тупик. Стало неприятно и очень тоскливо.

Вспомнился покрытый плесенью труп, лежащий где-то в тоннелях. Может быть, его неупокоенный дух сейчас с усмешкой следил за Гуго. Вместе с холодом тело начал пронизывать страх. Рыцарь на ощупь стал пробираться обратно, отсчитывая каждый шаг. Снова стена. Где север, где юг — непонятно. Идет ли он к фундаменту или, наоборот, углубляется внутрь горы... Гуго сел, пытаясь успокоить нервы. Оставалось только молиться.

Внезапно до ушей рыцаря донесся звук чьих-то шагов. Галлюцинации? Бесы? Конюхи говорили, что за дверью иногда раздаются шаги. Сердце стало колотиться так, что казалось, его удары слышит все подземелье. Шарканье и перестук покотившегося камня раздалось совсем рядом, и Гуго отчетливо услышал чью-то речь. Это были слова на французском. Шевалье закричал.

— Святая Клотильда! — раздалось в ответ: — Он здесь! Сеньор, дайте лампу.

— Гуго, это ты?

Свет раздвинул стены и в проходе показались Ролан и Годфруа де Сент Омер.

— Спасибо! — выдохнул Гуго. — У меня погасла лампа.

— Сеньор, простите, но я рассказал про дверь.

— Не бойся, Ролан, я дал слово. — Годфруа протянул руку: — Пойдем... мы нашли тебя. Слава Богу!

Оказалось, уже рассвело. Годфруа с вечера зашел навестить Гуго, который по всем расчетам, давно должен был отдыхать дома. Они прождали шевалье де Пейена до глубокой ночи, и забеспокоившийся Годфруа послал Ролана на конюшню. Но там был лишь оставленный шлем в деннике, а дверь же в подземелье оказалась открытой. Заподозрив неладное, оруженосец взял слово рыцаря с Годфруа де Сент Омера не спрашивать ничего и хранить тайну.

— Я позвал на помощь сеньора Годфруа.

— Ты все правильно сделал, Ролан. Похоже, я заблудился, — Гуго де Пейен поднял взгляд на своих спасителей. — Я обязан вам жизнью. Ролан, тебе уже есть двадцать один год, за этот

поступок я буду ходатайствовать к грандсеньору о посвящении тебя в рыцари на Рождество.

Ролан поклонился. Годфруа, в свою очередь, не спрашивал ничего и искренне радовался, что перед лицом Божиим свершил еще одно доброе дело. Дверь заперли, ключ спрятали в карман, оруженосца отпустили совершать благодарственные молитвы, а рыцари направились к Храму Господню.

— Я должен тебе объяснить, Годфруа. Мы с графом смогли открыть эту дверь в деннике. Она ведет в катакомбы. Мы думаем, в глубине Храмовой Горы могут быть сокровища и артефакты. Вот, пожалуй, и все. Можешь задавать вопросы.

— Друг, это ваше с графом дело. Но если нужна моя помощь, позовите и я приду.

С тех пор Гуго не спускался в подземелья в одиночку. С Роланом или Годфруа, оставив слугу Жюрдена в конюшне.

Прошло Рождество Христово. Прошел пост. Торжественно и радостно отпраздновали Пасху Господню. Солнце уже по-летнему припекало, на рынке появились свежие бобы и ячмень. Вскоре должны были жать пшеницу. В Северной Франции в это время только-только зазеленели поля.

Граф Гуго Шампанский, прибывший на Пасху в Иерусалим, вновь давал званые вечера и сам выезжал в гости. Последнее время рыцари, Гуго де Пейен и новообращенный Ролан, все чаще жили у него в особняке. Дом Роже стал слишком шумным и тесным. Смех и крики детей отвлекали шевалье де Пейена от молитвы, а Ролан медлил с оммажем¹. Вассальный договор принес бы ему собственный феод и позволил обзавестись семьей, но юноша все больше отдалялся от мира.

Вернувшись со званого вечера, граф Шампанский в большом волнении вызвал к себе Гуго.

¹ Оммаж — церемония заключалась в том, что будущий вассал, безоружный, опустившись на одно колено (два колена преклоняли только рабы и крепостные) и с непокрытой головой, вкладывал соединённые ладони в руки сюзерена с просьбой принять его в вассалы.

— Гуго, мон шер, мы нашли еще одну фреску!

— Святые угодники! Где?

— Совсем недалеко, возле сожженной синагоги. Некий Жоффруа Бизо, рыцарь, воевавший в отряде Раймунда.

— Будет ли он согласен говорить?

— Я не знаю, но послал к нему слугу.

Слуга вернулся через час. Жоффруа Бизо находился дома и был согласен принять незваных гостей.

Лачуга Жоффруа Бизо находилась между улицей Сионской горы и немецкой церковью. Похоже, что раньше в ней жила семья иудеев. После захвата Иерусалима католики-крестоносцы изгнали всех иудеев и православных христиан.

— Чем могу помочь, господа? — Дверь открыл худой высокий человек в льняной тунике до пят и сильно отросшими небрежными волосами. Борода также давно не знала ножниц и гребня.

Признаться, рыцари приняли его за слугу.

— Граф Гуго Шампанский и шевалье Гуго де Пейен, — представился граф: — Мы к сеньору Жоффруа Бизо.

— Рад служить, господа, — поклонился незнакомец. Сильный южный акцент выдавал в нем провансальца. — Шевалье Жоффруа Бизо к вашим услугам.

Хозяин низко поклонился и жестом предложил войти. Аскетизм жилья удивил. Стол, грубо сколоченный табурет, соломенный тюфяк без постельного белья, брошенный прямо на пол и единственное украшение — фреска. У Гуго перехватило дыхание. Все тот же великолепный пир во дворце сына Давида, придворные в пышных одеждах, эфиопы с опахалами в руках, танцовщицы и Суламифь, юная и стройная, как серна. Нежная девичья рука тянулась за огромным цветком с широкой темной середкой.

— Прошу Вас, достопочтенный граф, извинить убогость жилища.

— Вы здесь с первых дней?

— Да, я прошел весь Поход под знаменами Раймунда Тулузского.

— Упокой Господь его душу!

Весть о гибели графа Тулузского только долетела до Иерусалима. Ненасытность довела его до стен Триполи, где граф, как неразумный богач, вдруг отдал свою душу. Эльвира Кастильская осталась безутешной молодой вдовой с маленьким сыном на руках.

— Граф был доблестным воином, но его сгубила алчность. Мы пришли сюда служить Гробу Господню, а не набивать карман. Воинство земное, презрев свой долг — заботу о людях и церкви перестало защищать и обратилось к грабежу и разбою.

Было видно, что Жоффруа не из тех, кто ищет компромисс между спасением и мамоной. Гуго, постоянно терзавший себя подобными мыслями, со времен бунта под Мааррой не слышал подобных речей. Тем более — из уст благородного человека.

Теперь стала объяснима крайняя убогость жизни провансальского рыцаря. Жоффруа пытался вести подвижнический образ жизни, подражая христианским аскетам.

— Раньше я жил недалеко отсюда, в Армянском квартале. Но прежний дом был слишком велик для меня и я его продал.

— А-а... э-э.. не желаете ли вы, сударь, продать и этот дом? — граф Гуго решил действовать без прелюдий.

— Я слышал, Вас интересуют фрески? — Жоффруа держался достаточно независимо, несмотря на бедность одежд, и в глазах его играли хитрые искры.

— Вас известили верно, — несколько растерялся граф. — Я бы заплатил тридцать безантов. Ваша цена?

— Видите ли, сеньор, меня не интересуют деньги. Всё что нужно, я приобрел — возможность молиться у Гроба Господня. А эта лачуга вдохновляет меня на смиренный ход мысли. Её мне оставил слуга, когда убежал в Европу.

— Вы бы могли приобрести дом рядом с храмом. Или потратить деньги на добрые дела... Или основать обитель.

— Полагаю, Вы заботитесь больше о доме, нежели о моей душе.

Жоффруа ставил в тупик. Его действительно не интересовало богатство. Как отшельник-анахорет, он сам мечтал жить

в скудости и нищете. Предлагать же ему деньги, чтобы купить еще худший дом было бы абсурдом. Гуго де Пейен пожалел, что не взял с собой Орла. С ним бы переговоры пошли легче.

— Ваше предложение, сударь?

— Я слышал, фрески связаны с какой-то легендой.

Провансалец знал, что просить.

Гуго де Пейен переглянулся с сюзереном. Граф Гуго кивнул:

— Этим они и влекут нас.

— Разумеется, господа. Но я хотел бы присоединиться к Вам. Сеньор Гуго де Пейен, я много слышан о Ваших добрых делах. Говорят, вы основали братство?

— Братство? Нет, это лестно для меня. Я и мои друзья служим паломникам, охраняя их путь от мусульман.

— О том же мечтает настоятель госпитальеров, но у них слишком много хлопот. Сеньор Гуго де Пейен, для меня было бы честью предложить Вам свои услуги и меч. А после решим вопрос с фреской.

Так, с озорством и южным напором, Жоффруа Бизо ворвался в их отряд — отряд, который в шутку или всерьез стали именовать «нищими рыцарями». Смешно, но оказалось, что ни у одного из них не было стоящего дома.

— Он сказал: «братство»! — с тоской в сердце повторил Гуго, когда они распрощались с провансальским отшельником.

— Я не хочу, чтобы ты становился монахом, — тут же возразил граф. — Подумай о жене и сыне... Впрочем, тебе решать. Король Балдуин нуждается в людях, думаю, он благословит ваш союз.

Как только стало ясно, что Жоффруа Бизо можно полностью доверять, ему поведали о тайне фрески. К слову, в тайнике Жоффруа Бизо, вскрытом через несколько дней, тоже оказался ключ. Ключ от двери, на которой был изображен подсолнух, тогда еще незнакомый европейцам¹.

¹ Родина подсолнуха — Америка. Но он почему-то упоминается в некоторых рукописях до открытия Колумба, в частности, в Манускрипте Войнича.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

ТАЙНА ТРЕТЬЕЙ ДВЕРИ

Новая ниточка, новая зацепка в головоломке. Сейчас рыцари были близки к разгадке, как никогда раньше. Дверь с большим цветком вела их внутрь Храма Соломона, за мегалиты фундамента, туда, где могли находиться еще подземные этажи.

Ролан капнул оливкового масла на массивные дверные петли и в замочную скважину. Недавно посвященный в рыцари и еще не привыкший к почестям и настоящим доспехам, Ролан предпочел держаться Гуго де Пейена, как отпущенные на свободу рабы подчас не желают уходить от своего господина. Единственное, что изменило его быт, это появление пятнадцатилетнего оруженосца, сбежавшего из семьи ростовщика и нанятого на службу.

Гуго де Пейен, граф Гуго Шампанский и Жоффруа Бизо с волнением наблюдали за каждым жестом Ролана. На всякий случай прихватили двух слуг. Жюрден, как всегда, охранял дверь наверху, а рябой простоватый Паскаль, слуга из числа сервов Шампанского графа, держал запасной факел и прихваченную, на всякий случай, кирку.

Ключ повернулся, и чугунная дверь бесшумно отворилась. Впереди зияла пустота. Свет масляных ламп освещал открывшееся помещение не ярче, чем светлячок ночную поляну. Пришлось зажечь факел. Его огонь раздвинул мрак, и вырисовались

колонны-подпорки. Потолок высотой не ниже восьми ярдов таялся в темноте, лишь слабо поблескивали звездочки конденсата.

— Святые угодники! — прошептал граф: — Это тайные подземелья Соломонова Храма!

— Остерегайтесь ловушек, — усмехнулся Жоффруа Бизо. — Их строитель был очень мудрым.

То, что дворец под землей гораздо просторнее, чем снаружи, не мог представить ни патриарх, ни король.

— Зал настолько огромен... Как языческий храм. Оставим человека с лампой, чтобы найти выход. Ролан!

Оставив Ролана в качестве маяка указывать выход, остальные прошли внутрь. Пол был каменным, из тщательно отшлифованных гранитных плит. Керамических изразцов и мозаики, обильно украшавшей наземный этаж, не было и в помине. Строители подземелий пренебрегали напускной роскошью и излишествами. Все вокруг было монументально, немногословно и строго. Лишь на высоте четырех ярдов — выше, чем два человеческих роста, на стене был вырезан незамысловатый узор вроде античной волны.

Медленно и осторожно обошли пустой зал. Ничего. В северной и северо-западной части обнаружили проходы. Северный был под стать размерам зала — футов пятнадцать в высоту. Северо-западный был гораздо меньше, в человеческий рост.

— Один вход для знати, второй — для их слуг?

— Да. Парадный и запасной.

— А что если центральный — для исполинов, а меньший — для людей? Или второй был прорублен позже?

От поминания библейских великанов стало неуютно. Поэтому сначала решили обследовать тот проход, что по росту подходил людям. Ничего нового не было. Снова каменоломни. Правда, в этот раз ведущие в сторону города и вниз, к центру горы.

Второй же проход сразу принес сюрприз. Открывшийся зал был как единокровный близнец похож на предыдущий, с той

разницей, что посреди него возвышалось строение, напоминавшее зиккураты¹ из научных манускриптов.

— Словно Вавилонская башня! — сказал граф, поднеся факел к стене строения. — Только в миниатюре.

Отшлифованные плиты красного гранита отражали огонь, как зеркало. Зиккурат был трехступенчатым, футов двадцать в ширину и высотой футов пятнадцать. Граф уже собрался подниматься по лестнице, ведущей на его усеченную вершину, как Жоффруа Бизо вскрикнул:

— Господа, здесь еще одна дверь!

Факел, поднесенный к чугунной литой двери, осветил новый знак. Это была лилия. По крайней мере — цветок, похожий на ту лилию, к которой тянулась Суламифь на фреске из дома Гуго де Пейена.

Посмотрите на полевые лилии, как они растут: ни трудятся, ни прядут; но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них.

— Шевалье! — окликнул граф Шампанский. — Похоже, Ваш ход!

Гуго де Пейен уже разворачивал ключ из своего тайника. В том, что он подойдет, никто не сомневался. Не было сомнений и в том, что внутри зиккурата их ждут языческие богатства.

— Я слышал про пирамиды в Египте...

— Будьте осторожны, сеньор. Языческие капища опасны.

— Думаю, там что-то есть.

Гуго осенил крестным знаменем дверь:

— Господа, читайте молитвы.

Ключ туго провернулся в замке, и шевалье потянул массивное кольцо на себя. Дверь отворилась. Изнутри оказалось, что зиккурат полностью сложен из гранитных плит — вероятно,

¹ Зиккурат (от вавилонского слова *sigguratu* — «вершина», в том числе «вершина горы») — многоступенчатое культовое сооружение в древнем Междуречье.

их специально привезли откуда-то издалека. Небольшой предбанник фута четыре в ширину и шесть-семь в высоту со скошенным потолком вел в центр строения. Но ни золотых статуй, ни россыпей сапфиров и бриллиантов внутри не оказалось.

Это была комната, по форме повторявшая само святилище — скошенную пирамиду, но вдвое меньше. Гуго со свойственной ему скрупулезностью подметил, что ширина комнаты не более десяти футов. Толщина стен наводила на мысль, что внутри могут находиться еще тайники, а над головой — еще одно помещение.

В центре находился массивный монолит, было видно, что его не заносили внутрь, а святилище строили уже над камнем — не исключено, что у неизвестных строителей он мог играть роль алтаря. Свет факела озарил то, что сразу привлекло всеобщее внимание. На камне стоял ларец около локтя в длину, крышка была приоткрыта. Гуго показалось, что изнутри пробивалось голубоватое свечение.

Граф энергично обошел вокруг камня и выхватил из ларца какой-то предмет. Гуго де Пейен вздрогнул. Это была еще одна серебристая фигурка, вроде тех, что он нашел в своем доме. Что именно, шевалье не рассмотрел.

— Похоже, это их идол! — граф поморщился и чуть покачнулся. — Здесь дурной воздух... кружится голова.

Гуго де Пейен догадался, что сюзерену стало плохо.

— Это даже не серебро, — продолжил граф. — Какой-то неизвестный металл... Паскаль, возьми эти штуки.

Гуго де Пейен не успел ничего сказать. Оказалось, что ларец набит фигурками птиц и зверей. Паскаль со своим крестьянским простодушием шагнул к ларцу и большими ладонями загреб сразу с десятков фигурок. Глаза слуги выпучились и остановились, а лицо исказил ужас. Судороги пробежали по телу, и он повалился навзничь, стукнувшись головой о камень. Из уголка его губ, как у бесноватой кликуши, поползла белая пена. Выроненные из рук слуги фигурки рассыпались по поверхности

камня. Гуго де Пейен отчетливо разглядел среди них пчелу, змею и лягушку. В тот же момент раздался крик Жоффруа Бизо:

— Господа! Сарацины!

К счастью, Жоффруа ошибся. Сарацин был один, да и был ли он сарацином? Никто не понял как и откуда появился этот человек. Он метнулся, как тень, к ларцу, на ходу выхватив из ножен изогнутую саблю. Гуго де Пейен прикрыл собой графа и мгновенно обнажил меч. В ближнем бою он был куда опытнее своего сюзерена.

Нападавший сражался отчаянно и с таким яростным напором, что Гуго сразу оценил его превосходство. Легкая, средней длины сабля вращались в руке сарацина, нанося стремительные удары. Гуго едва успевал блокировать их мечом. К счастью, Жоффруа Бизо, оказавшийся неплохим фехтовальщиком, стал напирать на сарацина сзади. Граф Шампанский тоже ринулся в бой. Но нападавший двигался как ртуть, ускользая от ответных ударов. Возможно, окажись они на открытом пространстве, сарацин бы одержал победу, но в неудобном маленьком помещении против трех мечей ему стало туго. Он ловко перескочил через монолит с ларцом, одновременно схватив одну из фигурок. В следующий миг незнакомец метнулся к выходу, на долю секунды обернулся, запоминая лица рыцарей, и растворился в темноте. Оставаться было опасно. Факел перегорал, и темнота сгущалась.

Жоффруа Бизо склонился над скорчившимся на полу слугой. Паскаль был жив, хоть и без сознания.

— Не по-христиански бросать его здесь! — скомандовал граф. — Господа, я буду освещать путь, а вы попробуйте донести этого несчастного серва.

— Святилище надо закрыть. Это — проклятое место! — не зачехляя меч, Жоффруа подхватил Паскаля под мышки и потащил к выходу:

— Сеньор Гуго, прикройте мне спину.

Дверь пришлось запереть. Как не велико было у Гуго де Пейена желание прихватить хоть одну из фигурок с собой, но

пришлось сдержаться. Было бы непростительно рисковать жизнями — своей и друзей.

Так, вздрагивая и держа на изготовку мечи, они двинулись обратно. К счастью, Ролан был жив и здоров и освещал лампой выход.

— Что случилось? Он жив?

— Да, здесь сарацины.

Двери в подземелье и наверху в деннике тщательно закрыли. Из конюшни вышли по очереди, стараясь не привлекать внимание. Тело Паскаля Жюрден чуть позже вывез в телеге с соломой.

На следующий день в доме графа держали совет.

— Думаю, пока нужно приостановить поиск. И спуститься вниз с отрядом королевской стражи, — граф был серьезен и, похоже, слегка напуган. — По королевскому дворцу бегают сарацины.

— Вход в подземелье закрыт. Почему мавры не воспользовались им раньше?

— Сарацин полно за каждым кустом. Но это не мавры, — задумчиво покачал головой Жоффруа. — Вернее не мавр, уж очень он был похож на европейца. А одет был как хашишин...

— Кто?

— Их зовут хашишины. Говорят, они вдыхают какую-то дурь перед началом битвы. Возможно, все гораздо сложнее. Но они очень опасны. Мы наткнулись на отряд хашишинов, когда перешли Иордан и хотели идти к Дамаску. Так вот один из них уложил до двадцати наших.

— Европейец, говоришь? Неужели предатель-рыцарь?

— Все может быть. Но мне кажется, он был одиночкой. Будь их больше, сарацины бы не отпустили нас.

— Это похоже на правду.

— Мон сеньор, — вмешался Гуго де Пейен, — как здоровье Паскаля?

— Слава Богу, он жив, но не приходит в себя уже сутки. Проклятое колдовство.

Гуго кивнул. Если две фигурки значительно ослабляли самочувствие, то несколько, взятых одновременно могли беспощадно убить. Но все они имели значение.

— Мон сеньор, — он снова обратился к графу: — нам нужно поговорить наедине. Простите меня, сеньоры.

Разговор дался нелегко. Гуго не давала покоя мысль, что он чуть не стал причиной гибели своих друзей и несчастного слуги Паскаля.

— Мон сеньор, эти предметы в ларце...

— Эти идолы, что ли?

— Я мало знаю о них, но некоторые есть в манускрипте. Думаю, манускрипт и подземелья связаны между собой...

— Я тоже это понял.

— Мон сеньор, каждая фигурка — это амулет.

Граф вскинул удивленный взгляд:

— Да, я почувствовал это.

— Их не стоит брать сразу по несколько штук, а порознь они наделяют силой. Я просто еще не знаю какой. Думаю, не стоит пускать в подземелье королевских солдат. Мы должны все обдумать. Внизу какие угодно тайны! Но если они попадут в руки нечестных людей...

— Да, я тебя понял. Только чистый сердцем удержится от искушений. В недрах Храмовой горы могут быть такие святыни! Посох Моисея, свитки мудрецов, копи царя Соломона!

— Мон сеньор, с этими знаниями мы сможем сделать прекраснее мир и очистить его от скверны и зла.

— Да, но спускаться в подземелья стало опасно. Я не могу рисковать людьми. Нужны большие отряды. Кирки, лопаты, факелы.... В конце концов, об этом узнают. Но, мон шер, кажется, выход есть! Получить разрешение короля. Ты ведь мечтал создать свое братство? Орден на защите пилигримов и граждан? Думаю, Балдуин будет не против!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

СОЮЗ ДЕВЯТИ

Граф Гуго Шампанский был прав. Пытавшиеся зарегистрировать свой Орден монахи-иоанниты, по прозвищу «госпитальеры», полностью подчинялись папе. А королю Балдуину были нужны свои преданные люди. Свой Орден, который служил бы Иерусалимской короне верой и правдой. Плод Крестового похода — полурыцари-полумонахи, способные держать меч в руках, но отказавшиеся от соблазнов бренного мира.

Король Балдуин выглядел несколько расстроенным. Он ходил по приемной, скрестив руки за спиной и разглядывая загнутые носки сапог из сафьяна. Причиной этому были семейные передраги. Жена Балдуина, армянская княжна, дочь убитого им старика Тороса, вела, по мнению короля, слишком веселую жизнь. Было ли это правдой, или прибравший к рукам земли жены Балдуин хотел избавиться от ставшего ненужным брака, знал только Господь.

— Я одобряю ваш выбор, господа, и много наслышан о ваших доблестных поступках. Как объяснил граф Гуго Шампанский, вы желаете создать Орден во славу Христа?

— Ваше величество, да. — Гуго де Пейен поклонился. Разговор с королем давался на редкость легко, и шевалье знал причину. Фигурка Орла покоилась у него на груди, покалывая кожу. Найденный амулет давал над людьми странную силу.

Они полностью доверяли его владельцу и соглашались с ним. И король не был исключением.

— Что ж, похвально. Более того, я слышал, что вы не берете платы за охрану пилигримов, и ваш богобоязненный союз прозвали «Орденом нищих»?

— Да, так получилось, что ни у кого из нас нет собственного жилища. Мы решили презреть собственные желания и отказались от своих имений и жилищ там, где Господь не имел своего угла и дома.

— Ваше благочестие похвально, сеньор. Говорят, Вы отдали свой дом бывшему оруженосцу?

— Да, Ваше величество, ему он нужней.

— Скромность и великодушие украсили Вас. Мне приятно иметь подобных людей в своем окружении. Благословляю ваш союз и буду ходатайствовать за вас перед патриархом. И... шевалье, я думаю, вашему обществу все же нужен штаб. Я был бы счастлив, пожертвовать вам достойное помещение. Вам нужен дом, особняк, возможно, фео́д и замок?

— Благодарим Вас за щедрость. Но мы бы хотели иметь скромное жилище вблизи от Храма Господня.

— Хорошо! В моем дворце пустует достаточно много комнат. Осмотрите задний двор и приделы. Оставайтесь под моим покровительством здесь, пока Церковь не рассмотрит дело и не утвердит ваш Орден.

До Собора в Труа, который официально утвердит Орден Тамплиеров, была еще целая вечность.¹ А на плечи Гуго де Пейена навалилась такая суета по обустройству будущей обители, какой он не мог представить в миру. Лишения Крестового Похода и светлые минуты, когда, уходя в пустыню, он молился и плакал перед воткнутым в землю мечом, казались ему умирительным далеким сном. Закупка лошадей, фуража, соломы,

¹ Собор в Труа, на котором был утвержден Орден тамплиеров и принят его устав, состоялся в 1128 году.

строительство денников. Упряжь и щиты, доспехи, кровати и матрасы, горшки... Бобы и мука для кухни, рубашки, башмаки...

Было решено — по монастырским уставам у каждого члена братства не будет личных вещей. Лошадей — по четыре на человека. Нет, слишком дорого — только три. Разрешается иметь сквайра. Трапеза — только в столовой. Столовая...

Надо ли говорить, что выбор места для будущей обители пал на южную часть дворца — как раз над входом в подземелья. Вместе с южным крылом Балдуин пожаловал и часть находящихся под ним конюшен. Более того, король выделил зарождающемуся Ордену несколько мануариев¹ земли с крепостными крестьянами, дабы рыцари могли существовать не только на пожертвования пилигримов.

Гуго вместе с Годфруа де Сент-Омером ходили по пустым залам.

— Здесь удобно разместить братскую спальню. Годфруа, я волнуюсь за целомудрие вверенных мне людей. Думаю, нужно обязать спать только в одежде: штаны и рубахи...

— Что с женщинами? Будем ли принимать сестер из числа девиц или вдов?

— Полностью запретить. Ни сестер, ни служанок. Компания женщин — опасная вещь. С их помощью дьявол свел многих с прямого пути к Раю. Не разглядывай женских лиц и сохранишь цветок целомудрия в сердце.

Весть о зарождающемся Ордене рыцарей, желающих принять монашество и с мечом в руках охранять пилигримов и рубежи королевства, быстро облетела Иерусалим. Кроме Гуго и Годфруа де Сент-Омера отказаться от мирских хлопот и полностью посвятить себя служению Богу согласились рыцари: Ролан, Гундомар, Андре де Монбар, Жоффруа Бизо, Пэйн де Мондидье, Аршамбо де Сент-Аман и еще один Годфруа.

¹ Мануарий — участок земли около 100–200 га, за годовую выручку с которого можно было снарядить рыцаря.

Единогласно они избрали Гуго де Пейена своим предводителем и... Великим Магистром. Нетрудно понять почему. Прохладный металл Орла привычно покалывал кожу.

Всегда скептически настроенный ко всякого рода заговорам и талисманам, шевалье пошел на компромисс — в честных руках артефакт должен был нести добро людям.

К слову, из-за бытовых хлопот исследования подземелий отошли на задний план. Но к следующей зиме, когда урожай в феоде был собран, вино разлито по бочкам, масло отжато, продана пшеница и молодые быки, обитель обустроена, а из-за начавшейся зимы поток паломников к Гробу Господню ослаб, Гуго де Пейен решил вновь спуститься под землю.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

ХАШИШИН

Денник в южном крыле конюшни, где когда-то стоял Ми-страль, перестроили и укрепили. Теперь это был хорошо заго-роженный отсек, комната, из которой можно было спокойно, без посторонних глаз, спускаться в недра Соломонова Храма. Правда, ключ от двери в подземелья должен был храниться у Великого Магистра. Как и ключ от двери, ведущей в зиккурат из красного гранита.

Следующее посещение древнего святилища прошло спо-койно. Ни в этот, ни в другие разы сарацины не появлялись. Сердце Храмовой Горы вместе с сокрытыми в нем тайнами полностью принадлежало девяти рыцарям, прозвавшими себя тамплиерами — рыцарями Храма.

Гуго де Пейен наклонился над ларцом. Было заметно, что по-сле нападения ассасина никто не притрагивался к артефактам. Несколько фигурок так и остались лежать на камне-монолите, как их рассыпал Паскаль. К слову, Паскаль остался жив, но мно-го дней пролежал в беспмятстве. Про случившееся он ничего не говорил — может, не хотел, а может, ничего не помнил.

Великий Магистр поднял одну из фигур. Это было изваяние сидящего кота. Гибкое тело, стройные лапы, спокойно изогну-тый хвост. Серо-голубые переливы на гранях. В свете факелов они были желтоватыми, слегка в красноту. Гуго вдруг почув-ствовал знакомое покалывание в пальцах, комната качнулась, поплыла, свет факелов исчез, но на стене прорезалось зареше-ченное окошко.

— Все кончено, Жоффруа...

Гуго де Пейен вздрогнул. Слева от него на сколоченной из грубых горбылей кровати сидел высокий старик. На нем была давно не стираная рубаха-туника, разорванная на плече. Человек смотрел на свои бледные босые ноги и каменный пол и медленно качал головой.

— Кто вы? — в ужасе воскликнул шевалье. Длинной седой бородой и отросшими волосами, обрамлявшими лысину и высокий лоб, незнакомец напоминал древнего пророка.

— Всегда есть надежда, монсеньор. Всегда есть надежда...

Гуго резко обернулся. Сзади него стоял второй незнакомец, также в нижней одежде со следами побоев на лице. Несмотря на синяки, держался он благородно. Однако было件нятно, что эти люди не замечают Гуго де Пейена, словно он — бестелесный дух. Или они — привидевшиеся духи, чьё незавидное бытие ему удалось посмотреть.

От быстрого поворота головы его опять замутило, комната с зарешеченным окном размылась и поплыла в сторону, словно в глаза попало масло, и вместо двух привидений он увидел клубы дыма. Дым прорезали вспышки искр, снизу что-то трещало, и от чьего-то нечеловеческого крика заложило уши.

В ужасе Гуго де Пейен разжал пальцы. Раздался звон и дребезжание упавшего металла о камень.

— Что с Вами, сеньор? — бросился с криком Ролан.

Вокруг снова была комната со скошенными стенами, свет факела и ларец с серебристыми фигурками на огромном камне-алтаре.

— Все в порядке, — Великий Магистр посмотрел на свою ладонь и поблескивавший на отшлифованном камне талисман Кота. — Кажется, я видел призраков. Или меня перенесло. Я был где-то далеко отсюда.

— Простите, но Вам показалось, сеньор. Это плохое место. Вы ни на секунду не пропадали никуда, только очень кричали.

— Похоже, я знаю причину, но не знаю ответ... — Гуго протянул руку к фигурке Кота и решительно сжал пальцы.

У Ролана начала расти борода — сперва редкая, как стерня на полях, потом гуще... густая. Льянные волосы его отросли, потом резко укоротились, будто вмиг их остригли кружком, а на макушке забелела тонзура. Вместе с тем в юную кожу въелись морщины — сперва как ниточки, потом — глубокие швы, нос вытянулся и покраснел, а кожа сильно одрябла. За доли секунды вместо молодого рыцаря показался глубокий старик, лежавший на бедной кровати, а вокруг стояли незнакомые люди. Ни одного из них Гуго не знал, но все они, как один, были в белых плащах с нашитыми крестами.

Гуго зажмурил глаза — видение не пропадало. Тогда он опустил руку, почувствовал холодную поверхность камня и положил Кота на нее. Старик и люди в белых плащах исчезли. Вместо них, встревоженный и молодой, снова стоял Ролан и с недоверием смотрел на Гуго.

— Кажется, ты проживешь долгую жизнь, и умрешь среди друзей на подушках.

— Я не понимаю, Великий Магистр.

— Я тоже много не понимаю.

На ужин ели тушеные с мясом бобы, по два человека из одной миски. Это была задумка Годфруа, чтобы смирить и сблизить людей, выросших в достатке и почете. Во время трапезы полагалось душеспасительное чтение, разговаривать запрещалось и Гундомар читал житие святой Женеьевы¹. После благодарственной молитвы Гуго де Пейен попросил всех рыцарей пройти в подземелье. Предложение было неожиданным и многообещающим. Половина рыцарей под землей еще не была, кто-то — всего один или два раза.

Переговариваясь и изумляясь, тамплиеры спустились вниз. Подземные залы и спрятанный в них зиккурат встретили невозмутимым молчанием.

— Сеньоры, шевалье, рыцари Господни! — Великий Магистр открыл дверь святилища. — С графом Гуго Шампанским,

¹ Святая Женеьева — считается покровительницей Парижа. Вела строгую аскетическую жизнь.

сделавшим так много для нас, и, быть может, нашим будущим братом, мы наткнулись на эти древние залы. Про них не знает даже король. Дайте же клятву и вы, что не вынесете отсюда тайну. И, если потребуется, сохраните её под угрозой пыток и смерти.

Звучало зловеще.

— Если это требуется для дела, сеньор, даем слово чести!

— Да, для дела. Признаться, мы ожидали найти сокровища сарацинов, вроде тех, что вынес Танкред из верхних залов Храма. Возможно, сокровища есть, но мы наткнулись на нечто другое.

Гуго жестом пригласил войти в тесное помещение.

Места едва хватило всем. Рыцари сгрудились у огромного камня с ларцом, переговариваясь и изумляясь.

— Эти вещи... талисманы... я не знаю, как назвать. Предметы наделены странной силой, — Гуго осторожно, по одной, доставал фигурки и опускал их на поверхность камня. Это были изображения зверей и птиц. Пчела, змея, верблюд, морской дельфин, обвитая змеей черепаха... Были и неизвестные тамплиерам животные.

— Как вы видите, я сначала кладу одну и только потом беру в руки вторую. И стараюсь не задерживать фигурку в руках. Если же взять сразу несколько...

— То случится как с бедным Паскалем. Он с тех пор слегка не того... — угрюмо пояснил Жоффруа Бизо со своим провансальским акцентом.

— Да, сеньор Жоффруа был с нами в тот вечер. Если б не он, может, мы бы расплатились за любопытство жизнью. Тогда мы и представить не могли, что нашли, но ситуация прояснилась. Граф Гуго Шампанский отдал брату Рене, ученому-бенедиктинцу расшифровывать один манускрипт. В нем идет речь и об этих вещицах. Каждая заключает в себе невероятную силу. Какую — мы не знаем. Пока...

— Быть может, ну их на... — покачал головой Жоффруа. — Это языческие штучки.

— Возможно, ты и прав, мой друг. Но они в Соломоновом Храме! Что, если ими владел царь-пророк? Мы не можем просто так отказаться. Вдруг жизнь влагает в наши десницы жезл, которым мы будем вершить судьбы? Мы стоим на защите добра, и это может укрепить наши силы. Быть может, это пламенный меч, которым мы оградим королевство...

— Мы доверяем Вам, сеньор.

— Мне нужна ваша помощь. Нужны добровольцы, господа, пусть каждый из вас оценит свои силы. Если вы уверены в своих слугах и сквайрах, можете привлечь и их. Смотрите, — Гуго вытащил из-за пазухи талисман Орла на шнурке — он помогает мне вести переговоры. Кто знает, может быть, именно ему мы обязаны столь быстрым успехом. Здесь только звери, а человека нет... Может, потому что они должны служить человеку? Этот, — Магистр указал на Кота, — вызывает видения. Я не знаю, что сказать, но галлюцинации имеют смысл. Я видел сеньора Ролана на смертном одре... и он был престарелым монахом! Про остальные — я не знаю, что сказать, господа, но надеюсь на вашу добрую волю.

— Это неожиданно, сеньор. Мы привыкли держать меч или четки, — неуверенно возразил Аршамбо. До этой минуты существование катакомб было для него загадкой.

— Потому я не настаиваю, господа. Это — полностью ваше решение. Каждый может взять талисман и рассказывать о своих ощущениях. Что вы чувствовали? Что с вами происходило? У нас будет человек, который все запишет.

Первым протянул руку Жоффруа Бизо и, не глядя, нащупал первую попавшуюся фигурку.

— Ба! Да это Лев! Мне самому интересно, сеньор. Хочу понять, что это такое! — Он сверкнул белками глаз из-под сбившейся на лоб пряди волос.

— Должен предупредить, господа, — продолжал Великий Магистр: — Взяв в руки один предмет, вы можете почувствовать себя хуже. Второй — может усилить недомогание. Еще одна важная вещь — ваши глаза поменяют цвет...

— Догадываемся, сеньор, — усмехнулся Годфруа де Сент-Омер, подбросив на ладони фигурку дельфина и сунул её в карман. — Мы-то думали, у вас желтуха!

— Воля Ваша, Великий Магистр, — согласился Аршамбо де Сент-Аман. Ему досталась еще одна ящерка, очень похожая на Варана, но гораздо изящнее, и шея была сильнее изогнута на бок. Аршамбо поморщился: — Не люблю.

Самого Варана Гуго де Пейен потом вручил оруженосцу Гундомара по прозвищу Рыжий Альбен — детине взбалмошному, но отчаянному и проверенному на войне.

Каждый из тамплиеров получил по фигурке. Когда все с удивлением и недоверием отправились наверх, Жоффруа Бизо поравнялся с Великим Магистром.

— Сеньор Гуго, тот хашишин... Его глаза тоже были разного цвета.

— Я заметил. Он знал, что искал.

— Убегая, он схватил фигурку, может, потому и не продолжил бой.

— Я догадываюсь. Жоффруа. Значит, талисманы еще кто-то ищет. Недаром бывший владелец так глубоко их спрятал.

Опасения Жоффруа оправдались. Это случилось после утомительной службы накануне дня святого апостола Иоанна. Утомленные долгой вечерней в Храме Господнем, тамплиеры отходили ко сну. Гуго де Пейен коснулся подушки — спал Великий Магистр в общей спальне, разве что кровать стояла ближе к окну — и тут же провалился в глубокий сон. В ускользающих, как дымок, сновидениях, перед ним скользили обрывки службы, дорога на Яффу с черными точками скачущих на горизонте сарацинов, король Балдуин, почему-то в тюрбане, и длинная лестница, по которой мучительно долго давался каждый шаг. Несмотря на приоткрытое окно, сон Магистра был беспокойным. Внезапно Гуго проснулся и резко открыл глаза. Усталость вмиг улетучилась от внезапной тревоги, будто на него плеснули холодной водой. Крошечное светлое пятно от догоравшей лампы у выхода не справлялось с темнотой. Едва

уловимого света от ночного окна тоже не хватало, однако, Гуго ясно почувствовал, что в спальне есть еще кто-то, кроме мирно уснувших братьев. Кто-то, кто настроен враждебно. Пока Гуго беспомощно вглядывался в темноту, сбоку от него вдруг блеснула сталь и хищная тень метнулась к его кровати. Все, что успел сделать Магистр — увернуться в сторону, падая на пол, и швырнуть в незнакомца подушкой. Под рукой оружия не было.

— Тревога! — истошно заорал он.

Рыцари зашевелились в кроватях, вскакивая, и пытаются что-либо понять.

— Здесь сарацины!

Вскоре стало ясно, что сарацин один. Но яростно размахивавший саблей. Взмахи этой сабли оставили немало шрамов в ту ночь. После недолгой и бестолковой борьбы Жоффруа Бизо удалось удачно швырнуть в голову нападавшего тяжелый подсвечник. На шум прибежали оруженосцы, кто-то успел принести меч, Годфруа зажег факел.

От удара сарацин зажмурился и на миг потерял равновесие. Этого было достаточно, чтобы Андре де Монбар и Гундомар, рискуя жизнью, повисли у него на руке, сжимавшей саблю, а Гуго де Пейен, схватив с пола подсвечник, обрушил его на голову сарацина второй раз. Нападавшего скрутили одеялами и простынями.

Годфруа поднес факел к лицу пленника.

— А-а! Да это тот хашишин! Салям алейкум, приятель, — Жоффруа Бизо легонько шлепнул по окровавленной щеке сарацина.

Тот открыл глаза:

— Будь ты проклят, француз.

— Он знает французский!

— Это не сарацин. — Жоффруа резко сорвал черный платок, прикрывавший, как капюшон, волосы и лоб пленника.

Из-под платка высыпались золотистые волосы. Их обладатель был европейцем.

— Это предатель! Он воюет на стороне эмира.

В ответ незнакомец только усмехнулся.

— Дайте мне шпору... факел! Теперь ты не уйдешь, — Гуго де Пейен обхватил платком дужку шпоры и поднес звездчатый шип к огню. — Держите его! Нужно заклеить собаку, чтобы его каждый узнал. Как твоё имя? Ты — бывший рыцарь?

— Можешь называть меня сеньор Варфоломей.

— Сеньор?! — с этим возгласом Великий Магистр прижал шпору к щеке хашишина. Кожа зашипела, и потянуло запахом паленых волос.

Сеньор Варфоломей пронзительно закричал и забился в державших его руках.

— Отведите его в карцер. Ключ отдайте мне. Завтра его прилюдно будут судить по Иерусалимским Ассизам. Самосуд нам ни к чему. Это — рыцарь-преступник.

— К позорному столбу на площадь!

Упирающегося Варфоломея увели. Аршамбо де Сент-Аман поднял брошенное оружие преступника:

— Какой странный меч.

— Это не меч, это сабля. Я видел такие несколько раз, но давно, у сельджуков.

— Как мог европеец перейти на сторону мусульман?

— Завтра мы это узнаем. И еще... с этого дня неукоснительно в дортуаре¹ должен гореть свет. Это будет хранить не только целомудрие братьев, но и их жизнь

Варфоломея бросили в каменный сарай, возможно, действительно раньше бывший темницей. Окон не было, а запирала его крепкая дверь с навесным замком и запором.

Утром, после праздничной литургии, Великий Магистр в сопровождении оруженосцев и четырех рыцарей с обнаженными мечами подошел к сараю. Дверь, цепляясь нижней гранью за камни, со скрежетом отворилась. Сарай был пуст. Бывший рыцарь Варфоломей-хашишин словно просочился сквозь стены.

¹ Дортуар (фр. *dortoir*) — общая спальня.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

РЫЦАРИ СОЛОМОНОВА ХРАМА

Вскоре происшествие с хашишином забылось. В веренице хлопот и суеты по утверждению и регистрации Ордена мелькали годы, события, люди. Умер король Балдуин, его приемник Балдуин II еще больше благоволил тамплиерам. Южная часть королевского дворца окончательно закрепилась за рыцарями Соломонова Храма. Даже военные вылазки девяти рыцарей отошли на второй план. Но тайные исследования продолжались. Вести записи вызвался граф Гуго Шампанский, увлеченный древними знаниями больше всех. Каждый шаг делался вслепую, каждый талисман заставлял рисковать. Так чувствовали себя в старину лекари-испытатели ядов. Никто не знал, какую шутку выкинет с ним очередная фигурка. Как Змея забросит домой в Шампань или в спальню к забытой подруге. А может, сделает твое лицо как у менялы на монетном рынке — это случилось со вторым Годфруа.

Быстрее всего проявили себя талисманы, названные Ворон и Богомол. Первый показал Гуго де Пейену такие дали, что он поверил в достоверность найденных раньше карт. Второй — Богомол — сделал невидимым взявшего его Аршамбо.

Жоффруа Бизо утверждал, что со Львом ему легче сражаться. А своей отвагой он заражал других. С Пэйном де Мондидье и Роланом они успешно атаквали эскорт сарацинов из двадцати человек.

Когда же очередь дошла до талисмана Кролик, то чуть не случился скандал. Невинную на вид зверушку положил в карман Гундомар. И тут убеленный сединой рыцарь вдруг стал объектом женского поклонения. Что девицы и дамы! Стражник на дворцовых воротах вдруг прошептал благопристойному старцу, что тот очень мил и красив. После этого Великий Магистр от греха подальше отнес Кролика обратно в ларец, навсегда запретив братьям прикасаться к нему.

Но не все было так радужно. В марте 1120 года тамплиеров постигла беда. За две недели погиб один и тяжело покалечился другой оруженосец. Гюстав сорвался с обрыва Кедрона, Жозеф упал с коня. Первый погиб мгновенно, второй, оправившись, больше не мог ходить. Вся горечь была в том, что оруженосцы были опытными бойцами и служили при Храме Соломона с первых дней. По Гюставу служили заупокойные молитвы и раздавали милостыню за спасение его души. Жозеф так и остался на попечение Храма, читая за трапезой Жития святых.

Наступило лето, и в день апостолов Петра и Павла к Гуго де Пейену в слезах пришел Жоашем — тот самый сын ростовщика, что в пятнадцать лет сбежал из дома. За эти годы романтизм прошел, и Жоашем оставался при Ролане скорее из привычки. Денег ему не платили — оруженосцы работали за хлеб и кровать. Потому Жоашем время от времени впадал в ропот и подумывал перейти на службу к мирянам. Вынужденный жить с тамплиерами как монах, сквайр тянулся к обычным человеческим страстям.

— Великий Магистр, сеньор, я должен покаяться Вам.

— Ты согрешил, Жоашем? Почему не идешь в церковь?

— Мы же давали клятву. Примите исповедь, сеньор, иначе гореть мне в геенне.

— Ну, говори, Жоашем, все равно я узнаю правду.

— Те несчастные братья, Гюстав и Жозеф. Я играл с ними в кости.

— Играл в кости? Зачем? Ты не знаешь, как азарт развращает душу и отстраняет от молитвы ум. Вы играли на деньги?

— Да.

— Это провинность, Жоашем. Что еще?

— Они меня обыграли. На целых девять денье — все мои сбережения. Тогда я в сердцах крикнул: «Чтоб вас переломало, собаки». А потом так и случилось, сеньор.

— Ты проклял своих братьев, это тяжких грех, Жоашем.

— Это не я, сеньор. Верней, я всегда ругаюсь, но это его колдовство! После несчастий с братьями я вообще перестал носить его на теле! — трясущимися руками оруженосец полез в перекинутую через плечо сумку, извлек замотанную в тряпку вещь и вытряхнул на стол.

На грубо обтесанную доску упал серебристый Варан.

— Он будто укусил меня, когда я кричал на ребят.

— Что-то подобное было раньше?

— Нет, никогда. Я таскал эту железяку полгода и только мучился от тошноты.

Оруженосец был прав. Гуго вспомнил, что еще в конце лета Варана отдали на хранение Жоашему. Ни сам Гуго, ни Рыжий Альбен, носившие Варана до оруженосца, так и не разгадали его смысл.

— Исповедайся священнику в зложелательстве и азартных играх. Про артефакт не говори ничего. Наши тайны не стоит выносить за стены братства. Имя Гюстава внеси в свой поминальник и до смерти за него молись. И смиряйся, друг мой, трудись до кровавого пота в оставлении страстей. Нет в этом мире ничего важнее спасения.

Отпустив оруженосца замаливать грехи, Гуго осторожно взял фигурку и отнес в зиккурат подземелья. Признаться, Варан по-прежнему пугал его.

Странно, но столь похожая на Варана ящерка имела совсем другие свойства. Сработала она не сразу, а почти через год, когда носивший её Пэйен де Мондидье попал в серьезную

передрагу. Возвращаясь из Рамлы, он с обоими Годфруа попал в засаду в полутора лье от Иерусалима. Мощный удар копья выбил Пэйена из седла. После короткого, но яростного боя сарацины бросились в густые кусты, где ловить их было также трудно, как зайцев. Годфруа де Сент-Омер спешился и подбежал к Пэйену. Удивительно, но распростертый на земле рыцарь был даже не ранен. Копье, пробившее кольца кольчуги нанесло разве что кровоподтек. Но, главное, как вспомнил рыцарь, от Ящерки на шнурке в момент удара закололо грудь. Похоже, фигурка сохраняла жизнь. Позже, все смелее экспериментируя с артефактом, Пэйен вступал в бой в одной рубаше, лишь покрикивая от ударов стрел и мечей. С какой-то развеселой, лихой отвагой он выезжал к Иерихону, все еще бывшему в руках мусульман, или охотился на львов в одиночку. Под стенами Иерихона было сделано еще одно важное открытие — владелец Ящерки не страдал от огня. Можно было ходить по углям или брать в кузне раскаленные заготовки рукой — на коже даже не оставалось ожога. За это сам Пэйен предложил окрестить Ящерку Саламандрой — восточным духом огня, живущим в кострах.

Саламандра, как и Лев, и Орел, принесла немало пользы. Что не скажешь о Фениксе, Лягушке или Дельфине. Значение их и большей части других талисманов оставалось пока загадкой.

Но у тамплиеров было терпение и время. Позже появились средства и люди. Спустя несколько лет, в 1128 году от рождения Христова, на праздник святого Илария на церковном соборе в Труа был официально утвержден Орден рыцарей Храма и принят их устав.

Общему собранию было угодно, что обсуждение, которое было там и рассмотрение Святых Писаний, с согласия всего совета и разрешения Бедных Рыцарей Христа Храма, что в Иерусалиме, было записано и не забыто, надежно сохранено,

*и позволило после праведной жизни каждого прийти к Создателю, чье милосердие слаще, чем мед, когда сливается с Богом; чья милость похожа на помазание. Per infinita seculonum secula. Аминь.*¹

После долгих лет нужды и лишений, скудности и ненадуманной нищеты, когда братия не знала, где найти хлеба насущного ни на сегодняшний ужин, ни на завтрашний день, когда единственным средством к существованию была милостыня добросердечных господ, после всех трудностей, закаливших и воспитавших Орден, братство стало множиться и расти. За менее чем два столетия Орден бедных рыцарей Храма Господня стал самой мощной и влиятельной силой в Европе. Такого взлета не знал никто. Тамплиеры вершили судьбы народов и, на свой выбор, ставили королей. Были первыми банкирами Старого Света и держали в должниках сильных мира сего. Строили великолепные храмы и бесплатные дороги и кормили тысячи вдов и сирот. Было ли это воздаяние за чистые сердца и бескорыстные труды, или храмовникам помогло что-то другое, увы, остается только гадать.

¹ Из постановления Собора в Труа. Устав Ордена Тамплиеров.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ СПУСТЯ ДВА СТОЛЕТИЯ

Ноябрь 1306 года, Франция, замок Фонтенбло

— Казна Лувра не справлялась с задачей! Этих бездельников надо вешать через одного! Я только и слышу разговоры, что тамплиеры управляют казной Франции лучше моих людей. Да-а, ты послушай, Гийом, вот что пишет папский легат из Тулузы: «*Milites Templi* распоряжаются казной короны чрезвычайно мудро и гибко даже в критические времена»! Я построил институт Луврской Казны один в один по принципам Тамплиерского банка, но это не принесло ничего! Дыра на дыре, сплошные прорехи.

— Держать казну у святош — то же, что ключ от пояса верности красивой жены доверять молодому соседу.

В охотничьем кабинете замка Фонтенбло за шахматным столиком сидели двое. Их союз представлял странное зрелище. Первого, сорокалетнего короля Франции Филиппа IV, падкий на прозвища французский народ недаром прозвал Красивым. Филипп действительно был статен и весьма приятен лицом, белокур, высок ростом и имел нежную, как у девушки кожу. Справедливости ради, нужно отметить, что и душа короля, одиннадцатого по счету французского монарха, была украшена

доблестью и благочестием. Безупречный христианин, верный муж, не запятнавший себя ни трусостью, ни пагубными страстями. В пище и вине он был воздержан, с женщинами немногословен, любил супругу свою Жанну Наварскую, от которой имел семерых детей и рьяно хранил целомудрие и честь. Примечательно, но недавно овдовев, король продолжал хранить верность покойной жене. Похвальная добродетель, умилавшая сердца парижан. Но завистливые языки всюду находят изъяны. Годфруа Парижский, бродячий менестрель, неисправимый дебошир, завсегдатай кабаков и ценитель легкомысленных женщин, осмелился утверждать, что: «король был легковерным, как девственница, и находился в плохом окружении». А епископ Памье, выпив изрядно вина и находясь *inter pocula* — в пьяном застолье сболтнул лишнего, сказав: «У Филиппа красивое лицо, но он не умеет ни говорить, ни думать». Критика не прошла епископу даром. Хороший урок остальным, кто за доброй выпивкой не властен над своим языком. Но, так или иначе, нерешительность в принятии важных вопросов за королем замечали. Быть может, потому Филипп стремился иметь помощника напористого и жесткого, наделенного недюжинным умом. И второй собеседник, Гийом Ногаре, вполне отвечал этим запросам.

— Ваше Величество, быть может, ваши финансисты мало времени уделяют покаянию и молитве? — открытая усмешка гуляла по губам канцлера. — Как давно исповедовался главный королевский казначей?

Речь шла о Рено де Руа. Впрочем, осуждения не было никакого. Скорее, дружеский укол. Рено де Руа был столь же прагматичен и жесток, как и сам Ногаре. А более верного слуги нельзя было найти во всем королевском домене.

Мягко потрескивали дрова в камине, бросая блики на медвежью шкуру на полу и грустные глаза оленей — чучелами их рогатых голов были обильно увешаны стены. Замок в те годы еще не достиг своего расцвета роскоши и красоты, буйная

фантазия Челлини еще не коснулись его комнат, а заядлый рыбак Генрих IV не приказал выкопать канал длиной в версту для самоличного ужения рыбы. Но все здесь было торжественно и практично.

— Вот именно. Я отправлю этих ослов собирать милостыню на паперти храмов. В Нотр-Дам де Пари, где я собственноручно сжег буллу папы.

— Clericis laicos! Я считаю, что духовенство, наоборот, должно помогать нуждам своей страны! — Гийом приосанился, словно опять стоял на профессорской кафедре.

Пресловутая Clericis laicos была буллой папы Бонифация, запрещающей церкви платить какие-либо налоги светской власти и королю. Именно она привела в ярость Филиппа, демонстративно сжегшего папский документ на паперти храма. И именно она стала в последствие приговором для понтифика. Филипп Красивый постоянно нуждался в деньгах. Пожалуй, это свойство был второй его запоминающейся чертой после телесной красоты.

— Милостыня, — продолжил Ногаре, — неплохой доход. Когда-то тамплиеры жили на подаяние, а теперь вы — их должник.

О-о, попадание прямо в точку! Король вспыхнул и залился краской. Ни для кого не было секретом, что он был в долгах, как в шелках. Деньги понадобились, чтобы выдать дочь Изабеллу за английского короля. Он взял ссуду в четыреста тысяч золотых флорентийских монет. Сумма была огромной, а кредитором — пресловутый Тамплъ во главе с Великим Магистром.

От камина несло жаром — похоже, камергер распорядился бросить сухой дуб. Разбуженная теплом серая муха назойливо перелетала то на подлокотник кресла, то на королевские шелковые чулки.

— Орден milites Templi держит в должниках всю Европу, — продолжил Гийом Ногаре, — и переставляет королей, как

шахматные фигуры. Они слишком интересуются делами светской власти. Ногаре демонстративно пошел офицером и атаковал белую пешку короля. Игроком, как и политиком, он был отменным.

— Английский король Эдуард, на Кипре — Амори. Кто знает, может, и Вы станете в их руках только фигурой?

Странно, но подобные дерзости канцлеру сходили с рук. Король позволял Ногаре общаться с собой прямолинейно и резко, что не допускалось другим. Своей головокружительной карьерой Гийом был обязан выдающемуся уму и такому же выдающемуся упрямству. Рожденный в семье разорившегося дворянина, теперешний канцлер сам добился рыцарства и власти. Вначале — мелкий юрист, потом — профессор права. Затем, в Бокере, работая судьёй, за усердие и знание дел заработал доброе имя, благодаря чему был замечен из Парижа и принят в королевский совет. Здесь уже острый живой ум и изящество речи Ногаре сходу пленили Филиппа. Король не только прибрилизил талантливое политика и дипломата, но и поставил ответственным за свою печать.

— Опять проиграл! Ногаре — вы невыносимый соперник. За это и ценю! — Филипп Красивый откинулся на спинку кресла и, покопавшись под воротником, потянул за шнурок. — Возьмите-ка эту штуку. Не знаю, чем она так помогала Людовику Святому, но меня от нее тошнит.

Король протянул канцлеру шнурок. На нем покачивался талисман, от вида которого у посвященных людей перехватило бы дух. Перехваченный за шею тонкой полоской кожи, перед носом канцлера покачивался Орел. Мало кто знал, но Ногаре, кроме титула Хранителя королевской печати, был еще хранителем старинного амулета.

Канцлер с нескрываем почтением принял артефакт из королевских рук и повесил себе на шею.

— Люблю смотреть, как у тебя меняются глаза. — Засмеялся король: — Ты становишься похож на любимого кота папы.

— Не забывайте — это подарок тамплиеров французской короне. И мы не знаем до конца, что он несет. Их поступки туманны.

Гийом Ногаре лукавил. Силу Орла он давно почувствовал сам. Слухи о существовании таинственных древних артефактов, полученных тамплиерами в Соломоновом храме, ходили среди альбигойцев давно. Знал Ногаре и то, что Орлом не каждый умеет воспользоваться с толком, потому для Филиппа Красивого металлический талисман оставался простой безделушкой.

Серебристая фигурка действительно была подарена французским королям Орденом тамплиеров, а именно — Людовику, деду Филиппа. А дело обстояло так.

После тяжелой болезни король Людовик, за любовь к Церкви и святым местам получивший прозвище Святого, дал обет совершить Крестовый поход, для истории уже седьмой по счету. Получив в Сен-Дени посох паломника и хоругвь и, заручившись благословением папы, король отправился в Египет на кораблях в сопровождении своего войска. Но проиграл и попал в плен — Седьмой Крестовый поход был абсолютно бесславленным. Однако, видя искреннее усердие Людовика и его безграничную веру, Великий Магистр Рено де Вишье, только что сменивший отошедшего к Господу Богу своего предшественника Гийома де Соннака решил пожертвовать французскому королю артефакт, когда-то принадлежавший самому Гуго де Пейену.

Расчет Рено де Вишье имел здравый смысл — Иерусалимское королевство доживало последние дни, и хорошие отношения с французским монархом Ордену были кстати. Иерусалим вот уже более полувека был отбит сарацинами, под натиском их войск трещали Яффа и Кесария, Акра и Сидон, и Ордену ничего не оставалось, как продумывать запасные ходы.

Перешедший от Людовика Святого к его внуку талисман теперь находился в полной власти Гийома.

— Я давно разочаровался в искренности слуг Соломонова Храма. Это не те вдохновленные верой романтики, которых

собрал Гуго де Пейен. Уже чего стоит потеря Святой Земли! Они полностью дискредитировали себя! Пятьсот рыцарей и десять тысяч сержантов, не считая вооруженных слуг, не смогли удержать Иерусалима! И то же было с Аккрой. Гроб Господень опять в сарацинских руках. Не удержать то, что досталось кровью героев...

— Да, я хорошо это помню, — кивнул Филипп.

Было понятно, что король сам давно утратил доверие к рыцарям Храма.

— Чего стоил отказ храмовников заплатить выкуп Салаху-эд-Дину за плененных сограждан. Шестнадцать тысяч христиан ушло тогда в мусульманское рабство, а Орден не дал ни гроша, сидя на мешках денег! Истинно — река, разливаясь и останавливая свой бег, становится похожей на болото. Нет, я не отрицаю, что среди храмовников много достойных людей. Но действия их магистров порой просто отвратны... — покачал головой Филипп.

— Ваше Величество, позвольте напомнить слова тогдашнего папы: «Преступления братьев тамплиеров чрезвычайно огорчают нас... их монашество лицемерно».

За окном залаяли собаки, послышалось ржание лошадей. Король резко встал и прислонился лбом к холодному стеклу, вглядываясь в сгущающиеся сумерки. Остриженные на итальянский манер кипарисы по углам огромных клумб темнели под белыми шапками. Запряженные в карету кони храпели и топтали свежавывающий снег. От их влажной мохнатой шерсти шел легкий пар.

— О, приехал Карл и невестка. Извините, Гийом, но я предпочту семью вашему интересному обществу. Продолжим беседу позже. А пока... подготовьте-ка мне отчет о владениях тамплиеров. Встретимся после в Сите, у меня много дел в Париже.

Гийом поклонился, пропустил Филиппа и подошел к окну. По ту сторону цветных витражных стекол, впаянных в полосы свинца, летели хлопья снега и прилипали к окну, съеживаясь

и оползая вниз мутными каплями. По эту — отражалось усталое лицо Ногаре. Глубокие морщины прорезали осунувшуюся кожу, в когда-то темных и густых волосах хозяйничала седина.

После яркого взлета Ногаре чуть не последовало столь же стремительное падение. На Пасху 1299 года Филипп Красивый посвятил его в рыцари. Все еще не отошедший от радости дворянства, в апреле 1300 года Гийом Ногаре был направлен в Италию с посольским визитом к римскому папе. То ли сказалось волнение от близости именитых персон, то ли Гийом еще не привык к условностям светской жизни, но неуместно произнесенная им фраза оскорбила и привела в гнев главу Католической церкви. Бонифаций VIII был оскорблен до глубины души и миссия провалилась. За ней чуть не провалилась надежда Ногаре на сытую почетную жизнь.

— Подлец и сын подлца! — резюмировал папа про Ногаре, будто речь шла о паршивой собаке.

Гийом сохранил пост в Королевском совете, но к понтифику он навсегда затаил в душе жгучую злобу. Увы, получив рыцарский титул, Ногаре был начисто лишен благородного великодушия и смирения. Мелочная мстительность, с детства присущая ему, расцвела буйным цветом. Папа Бонифаций VIII стал ненавистен ему — мертвый или живой, и с параноидальным упорством королевский советник пытался взять реванш. Что и сделал с триумфом. Ногаре, ничуть не смущаясь, перед всем европейским миром обвинил в ереси папу.

«Мы видим беззаконного, еретического, закореневшего в своих преступлениях. Его уста полны проклятий, его когти и клыки готовы проливать кровь; он терзает церкви, которые должен питать, и крадет имущество бедняков, он разжигает войну, он ненавидит мир, он — гнусность, предсказанная пророком Даниилом...»

Ораторский дар Гийома привел тогда в восторг короля. Филипп любил сильных духом.

Ногаре повернул голову вправо, влево, рассматривая в отражении свои мешки под глазами, острыми холмиками находившие на скулы. Такое бывает, если сердце или почки больны. Что ж, никто из нас не сумел обмануть старость. Хранитель королевской печати покачал головой, повернулся на каблуках и зашагал к двери. Откуда-то сбоку слышались женский смех и веселая суeta. Назавтра король готовил охоту для Карла де Блуа и его прелестной жены Екатерины.

История с понтификом кончилась тем, что папа предал анафеме и Ногаре и Филиппа. Взбешенный канцлер с верными ему людьми подкараулил папу в Ананьи и собственноручно, с наслаждением ударил по щеке. Вряд ли мы узнаем, успел ли подставить Бонифаций другую. От огорчения понтифик занемог, и у него остановилось сердце.

А нового папу Климента Филипп силой затащил в Авиньон и держал под домашним арестом. Такого поражения папская власть еще не знала.

Ногаре ликовал.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПЛАН ДВУХ ГИЙОМОВ

Февраль 1307 года, Париж, Королевский дворец на острове Сите

Филипп Красивый в алом бархатном камзоле и бордовом, с белой подбивкой плаще, расшитом золотой нитью, медленно прохаживался вдоль стола. Гийом Ногаре и Великий Инквизитор Франции Гийом де Пари, почтительно склонив головы перед королем, ждали напротив, не решаясь садиться.

За высоким окном медленно катила серые воды с островками льдин неуютная Сена. Несмотря на холодное время, перестройка королевского замка на острове Сите шла полным ходом. Эскорты баронов и лиц королевской крови на мостах мешались с толпами каменщиков, стекольщиков и прочих рабочих. В Лувре давно не хватало места, поэтому король решил переместиться сюда, в сырое, но красивое место, рядом с Нотр-Дам де Пари.

Створка резной, обильно украшенной позолотой двери открылась, и королевский казначей Рено де Руа доложил о своем прибытии. Король уселся в массивное инкрустированное кресло и жестом предложил сесть остальным.

— Итак, господа, стоит приступить к делу. Мы все служим единственной великой цели — сохранить и укрепить вверенное нам государство. Но если у тела две головы, то они друг

другу мешают. Увы, с той властью и средствами, которые имеет с недавних пор в моем домене Орден храмовников-тамплиеров, управлять Францией все сложнее. Я чувствую, как Жак де Моле все увереннее дышит мне в спину. Он слишком жаждет до власти.

В последней фразе в голосе короля мелькнули нотки обиды. Дело в том, что с тех пор, как пала последняя крепость крестоносцев на Востоке, тамплиеры перебрались в Европу и через пару десятилетий в их руках оказались такие богатства и рычаги управления, что король начинал чувствовать себя пасынком в родном доме. Чтобы обрести над Орденом хоть какой-то контроль, он предложил одного из своих сыновей в армию Тампля. Расчет был прост — благодаря своей крови принц очень быстро займет пост Великого Магистра. Но Жак де Моле с усмешкой отказал Филиппу. Не помогли и другие интриги. Великий Магистр был неподкупен, неумолим и заботился о процветании Ордена не жалея своей жизни. Сказочные богатства Тампля не давались в руки королю. Оставался лишь один метод.

— Я знаю вашу верность и преданность короне, потому прибегаю к вашей помощи, чтобы ограничить во Франции влияние тамплиеров. Они — монахи. Вот и пусть ведут духовную жизнь, а не лезут в политику королевства.

— Ваше Высочество, — вставил Ногаре, — если ехидне отрубить голову, тут же вырастает другая. Они воины и пойдут до конца. Поэтому поражать нужно сердце. Орден нужно полностью расформировать, а несогласных — уничтожить.

Прямота и жестокость были свойственны Ногаре, но иногда все же удивляли государя.

— Ваше преосвященство, отец Гийом, — обратился Филипп к Великому Инквизитору, а по совместительству своему духовнику, — каково ваше мнение?

Филипп был хитер. Решение привлечь Гийома де Пари убивало кучу зайцев. Во-первых, духовник, так или иначе, знал обо всех делах короля. Во-вторых, репрессии против монахов

мог возглавить только инквизитор. В-третьих, отец Гийом был из Ордена Святого Доминика — Псов Господних, а их зависть по отношению к Тамплиерам знали все. Инквизиция всегда страстно желала пасти единолично стадо Христово, и непреклонный строптивый Тамплъ раздражал их, как быка красная тряпка. Достаточно было пустить отца Гийома как гончую по кровавому следу, и он мог сделать все сам.

— Ваше Величество, вокруг Тампля последнее время ходят разные слухи. Говорят, они привозили с Востока черных рабов и от них учились темному искусству. Говорят, имели контакты среди мусульман. Говорят про тайные книги, зелья и талисманы... Но народ им верит и любит. Милостыню по правилам они раздают три раза в неделю. Если два тамплиера едят из одной миски — так, кажется, бытует у них, то едят так, чтобы хватало на третьего — сироту или бедняка. Во время голода Тамплъ кормил десятки тысяч...

— Ха. А откуда у них было зерно? — блеснул глазами Ногаре, — Достаточно беднякам услышать, что это зерно было собрано за их счет, как этот сброд бросится грабить. Извините, господа, но умело поставленное обвинение в таких делах весомей меча и доспехов.

— Ваша светлость, господин Ногаре, Вы подготовили отчет о владениях тамплиеров?

Ногаре кивнул, положил на стол пергамент, весь исписанный мелким почерком и прищурил глаза — последнее время зрение все чаще подводило его.

— Земельные владение Тампля на данный момент около десяти с половиной тысяч мануариев земли.

— Ого! — вскинул брови Филипп.

— И не один из них не обложен налогом, — вставил слово королевский казначей.

— На всей территории Франции около двух тысяч командорств, а также имущество в городах. Только в Париже, кроме квартала Марэ, — Ногаре поднял глаза на собеседников

и уточнил: — это от старого Тампля с причалом на Сене до нового Тампля, во владении холм Бельвиль с богатыми садами, виноградники на склонах Монмартра, недвижимость Сент-Мишель и большая часть поместья Сент-Жака...

Не было ни одного крупного города во Франции, где не имел бы своих владений Тамплъ. Тысячи комтурий¹ — от крошечной фермы до изумлявшего роскошью замка были разбросаны по всей Европе.

— Ордену принадлежит огромное количество построенных ими дорог отменного качества...

— Которыми люди пользуются бесплатно, лишая доходов меня, — заключил король. — Но меня интересует серебро тамплиеров.

Ногаре вздрогнул. Мельком глаза он заметил, как опустил глаза Великий Инквизитор — вероятно, он тоже знал о серебряных фигурках невероятной силы, найденных в катакомбах Иерусалима. Но, как поросенок рыльцем отбрасывает драгоценный камень в поисках желудей, Филипп Красивый имел в виду деньги.

— Меня интересует — откуда в руках Тампля такое количество серебряных монет, если серебра не было на Востоке? Все рудники Германии не дают столько металла, сколько только в Париже ходит по рукам. Серебро скоро станет дешевле простой меди.

— Ваше Величество, если бы я знал ответ, для Вас бы это не было секретом. У Тампля свой огромный флот и, говорят, есть тайные гавани, где нельзя проследить приход кораблей и не ведутся портовые журналы. Насколько я осведомлен, у порта Ла-Рошель двойная линия командорств, значит есть, что там прятать. Какая связь у Ла-Рошели со Святой Землей?

¹ Комтурии — многочисленные укрепления тамплиеров, разбросанные по всей Европе. Комтурии часто имели гостеприимные дома, в которых путникам и паломникам, идущим к христианским святыням, бесплатно, за счет Ордена, предоставлялось питание и ночлег.

— Никакой, это другое направление.

— Ходят слухи, — вмешался Инквизитор, и Ногаре почему-то почувствовалось, что Гийом де Пари сознательно смещает акцент в сторону денег: так куропатка, притворившись раненой, уводит охотника от гнезда. Великий Инквизитор определенно был в курсе существования артефактов из серебряного металла. — Ходят слухи, что легендарный Гуго де Пейен нашел в Иерусалиме какие-то карты. И теперь у тамплиеров рудники в землях, про которые мы даже не знаем.

— Так самое время развязать им язык! — Не скрывая своего возбуждения, воскликнул король: — Ради величия Франции вы обязаны это сделать!

— Но как? В отличие от других Орденов — Тамплъ — проверенная в боях сила. Они все время воюют. Простите, Ваше Величество, но даже Ваши войска не в состоянии противостоять им.

— Здесь нужна тактика и холодный расчет, — юридическое образование позволяло Ногаре тщательно просчитывать ходы. — Важна молниеносность. По всей Франции нужно арестовать их в один день, тогда они не успеют взяться за мечи. А главное — не успеют спрятать свои деньги. Обвинить их в ереси проще всего и тогда они не найдут поддержки в народе. Нужно поддерживать слухи и исподтишка настраивать простых людей против «страшных таинственных тамплиеров», которые по утрам пьют кровь детей, а по ночам справляют черную мессу. Ваше Величество, распорядитесь выделить господину Рено де Руа средства для подкупа менестрелей. Такие пройдохи, как пьяница поэт Годфруа за один экю оболгут собственную мать и, будут молчать до гроба.

— Обвинить в ереси — это да, тем более, слишком много вокруг Ордена слухов. Слышал, они хоронят своих братьев вниз лицом — обнаружилось, когда разлилась Сена.

— Это в знак смирения. Так делают не только они, но и монахи-цистерианцы. А слухи о том, что при инициации они

плюют на распятия — намекают на тягчайший грех, — сразу же подлил масла в огонь Великий Инквизитор. — Еще говорят, что многие из них мерзкие содомиты.

Почему-то именно мысли о содомии не давали покоя французским монахам-доминиканцам. Содомитов они отыскивали так же рьяно, как колдунов и еретиков и предавали изощренным пыткам.

— Хорошо, — подытожил король. — Ваше преосвященство, отец Гийом, помогите Ногаре с процессом о ереси. Лучше будет, чтобы инициатива исходила не от вас, а от какого-нибудь очевидца. Ваша светлость, сеньор Ногаре, вы должны заручиться согласием понтифика. Отправляйтесь в Авиньон. Ведь никто лучше вас не умеет обращаться с папой. Господин королевский казначей покроет расходы.

Все услужливо хмыкнули, оценивая юмор государя. Избиение несчастного папы Бонифация принесло Ногаре большую известность. Его стали бояться. Беспринципный человек, поправший ногой высшую власть, был невероятно опасен.

— Затем я подпишу и разошлю приказ, и одновременно, за один день мы свернем хребет Жаку де Моле.

— А как быть с отделениями Тампля в других государствах? Англия, Испания, Кипр...

— Вот для этого я и поеду к понтифику и смогу убедить его, — с пугающей уверенностью произнес Ногаре. — Нам нужна булла о ликвидации всего Ордена тамплиеров — во всех государствах. Признание еретиками и всеобщий арест. Короли вынуждены будут подчиниться, даже если они обязаны Тамплю своей короной. Как Ваш зять Эдуард. Иначе они прослышат покровителями еретиков.

От разноцветных глаз Ногаре веяло холодом. И — никаких эмоций. Взгляд змеи. На восковом лице не дрогнул ни один мускул. О тысячах тамплиеров канцлер говорил так, будто за этим словом не стояли живые люди. Словно они были не дороже тех кирпичей, что сейчас каменщики укладывала

в дворцовый фундамент. Филипп подумал, что канцлер похож на прирученного льва, который хоть и делает сильным своего владельца, но в любой момент может обернуть против него клыки. К счастью, пока Ногаре верно служил короне.

В резиденцию понтифика в Авиньоне Гийом Ногаре прибыл весной. Папа Климент Пятый, бывший не так давно Бертраном де Го, архиепископом Бордоским, боялся канцлера больше черта. На это были причины. Пощечина, данная Бонифацию VIII, указывала на полную безнаказанность Хранителя королевской печати. Более того, Климент V свято верил в то, что Ногаре не просто ударил, а убил несчастного старика. А короткое правление избранного позже Бенедикта XI и вовсе вселяло ужас. Новый папа собирался официально отлучить Ногаре от церкви, но не успел — при загадочных обстоятельствах умер. Надо ли говорить, что за этим должны были стоять Филипп Красивый и сам Ногаре. А после Филипп со всем цинизмом подкупил выборы следующего католического главы. Им стал нынешний папа.

— Итак, я изложил Вам суть дела, — глаза канцлера, один зеленоватый, другой — голубой, не мигая, как глаза языческого идола, сверлили понтифика. Как на грех, именно такие глаза были у любимого котика, привезенного Климентом Пятым с собой в Авиньон.

Папа пытался сопротивляться, но вяло. Лучше бы его сейчас посадили на раскаленную плиту. Затравленный и униженный, он изо всех сил пытался сохранять достоинство в присутствии Ногаре. Что, впрочем, плохо ему удавалось. Понтифик полностью осознавал свою роль марионетки в пальцах французского короля. А Ногаре был цепным псом, хранившим королевский порядок.

— Конечно, ваши доводы выглядят довольно весомо. Но... Великий Магистр... Я уважаю и ценю Жака де Моле и не могу поверить, что он впал в ересь. Я не могу действовать без

доказательств. Пусть Святая Инквизиция проведет расследование досконально. Я подумаю, надо все изучить. Без этого нельзя издавать буллу. Мне нужны протоколы допросов, признания свидетелей, показание рыцарей братства. Тогда я смогу что-то сказать.

— Так вы даете добро? Я начинаю. Ваше святейшество, не сообразовали ли вы данной свыше властью направить мои стопы в нужном направлении?

Понтифик слабо кивнул:

— Доминиканский монастырь в Нарбонне. Его братия ревностно пасет стадо Христово и хранит его чистоту. Там добиваются признаний особенно ценных. Отвезете мое письмо архиепископу Нарбонны Жилю Эйслену, он сейчас там. Думаю, он быстро поможет найти подходящее дело. Вы бы могли допросить братьев, изгнанных из Ордена за проступки. Думаю, они смогут много сказать.

— Вот и отлично! Еще мне нужен залог, что допрос тамплиеров не вызовет скандал. Ведь обычному суду они не подвластны. Без вашего ведома я не могу пойти на столь дерзкий шаг. Ваше святейшество, благословите, — Ногаре с притворным смирением опустился перед понтификом на колено.

Дрожащей рукой папа коснулся его волос:

— Идите, сын мой. Я дам вам письмо. И да направит вас Господь Бог на правильные стези.

Большого издевательства нельзя было и предположить. Гийом Ногаре прекрасно знал, что тамплиеры не только были правой рукой папы и его надеждой на освобождение, папа сам тайно был одним из них. Власть над этим сломленным, запуганным человеком, формально управлявшим судьбами всей Западной Европы, просто опьяняла Хранителя королевской печати.

Карета, запряженная четверкой серых лошадей, несла Гийома Ногаре по солнечному побережью Тулузы. От Авиньона до

Нарбонны около недели пути. С высоких обрывов было видно, как покачиваются на волнах рыбацкие лодки, рыбаки тянут сеть. Крикливые чайки камнем падают вниз, выхватывают мелких рыбешек, и, задрав голову к небу, жадно проглатывают еду. Справа в окошке мелькали веселые деревушки и фермы, стада красно-рыжих коров, бродящие овцы. Веселые босонogie крестьянки ехали на ослаx. Поздняя весна, взрыв новой жизни, время, когда душа и тело ненасытно жаждут любви. Даже сухой и сдержанный Хранитель печати изредка щурился и улыбался, глядя на цветущие сады и поля. Но доходил ли свет солнца до темных недр его души, и какие истинные планы вынашивались в ней — никто не знал. Тем более «легковерный, как девственница» король Филипп.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПОЧИН

Июнь 1307 года, подземелья Нарбонны

— Гюи Робине?

— Да.

— Ваше имя?

— Гюи Робине.

— Истинно ли имя ваше Гюи Робине, рожденный в Лотарингии в семье башмачника, сорока двух лет...

— Истинно...

В душном подвале находилось несколько человек: растянутый на дыбе-станке Гюи Робине, осужденный за чернокнижничество и тяжкое преступление, над ним — инквизитор папской комиссии отец де Воур, в углу — молоденький монах-секретарь с протоколом допроса. Монашек нервничал и постоянно ерзал по скамье и переставлял чернильницу с места на место. Как и положено, были два монаха-доминиканца и еще двое свидетелей из числа горожан. Палачей — тоже двое. Был еще кто-то — осужденному Гюи подсказывало обострившееся за годы военной службы чутье — некто, перед кем заискивал инквизитор и кого боялся монах-секретарь, кто-то, кто хотел оставаться в тени и был заинтересован в скандальном процессе.

— Истинно ли, что в данный момент вы состоите на службе Ордена тамплиеров в степени оруженосца в командорстве...

Краем глаза было видно, что отец Сикар де Воур, регулярный каноник собора Нарбонны, преданный слуга и доверенное

лицо архиепископа Жилия Эйслена остановился и промокнул пот с лоснящегося лба белой льняной тряпицей. При этом четки на его руке глухо стукнули — когда инквизитор подходил совсем близко, был слышен едва уловимый аромат их деревянных бусин — запах свежеспиленного кипариса...

— Хей, брат Гюи!

Где-то нестерпимо далеко от белого палестинского солнца слезятся глаза.

— Сегодня послушание грузить кипарис на галеру.

Брат Рене смеется, сверкая белыми, как у мавра зубами:

— Пропитаешься бальзамом, как мумий, и будешь нетленным во век!

Горячий песок хрустит и осыпается под ногами, дробно хлюпают волны о борт тамплиерской галеры. Деревянный трап натужно поскрипывает и прогибается в такт тяжелым шагам. Капитан галеры покрикивает и просит поторопиться. Ноет плечо, сбитое кипарисовыми бревнами до синяков, а от пряного маслянистого духа кружится голова...

Голова кружилась, а распухший язык вязко прилипал к зубам. Вместо яркого неба — тяжелый глухой потолок. Закопченные камни с проплешинами известковых высолов, каждый камень за многие годы пропитался болью и страхом. Хищный, грубо скованный крюк, к которому цепью подвешена железная клетка — Гюи знал, что в таких клетках опускают в реку под лед или поджаривают над костром.

Темная суконная ряса Сикара де Воура опять пришла в движение — каноник ходил взад вперед по камере пыток. Было слышно, как он тяжело пыхтит — инквизитор страдал одышкой. Еще Гюи знал, каким будет следующий вопрос — это был третий допрос за неделю.

— Знакомы ли вы с девицей Луизой Пуйоль, дочкой фермера из Вьёсана?

— Н-не знаю... нет... может быть, видел.

— Правда ли, что вы вступили с девицей Пуйоль в греховную связь, с целью получения от неё ребенка?

— Это ложь. Я — монах.

— ...дабы использовать его...

— Нет!

— ...дабы использовать его для человеческого жертвоприношения.

— Это неправда!

Инквизитор остановился, снова отер шею и лоб. Кивнул кому-то, стоявшему у ног Гюи — палача у головы тамплиер хорошо видел. Разом заскрипели валики — к ним за веревки были привязаны ноги и руки, и дикая боль пронзила все суставы и жилы. Палач вставил шест-рычаг в углубления валика, надавил на него плечом, валик заскрипел и прокрутился. Вместе с этим стали рваться, трещать суставы и связи.

Глухой стон вырывался из груди, как бы Гюи Робине не пытался стискивать зубы. В ответ свидетели из числа мирских громко зашептались. Один спрашивал, чувствует ли боль сидящий внутри осужденного бес, второй невпопад отвечал, что чернокнижник может вылечиться разрыв-травой.

Сикар де Воур взмахнул пальцем, и палачи ослабили напор. Вережки, а вместе с ними натянутое тело Гюи провисли. Но боли не стало меньше. Вывернутые суставы начали распухать, наливаться кровью, и пульс в них застучал набатом. Наоборот, перетянутые веревочными петлями стопы и кисти рук стали покалывать и неметь, будто их вовсе нет. Зато теперь можно было дышать... и отвечать на вопросы.

— Item, — инквизитор убедительно наклонил голову: — Будете ли вы отрицать, что были в мае сего года на ферме в деревушке Вьёсан?

— Да, я сопровождал сержанта Боле по вопросу о ссуде фермеру Пуйоль, а также сбору пожертвований в соседних деревнях на строительство Собора святого Юста в Нарбонне.

— Общались ли вы с дочерью фермера Пуйоль?

— Нет.

— Присутствовали при её родах?

— Нет.

— Будете ли вы отрицать, что имели блудный контакт с девицей Пуйоль и оставались с ней на ночь?

— Последние пять лет я ночевал только в дортуарах среди братьев.

— Вот-вот! Девица Пуйоль утверждает, что, совершая паломничество с тетушками и сестрой, остановилась в вашей комтурии на ночлег в марте прошлого года.

— Орден служит паломникам и Христу... в комтурии постоянно странники, гостиница на двадцать мест и отделена от братьев. Тем более, по уставу, данному Великим Магистром Гуго де Пейеном, в спальне круглосуточно горит свет.

— Так вот, девица Пуйоль, обвиненная в незаконном материнстве до брака, указала на суде, что вы овладели ею силой. Преступление было совершено на рассвете перед началом заутрени. А именно — на конюшне комтурии, куда вы заманили девицу обманным путем. Вы обещали девице английских кружев, десять денье и платок.

Тут уж Гюи не выдержал, и лицо его исказила горестная усмешка:

— Отец де Воур, до родов прошло больше года.

Инквизитор поморщился и сделал палачу знак пальцем. Тот послушно зашаркал к жаровне, черпанул совком тлеющие угли и так же равнодушно высыпал их на грудь и живот осужденного. Тамплиер закричал, тело его забилося волнами судорог, от этого большинство углей соскользнуло на пол, но некоторые остались, прожигали изодранную рубаху и въедались в кожу, оставляя на ней белые, с желто-черной серединой пятна. От каждого движения развороченные суставы простреливала адская боль. Запахло палеными волосами и плотью. Молодой секретарь стыдливо спрятал глаза в протокол, а инквизитор

машинально прижал потную тряпицу к носу. Однако, замечание тамплиера отвлекло его от неприятной процедуры пытки и направило мысли к сферам, куда более интересным. Сикар де Воур замер, безучастный взгляд его сосредоточился и остановился на чем-то далеком и невидимом для остальных. Инквизитор поднял длинный белый палец кверху и с заметным увлечением заговорил — напыщенно и велеречиво:

— Природа женского тела доподлинно не известна науке, сие есть творение Господне, и оно подвержено влиянию стихий. Однако, обратившись к умам древним и по разумению вещей нас далеко обходящим, заметим, что сам Гиппократ, который был не только научным светилом, но и великим практиком, несомненно, в творении своем «*De alimento*» указывает, что ребенок вполне может родиться от матери через год, после совершенного ею зачатья. О том же в «*De die natali*» говорит Цензорин, чей авторитет для нас непререкаем...

Короткая передышка. Угли на груди и животе перегорели и остыли. Ожогов Гюи не чувствовал, они словно омертвели. Зато покрытую волдырями кожу вокруг них жгло нестерпимо.

Гюи попытался повернуть голову набок. Сделать это было невыносимо тяжело, но теперь его взгляд охватывал угол стены, начисто выметенный каменный пол и даже крысиную нору за ножкой скамьи. Еще кусок яркого пятна жаровни с тлеющими углями — чуть в стороне просыхали свежие поленья, и подол рясы инквизитора в мягких тапочках на подагрических распухших ногах. Правый тапochек был сильно стоптан и измазан сбоку известкой.

— Певец истории Гомер, в том месте, где Посейдон, как вы знаете — демон вод, совращает невинную нимфу...

Упоминание о совращенной нимфе напомнило инквизитору, что он уже изрядно отвлекся от темы, отец де Воур тряхнул головой, нахмурился и возвратился к процедуре допроса:

— Item, Гюи Робине, в ходе светского суда над незаконно понесшей девицей Луизой Пуйоль, обвиненной в добрачном сожителъстве, напомним — дочкой фермера из Въёсана, было получено чистосердечное признание оной, что она была обещана вами во время паломничества. А именно — на конюшние контурии, к которой вы, оруженосец Ордена тамплиеров, закреплены с одна тысяча триста второго года...

Инквизитор опять остановился и прерывисто тяжело вдохнул. Промокшая тряпица уже не впитывала обильный пот. Вероятно, причиной одышки служила водянка — живот каноника был вздут, как у незаконно понесшей девицы.

Бедная, бедная девочка с поруганной честью и жизнью. Навсегда, до конца своих дней, заклеяменная непониманием и позором. Жертва чьей-то бездумной похоти или собственных страстей, глупая ярочка, быть может, в момент соития даже не понимавшая, что с ней происходит. Пристрастный допрос, ненавидящие взгляды присутствующих свидетелей и горожан, насмешливый пристав, ведущий к залу суда, жгучий стыд и нескромные вопросы. Ужас перед пыткой и мучительной казнью ломает даже мужчин.

Гюи видел фермерскую дочку Пуйоль единственный раз — еще на первом допросе — неграмотная, измученная, запуганная пятнадцатилетняя девчонка, волей судеб столкнувшаяся с несправедливостью и грехом. Впрочем, в женском монастыре она найдет утешение и защиту. Помоги ей Всевышний Господь.

— Продолжим...

Сейчас инквизитор говорил и смотрел в сторону — определенно в камере был кто-то еще — приподнять голову и разглядеть незнакомца у Гюи не хватало силы.

— Как сообщили бдительные законопослушные соседи, у девицы начал расти живот, и она всячески пыталась скрыть свою беременность, дабы не предстать перед судом за внебрачные роды. Но потом живот исчез, а ребенок обнаружен не был. Будучи задержанной, Луиза Пуйоль дала чистосердечные

признания, что имела насильственную блудную связь с тамплиером в ранге оруженосца, то есть по происхождению человеком простым и лишенным рыцарского звания, родила от него младенца мужского пола и под угрозой проклятий на весь её род до седьмого колена, была вынуждена отдать дитя преступному отцу-тамплиеру для нечестивого ритуала. Которое, судя по всему, он с циничным безумством совершил в ближайшее новолуние.

Инквизитор перевел дух после красноречивой тирады, опять прерывисто глубоко вдохнул и повернулся к Гюи, распростертому на своем прокрустовом ложе:

— На основании показаний Луизы Пуйоль, мы делаем выводы, что, спустя год после совершенного вами похотливого злодеяния, и выждав, когда в чреве несчастной созреет плод, вы явились в местечко Вьёсан, под предлогом сопровождения сержанта ордена Боле по вопросу о выдаче фермеру Пуйоль, отцу потерпевшей, ссуды на пять лет в размере пятидесяти двух эку золотом под десятипроцентный рост, необходимой для покупки быков и благоустройства фермы. Пользуясь тем, что родные девицы заняты беседой с сержантом Ордена Тамплиеров Боле, вы прокрались в комнату девицы Пуйоль, где она только что разрешилась от бремени и в результате полной потери сил после перенесенных ею родов не могла ни постоять за себя, ни даже закричать, чтобы позвать добросердечных соседей...

Суетливый монашек-секретарь нервничал, не успевая за ходом мысли инквизитора. Он поминутно вздыхал, тыкал в чернильницу пером и усиленно скреб письменным ножом по пергаменту, зачищая опечатки и кляксы.

— ...отобрали у потерпевшей новорожденное чадо. Затем спрятали младенца — мы не знаем где, и следствию предстоит выяснить, был ли у вас пособник. Дождавшись ближайшего новолуния, принесли младенца в жертву демону Буффа.. Бефу...

Лицо инквизитора изобразило крайнее отвращение, он сплюнул через левое плечо, мелко и быстро осенил грудь крестным

знаменiem и подошел к секретарю. Монашек торопливо зашелестел по столу, вытащил предыдущий протокол и ткнул измазанным коротким пальцем в нужное слово:

— Бафомет.

— Да, да, Бафомет. И принесли невинного младенца...

Инквизитор задумался, а свидетели из числа горожан испуганно зашептались, также торопливо крестясь.

— ...vere, мы не знаем, был ли за эти дни младенец крещен, или предстал в мир иной подобно язычнику или сарацину, что только усугубит перед лицом Небес ваш нечестивейший грех. Итак, со слов несчастной Луизы Пуйоль, вы похитили у неё младенца и принесли его в жертву демону Бафомету, о котором узнали из книг, купленных у колдунов-сарацинов и привезенных вами из Акры. Потому как в обмен на невинную кровь это мерзкое создание из преисподней обещало вам тайные знания. Так сказать, *occultus cognitio*¹. А именно: в области геомантии, пиромантии, некромантии — избавь нас Всевышний Господь, керомантии², а также гаруспиции и экстиспиции³. Item, сверхъестественные для человеческой природы способности: без вреда спать под тисом, повелевать козлами, видеть сквозь стены и сквозь одежды порядочных граждан и их добродетельных жен, в постные дни превращать свиное сало в елей и обращаться кошкой.

Инквизитор перевел дух и оглядел слушателей. Несомненно, его обличительная речь произвела впечатление. Монашек-секретарь замер и перестал писать — гусиное перо в его руке так и застыло над пергаментом с готовой сорваться чернильной каплей, а глаза от ужаса распахнулись. Свидетели же из числа мирян замолчали и принялись так истово креститься,

¹ *Occultus cognitio* (лат.) — тайные, оккультные знания.

² Геомантия, пиромантия, некромантия, керомантия — гадание по рассыпанной земле, по огню, по мертвецам, по воску соответственно.

³ Гаруспиция и экстиспиция (лат.) — гадание по внутренностям животных, принесенных в жертву.

словно мнимый чернокнижник мог вот-вот встать со своей дыбы и утащить их за собой в геенну. Палачи же, напротив, были невозмутимы — в этих стенах и не такое слышали.

Бафомет! В этот раз сиплый свист, вырвавшийся из пересохшего горла Гюи, уже нельзя было назвать усмешкой. Бред, бред, немыслимый бред. Чудовищная клевета, необходимая кому-то. Кому-то... но кому? Бафомет... Неужели в глупенькую неграмотную голову могло придти такое странное имя? А эти «мантии с гаруспицией»? Откуда неграмотная деревенская девица, которой не под силу разобраться, как пишется собственное имя, могла знать о гаданиях этрусков и греков?

— Что же... Время зачитать протокол и вынести решение. Гюи Робине, вы виновны...

Потолок стал мутным, и голос Сикара де Воур раздавался откуда-то издалека, как будто оруженосец Гюи опустил голову в воду. Стало все черно, словно на голову натянули темное одеяло. Потом — удар в лоб и отрезвляющая свежесть. На голову оруженосца плеснули кружку ледяной воды. Гюи зашевелился, пытаясь схватить пересохшим ртом капли и жадно облизал губы.

— Брат Гюи Робине, состоящий на службе Ордена тамплиеров в ранге оруженосца, признаете ли вы себя виновным в нарушении обета целомудрия, поклонения демону Бафомету и в человеческом жертвоприношении?

— Нет.

— Подсудимый отказался признать вину, брат Ксавье, занесите это в протокол. Допрос закончен. Свидетели, подпишитесь.

— Отец Сикар, прикажите позвать капеллана Ордена, я чувствую, что скоро умру.

— Мы не даем заключенным таких привилегий.

— Я должен исповедоваться, прошу вас, отец, мне нужен священник.

— Согласно закону, человек, обвиняемый в тяжких грехах лишен права последней исповеди. Вы имели возможность раскаяться во время допроса, но не воспользовались ей.

— Господи, падре, исповедайте хотя бы вы!

Веревки резко ослабли — палачи развязали их и освободили руки и ноги заключенного. Идти Гюи не смог — конечности больше не слушались его и немыслимо болели.

— А слышал ли ты что-нибудь о серебре тамплиеров? — чья-то тяжелая тень нависла над ухом. — Скажи, и будешь жить, и тебя сразу наградят и отпустят. Ты знаешь, о чем я говорю... О *серебре* Палестины.

Вряд ли простой оруженосец мог много знать о могущественных фигурках. И задававший этот вопрос человек догадывался об этом. Гюи покачал головой. Палачи оттащили тамплиера обратно в камеру и бросили на холодный пол. Ударившись затылком, Гюи потерял сознание.

Отец Сикар де Воур вышел на улицу и облегченно втянул ноздрами свежий воздух. До боли в легких. Потом доковылял до бочки под водостоком и умыл потное лицо дождевой водой.

— От вас ждали большего, святой отец.

Каноник остался стоять, наклонившись над бочкой и глядя, как большие капли падают на его отражение:

— Я сделал все что мог, сеньор Ногаре. В ереси этот человек не виновен. Если даже он и обрюхатил эту девчонку, им в лучшем случае, должен заниматься светский суд. Я не хочу давления со стороны тамплиеров. Мы вообще не имели права трогать его без позволения Магистра тамплиеров.

— Скандала не будет. Его святейшество благословил. Можно ли мне спуститься в темницу?

— Зачем? Ну, да, хорошо, брат Жозеф вас пропустит.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

КЛЕВЕТА

От прохлады оруженосец очнулся и попытался встать, но снова не получилось. Кожа неприятно липла к грязному полу. Сквозь крошечное окошко размером с небольшой кирпич, размешенное под самым потолком сквозил тусклый свет, хоть немного освещавший темницу. На каменной узкой полоске, имитировавшей кровать, сидел другой узник.

— Кто Вы? — прошептал Гюи.

— Я буржуа Люсьен из Нарбонны, — подавленно произнес незнакомец. — Мы виделись с вами вчера.

— Да, простите, я помню. Буржуа Люсьен, окажите мне милость, и Господь не оставит вас.

Люсьен пододвинулся ближе, так чтобы оруженосец мог видеть его лицо:

— Что вы хотите, брат?

— Мне отказали в исповеди, я умираю. Прошу, исповедайте меня.

Люсьен испуганно закивал, но тут же сжался и посмотрел на дверь. Неизвестно, какую тайну своей жизни ему мог вручить тамплиер. И не стала бы эта тайна предметом внимания инквизиторов-доминиканцев.

— Господи Всевышний, прими мое покаяние, — едва слышно зашептали губы тамплиера, — ибо грешен я во всем. Я согрешил пристрастием к пище и несколько раз съедал более

моего брата, сидящего за одним столом. Шестого мая я с интересом посмотрел на девушку на площади Нарбонны, хотя Господь говорил, что смотрящий на красивых женщин уже прелюбодействует с ними в душе. Я согрешил любовью к вещам, потому что, выбирая штаны и рубаху, переданные донашивать нам от рыцарей братьев, взял лучшие и без дыр. В прошлом месяце я дважды просыпал литургию, хотя не был болен и слаб...

Незнакомец, присутствовавший на допросе — мы уже узнали в нем канцлера Ногаре, спустился по узкой кривой лестнице в подвал. Брат Жозеф поклонился и повел Хранителя королевской печати в вонючую конуру, куда бросили тамплиера. Монах выбил кувалдой массивный штырь из засова и отворил низкую дверь.

— Ваша светлость, прошу, осторожней, здесь грязно и очень темно, — монах отошел в сторону, стараясь не мешать разговору.

Тамплиер лежал на полу. В камере, пропахшей нечистотами, был еще кто-то. Этот кто-то оказался небольшим худеньким человечком, облаченным в скромный полукамзол и серые, перепачканные на коленках чулки. Все в нем было мелкое, суетливое и острое — ни дать ни взять, загнанный в угол хорек. При этом человечек был крайне напуган. А вид страданий полуживого тамплиера и вовсе вселял в него панический страх.

Гийом Ногаре, отлично читавший человеческие души, насмешливо скривился и спросил у него:

— Кто вы?

— Я — Люсьен, писец нарбоннской таможни, я порядочный человек. По воскресным дням хожу в церковь и жертвую десятину всегда.

Человечек вдруг метнулся в сторону Ногаре и умоляюще зашептал:

— Ваша светлость, я невиновен, помилуйте, господин.

— За что ты угодил тюрьму Святой Инквизиции?

— Господин, я не знаю. Меня обвиняют, что я переводил Святое Писание. Я не знал...

— Так ты переводил Святое Писание с латыни на провансальский язык? — чуть не захохотал Ногаре. Для парижской знати южно-французский был нелеп и смешон.

— Нет, Ваша светлость, я только хотел разъяснить своему соседу, что значит в Евангелии от Матфея следующая глава...

— Оставьте, буржуа. Я достаточно силен в латыни, чтобы разобраться сам.

— А еще в моем доме нашли мяту, но ею лечит грудную жабу моя жена. И еще кладет в пироги с кашей...

— Кхм! — оборвал его Ногаре.

Человечек мгновенно сжался.

Подробности личной жизни и сама жизнь маленького писца волновали Ногаре не больше, чем жизнь муравья под копытом своего коня.

— Я слышал, этот тамплиер исповедался вам?

Худшие опасения таможенного чиновника оправдались. Хотя исповедь оруженосца и показалась мирскому человеку смешной, Люсьен был теперь почти соучастник.

Впавший в очередное забытие тамплиер хрипел на полу.

— Д-да, но он не рассказал чего-нибудь такого, что могло бы привлечь, — глаза Люсьена забегали и он продолжил — такого, что интересно было узнать стражам чистоты наших душ отцам-доминиканцам.

Ногаре опять усмехнулся. Дай этому чиновнику возможность выбраться отсюда, и он до конца жизни будет служить.

— Вы знаете, что вас ждет?

Писец таможи сжался.

— Но вы можете очень помочь королю Франции. И никто даже не вспомнит о переводе главы.

Люсьена не нужно было уговаривать. Всем свои видом он показывал, что готов на любое дело, лишь бы избежать допроса отцов Святой Инквизиции.

— Видите ли, Люсьен, этот человек опасный преступник. Но он умирает, и вместе с ним умрет его преступление. Вы ведь — свидетель его последних минут и последний его исповедник. Это — последний шанс рассказать королю... то, что не успел произнести этот сударь.

Глаза чиновника таможни забежали, он несколько расслабился и согласно произнес:

— Так что же я не услышал?

ГЛАВА ПЯТАЯ

ДОНОС

Как не велико было чувство отвращения — оно было сродни тому, что испытывает знатная дама, испачкавшая в нужнике свой подол или старый богатый холостяк, столкнувшись с нищим сопливым младенцем — как не сильно было чувство брезгливости к маленькому человечку, канцлер вез его в Париж с собой. Пусть мелкая, да попалась рыбешка. А как подать её королю, выдав за осетра, Ногаре отлично знал.

Люсьен покорно трясся в повозке с вещами, даже не пытаясь сбежать. В начале августа они были в Париже.

Королевский замок в Сите принял их с обычной суетой. Все также стучали топоры, все также сновали по мосту резчики, гранильщики, каменщики. Часовня Сент-Шапель целилась пикой в небо. По торговой галерее, переговариваясь и прицениваясь к безделушкам, драгоценностям и шелкам, бродили стайки изысканно одетых женщин.

Король принял путников у себя. Было видно, что он очень доволен. Таможенный писец Люсьен сразу упал на колени и отважился встать только когда Хранитель королевской печати потянул его за плечо вверх.

— Что же, это и есть наш главный свидетель?

Филипп Красивый был известен тем, что просто так пешим выходил в народ и разговаривал с горожанами. Посещал

площади и торговые ряды, заходил в суды и ремесленные лавки. Держался он приветливо, но без панибратства. Беседы с простым народом давались ему легко.

Король пригласил своего духовника, Великого Инквизитора и секретаря, чтобы вести протокол.

— Ну, же! Что вы хотите мне рассказать?

Сбиваясь и запинаясь, буржуа поведал, что оказался в застенках доминиканской тюрьмы. Разумеется, волею судеб. Люсьен беспомощно посмотрел на канцлера Ногаре, словно тот был ему другом.

— Продолжайте, Люсьен. Вы ведь хотели рассказать королю об откровениях тамплиера?

— Да, перед смертью он исповедался мне.

— Исповедался вам? Тяжкое преступление?

— Да, но на допросе он не сознался, — Люсьен немного освоился и стал входить в роль. — Я единственный свидетель того, что нельзя хранить под спудом. Беру на душу грех и нарушаю тайну исповеди, потому что не могу скрывать сведения о том зле, что творится в Ордене тамплиеров.

— Надо же, мы и не знали! — вскинул брови король. — У Ордена свои исповедники-капелланы, из Тампля не выходит ничего. Вы просто посланы судьбой, чтобы разоблачить их!

Почувствовав фальшь, Люсьен снова посмотрел на Хранителя королевской печати, но Ногаре успокаивающе кивнул. Таможенный чиновник глубоко вдохнул и, как школяр, принялся твердить заученный накануне урок:

— Перед смертью оруженосец признался в страшных грехах, потому что не хотел идти на Суд Божий с черной душой. Он рассказал мне о темных мессах с поклонением мерзким идолам, особенно идолу с бородатой головой. Рассказал и о том, что они плюют на распятия и целуют друг друга в различные места.

Нарбоннский буржуа, замолчал в ожидании ответа.

— Это ужасно и отвратительно. Вы очень помогли нам. Примите от меня награду и подпишите протокол, — король

протянул таможенному чиновнику кошель, полный золотых экю и забыл о существовании человечка.

Королевский камергер проводил Люсьена на улицу. Вернулся ли таможенник к пыльным пергаментам в Нарбонну, или шумный непостоянный Париж водоворотом затянул его, пока не потратились деньги, было никому не интересно.

— Великолепно, Гийом. Теперь у нас есть зацепка. Хорошо бы еще получить признания бывших тамплиеров — тех, кого Орден изгнал за проступки. Я слышал, Жак де Моле отлучил двух рыцарей за альбигойскую ересь. Постарайтесь найти и их. Ваше преосвященство, — король обратился к духовнику, — после я подпишу приказ об аресте всех членов Ордена Тампля и именем Святой Инквизиции попрошу провести расследование. Затем вы, Ваша светлость, — это уже относилось к Ногаре, — отправитесь на встречу с папой, настоятельно посоветуете ему подписать буллу об аресте Ордена по всей Европе и отчуждении его имущества и земель. Последнее явно получит одобрение со стороны монархов. Деньги еще никому не мешали. Ногаре, поручаю вам руководить всем процессом.

Глаза двух Гийомов встретились — Великого Инквизитора и Хранителя талисмана. Оба были соперниками и оба знали, что нужно искать. В отличие от королей, деньги их не интересовали.

Как только были куплены еще несколько показаний — иуды будут всегда, пока дышит человеческий род — король подписал приказ об аресте. Заминка была лишь в том, что требовалось усердие еще не одного десятка рук, чтобы переписать и размножить повеление короля, потом запечатать, развести по провинциям и городам, вручить их нужным людям под расписку. И ждать. Аресты назначили на пятницу, тринадцатое октября.

Десятки рук писарей и гонцов — это десятки языков и ушей. Да и в Тампле не сидели в стороне от происходящего в королевском замке. Король не утаил шила в мешке. А срочное письмо

магистра Уильяма де Ла Мора окончательно расставило все точки над «і». Глава английского отделения тамплиеров сообщал, что со слов короля Эдуарда, Филипп Красивый назначил всеобщий арест тамплиеров и указал дату.

Душным осенним вечером вернувшийся в Парижский Тамплъ Великий Магистр Жак де Моле вызвал к себе Жерара де Вилье, находившегося в чине приора.

Старые друзья обнялись. Оба знали настоящую причину их встречи.

— Ты не молодеешь, Жерар.

— Монсеньор, время не остановишь.

— До меня дошли вести, что над Тамплем сгущаются тучи.

— Это не мудрено. Доминиканцы, Псы Господни, идут по пятам. Зависть, обычная зависть, прости меня за осуждение Господь. Кто быстро вознесся, обречен менять друзей на врагов. А мы их нажили немало. Госпитальеры тоже смотрят косо, хотя их земельные владения больше. Филиппу снятся наши деньги, хотя мы всеми усилиями приумножаем вверенную королевскую казну.

— Филипп зол на меня за отказ принять его в Орден. Его сыну я тоже отказал.

— Да, я знаю монсеньор. Вы действовали в рамках Устава: «Не инициировать коронованных лиц».

— Не только, Жерар. В их сердцах живет алчность, а не любовь к Христу.

Они помолчали. Уютно потрескивала масляная лампа, темно за окном. Расслабившись, Жак де Моле вместо грозного и непреклонного Великого Магистра все более походил на слабого, уставшего человека. Сознание того, что он прозевал надвигающиеся аресты, ошеломило его. Никогда еще Жерар де Вилье не видел Великого Магистра таким растерянным и загнанным в угол.

— Подозрения о вероломстве короля становятся все сильнее. Папа неоднократно уговаривал меня объединить Орден

с госпитальерами. Идти в подчиненные к Фульку де Вилларе?! Нет уж, увольте! Как хочется верить, что король Эдуард ошибся!

Увы, окажись Великий Магистр чуточку смиреннее и прозорливее, он бы понял, что папа пытается его спасти. И не только его, а тысячи других жизней.

— Новый король Англии тамплиерам не благоволит. Что бы ни случилось, мы должны встретить их во всеоружии, сеньор! Тампль — мощная крепость, укрепленная лучше, чем Лувр!

— Нет, Жерар, поднимать меч на христиан нам запрещает Устав. И неизвестно, чем может кончиться сопротивление. Предадим себя в руки Господни. Тем более, я надеюсь на помощь нашего *серебра*.

Жерар де Вилье вскинул взгляд на Магистра:

— Я уже думал об этом! Но по Уставу не имею право действовать, не известив вас.

— Ты знаешь, Жерар, Гуго де Пейен в свое время приказал беречь артефакты, но не употреблять их. За редким исключением, это ни к чему хорошему не приводило. Слишком много соблазнов, а человек слаб. Но если подозрения подтвердятся, я благословляю тебя выехать с отрядом. Разрешаю выбрать лучших коней и людей, в которых ты уверен. Отправишься на Остров и возьмешь то, что сможешь взять. Я выделю тебе Дельфина, иначе путь не найти.

— Если на то ваша воля...

— В Тампле осталось несколько талисманов. Думаю, они сэберегут нам жизнь. А сейчас главная задача — позаботиться о сохранности казны, наших реликвий и архивов. Я отправил брату Уильяму де Ла Мору ответное письмо с просьбой встретить французские деньги. У нас выходит около пятнадцати возов. Часть мы спустим в катакомбы Парижа, часть уопим в болотах и прудах Форед'Орьян, остальное отправим в порт — в Англию и на Кипр. Только отделите королевскую казну — нам чужого не нужно.

— Монсеньор...

— Да, Жерар?

— Я не уверен, что наши люди устоят перед пытками. Я даже не уверен, что я...

— Да, Жерар, признаться, я тоже боюсь пыток. Я — обычный пожилой человек. Более того, Жерар, я сознаю себя виновным во многих ошибках. И в том, что подставил Орден под удар. Возможно, я часто делал неправильные шаги. Сейчас будет возможность это исправить. Мой грех уже в том, что я не остался лежать под стенами Акры с братьями и друзьями, а сбежал на безопасный Кипр. Мы все твердим, что Филипп Красивый жаждет нашей казны! А он просто укрепляет власть в королевском домене. Он — хозяин! Франция в крепкой руке! Он не дает лезть в свои дела папе и не дает мне взлететь высоко. Быть может, на его месте я поступал бы также.

Жерар де Вилье с удивлением смотрел на Магистра. Было такое ощущение, что Жак де Моле исповедался ему. Что ж, у каждого своя правда. Каждому лучше знать, что творится в собственной душе. Тем более, решения Магистра очень часто вводили в заблуждение всех. Похоже, старик действительно был никудышным политиком и плохим стратегом.

Тяжелое чувство нависшей опасности угнетало всех. Недавно посвященный в рыцари племянник приора и вовсе заявил, что он — последний принятый тамплиер.

— Ступай, Жерар. Мне нужно отдохнуть. Если случится беда — заberi Томаса с собой, он хороший парнишка. Разумнее было бы отправить его в Англию с архивами и деньгами, но это опасный путь. А с завтрашнего дня займемся вывозом денег. Я не хочу их терять. Лишними они не бывают. В Англию направим командора Оверни Имберта Бланка. Он хорошо знает дорогу в порт и Английский Тампль. И... думаю, не стоит ставить в известность нашего казначея Жака де Турне, он в слишком тесных отношениях с монархом. Скажешь — «Великий Магистр велел». Все. А Филипп... Филипп... Год назад, во

время денежного бунта мы спасли ему жизнь. Нет, Жерар, это ошибка. Эдуард хочет поссорить нас.

Приор поклонился и вышел. Жак де Моле последнее время вел себя как наивный ребенок. К тому же непредсказуемый. Внезапно подобревший к Ордену король ловко провел Великого Магистра. А ведь резкое показное благоволение наоборот, должно было бы насторожить. Ох, как Жак де Моле был неловок в интригах! Спасти положение могло что-нибудь вроде нового Крестового похода, но Магистр воевать не привык. И что-то не было слышно о его подвигах в Акре, а про Артрадос вовсе не принято говорить... Прими он предложение папы — рыцари бы вернулись на Восток. Вкупе с Орденом госпитальеров можно было вернуть и Акру, и Иерусалим. Но Магистр Тампля заботился только о собственной власти — в отличие от ответственного Магистра Госпиталя Фулька де Вилларе. А какой ошибкой была демонстративная дружба с королем Эдуардом, постоянным соперником французского короля! А когда, вопреки Уставу, Магистр предоставил своих людей воевать на стороне английской короны? Да уже только за это Филипп его не простит.

Жерар вышел на улицу. Уже почти совсем стемнело. Новый Тампль был величественен и огромен — настоящий город-дворец. Свет из дортуаров братьев хорошо освещал двор. Мерцали лампы за витражами церквей. Башня Храма и Башня Цезаря охраняли сон храмовников. И если старый Тампль был неприступной крепостью, способной выдержать любой штурм, то Новый Тампль был как новый мир. Тот мир, который людям Соломона завещал построить святой Бернар — покровитель и наставник Тампля. Сады, конюшни, плацы для тренировок, кухни, амбары, лазарет для больных. Неужели все это — привычное и родное — превратится в чужой дом? Все сейчас зависит от мудрости Великого Магистра. Но старик напуган и вряд ли сможет сделать правильный ход. Ордену нужен новый

Магистр! Который приведет корабль из болота к чистой воде. Человек благородных кровей, который бы в хитросплетениях светских интриг мог вывернуться ужом. Который бы с сильными мира сего держался на равных. Жерар де Вилье гордо потрянул головой. И хранящееся на Острове *серебро* весьма в этом поможет.

Где-то сверху ухала сова. Со стороны реки тянуло прохладой, пронизывающей до костей. Разволнованный приор отправился спать, обдумывая новые планы.

Следующий день был таким же, как и вчерашний, а вчерашний — как предыдущие дни. Рыцари тренировались на плацу, звеня мечами или ломая учебные копья о деревянные щиты. Конюхи — чистили и кормили коней, рассыпали фуражный овес по ведрам. Послушники мели двор, а капелланы — молились. Мелькали белые и черные сюрко. Все также стучались прихожане за займом или возвращали долги. Станным было лишь то, что из ворот Нового Тампля за неделю выехало с дюжину возов, доверху груженных соломой. Везли не внутрь, в конюшни, а зачем-то далеко за пределы Парижа... Зачем и куда — никто не знал, даже главный управляющий финансами Жак де Турне. Правда, казначей давно привык, что Великий Магистр не совсем мудро распоряжался деньгами — отказывал в ссуде королю Филиппу, но разбрасывался золотом и поместьями, балуя никчемных людей.

Осень встретила еще одним страшным сюрпризом — представилась жена королевского брата. После недолгой болезни спокойно и тихо отошла к Господу Екатерина де Куртене. Кто знает, может, забрав к себе добрую душу, Небеса пытались достучаться до сердца короля Филиппа? Может, Господь о чем-то предостерегал? В храме святого Иакова ярко мерцали свечи. В числе приглашенных на похороны и отпевание было несколько рыцарей-тамплиеров во главе с Великим Магистром и Жераром де Вилье.

— Вот видишь, чего опасаться? Даже в скорби король не оставляет нас. Он — верный друг и мы в безопасности под его рукой... — безмятежно улыбнулся Магистр.

Жерар де Вилье только вздохнул. В ночь после похорон ворота старого Тампля распахнулись, выпустив кавалькаду всадников и навьюченных лошадей. В темноте храпели кони, позвякивали шпоры и кольчуги. Черная вереница устремилась на восток. Чуть позже, вторая группа выехала на север.

Жерар де Вилье действовал дальше сам.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПЯТНИЦА, ТРИНАДЦАТОЕ

Ранее утро. Настолько раннее, что, открыв глаза, сложно было понять — пора со вздохом опускать ноги на ледяной пол или, закутавшись по сильнее, можно еще понежиться в теплой кровати. Заморозки посеребрили крыши дворцов и храмов. Стаи галок жалобно покрикивали над крестами соборов. От черной глади Сены поднимался легкий дымок.

В это полусонное время, когда Париж застыл, словно дремлющая в деннике лошадь, в мощные окованные железом двери Старого Тампля кто-то громко застучал:

— Именем Святой Инквизиции и короля Франции Филиппа IV, приказываю отворить!

За воротами послышалось движение, и кто-то затопал сапогами в сторону донжона¹. Похоже, часовые на воротах боялись принимать решение. Кулак со всей силы опять обрушился на дверь. Внутри крепости слышались голоса.

— Именем Святой Инквизиции, откройте!

За стеной затрещали лебедки, и Тампль впустил в свои недра большой вооруженный отряд под королевским штандартом. Первыми на холеных лошадях въехали канцлер Ногаре и королевский казначей Рено де Руа. Ногаре был при мече, облаченный в хауберг и кольчужные перчатки — может быть именно этими он бил по лицу несчастного понтифика. Присутствие

¹ Главная башня в европейских феодальных замках (*фр.*)

казначей говорило само за себя. Канцлер указал стражникам на Башню Тампля, и десятки человек бросились внутрь.

— Приказываю сдать мечи!

Часовые-рыцари на воротах молча повиновались. Из спальных корпусов грубо вытаскивали братьев и выстраивали перед донжоном. Кто пытался сопротивляться, тут же получали жесткий отпор. Льняные рубахи многих рыцарей и сержантов уже были в крови. Всеобщих вздох пронесся над цитаделью, когда несколько человек выволокли на площадь Великого Магистра. Обычно своенравный и надменный старик был испуган и жалок, что-то кричал на королевских солдат, выдергивая руки. Увидев Ногаре, он присмирел и сник — слова Жерара де Вилье оказались истинной правдой. Довершение к жалкому виду Великого Магистра придавала длинная рубаха для сна и ночной колпак, прикрывавший тонзур. Босые ноги давили осеннюю грязь. Жака де Моле вытащили прямо из кровати. Усмехнувшись, Ногаре развернул скрепленный королевской печатью пергамент и зачитал:

— Братья ордена воинства Храма, скрывающие волчью злобу под овечьей шкурой и одеянием ордена, гнусно кощунствующие над нашей верой, обвиняются в отречении от Христа, плевках на распятия, совершении непристойных жестов при приеме в Орден и своим «Символом Веры» они клянутся, не боясь оскорбить человеческий закон, безотказно отдаваться друг другу, когда бы их ни попросили...¹

Ничего не понимая, братия недоуменно переглядывалась. Все смотрели то на Великого Магистра, чье лицо искажалось то от страха, то от гнева, то на Хранителя королевской печати, сохранявшего непроницаемый вид. Происходило что-то страшное и несправедливое. Но никто не мог понять — что?

— Ввиду того, что истина не может быть полностью раскрыта иным способом, а горькие подозрения пали на всех, мы

¹ Из указа Филиппа IV об аресте тамплиеров.

решили, чтобы все члены названного Ордена в нашем королевстве, без всякого исключения, были арестованы и содержались под стражей до суда Церкви и чтобы все их имущество, движимое и недвижимое, было изъято, передано в наши руки и надежно сохранено...

Всего в Тампле задержали сто тридцать восемь братьев — сержантов и рыцарей, а также множество простых людей: послушников и вольнонаемных. Похоже, кто-то уже успел бежать. Арестованных грубо запихивали в повозки и развозили под конвоем по тюрьмам замков и монастырей. Магистр дал приказ не сопротивляться:

— Крепитесь, братья мои, я знаю что делать. Господь не оставит нас, в наших руках сила!

Но Жаку де Моле не дали договорить. Ногаре свернул пергамент, кивнул королевскому казначею и спешился с коня. В сопровождение королевских рыцарей, схватив беспомощного Магистра за плечо, канцлер и королевский казначей направились к хранилищу казны. Сзади, прихрамывая, бежал секретарь с чернильницей, пергаментом и пером — нужно было описать имущество Тампля.

В это же время бальи округа Кана арестовал всех храмовников Божии, его подчиненный виконт взял на себя тамплиеров Бретвиля. Виконт послал своего секретаря в Курваль и поручил доверенному рыцарю действовать в Вуазме... И так, от феода к феоде, от села к селу по всему королевству.

Сотни рыцарей, увозимые в этот день под конвоем, с тоской наблюдали, как раз и навсегда спускаются черно-белые штандарты с родных донжонов и башен.

Казна была пуста. Нет, в сундуках и коробах оставалась пара тысяч экю и даже несколько сотен ливров, один сундук доверху был набит денье, были флорины, дукаты, но все было ничто в сравнении с пропавшим богатством Тампля. Забитые

доверху подвалы своими глазами год назад видел король, прятанный в крепости от народного бунта.

— Где казна?! — почти закричал Рено де Руа.

Жак де Моле немного приободрился и стал похож на прежнего себя, каким был всего несколько дней назад.

— Ваша светлость, знаете ли Вы о той благотворной деятельности, что ведут Milites Templi? На средства ордена построено более восьмидесяти величественнейших соборов и семьдесят храмов поменьше. Мы строим бесплатные дороги и...

— Жак де Моле, где вы спрятали деньги?

— Ваша светлость, король брал у нас огромную ссуду. Деньги все на руках. Мы — рачительные кредиторы.

Решив испытать упрямство старика на прочность позднее, во время пристрастных допросов, Гийом Ногаре приказал:

— Пересчитайте наличные средства. Они принадлежат короне.

Он вывел из хранилища Жака де Моле и припер к стене:

— Ты же знаешь, что я ищущу не монеты.

В ответ Магистр только замотал головой:

— Объясните, что вам нужно точнее. Все наши сокровища и реликвии хранит Тамплъ, Указом Его Величества короля, вы имеете право изъять их.

— Где серебро из подземелий Соломонова Храма? — пальцы в знаменитой кольчужной перчатке сжались под кадыком старика.

Поняв, что Ногаре знает гораздо больше, Великий Магистр захрипел:

— Оно осталось на Святой Земле.

Пальцы сжались сильнее. Жак де Моле затряс головой.

— А точнее?

— При взятии Акры потерялось все.

Кисть канцлера разжалась, указательный палец медленно зачертил по шее Великого Магистра, потом ласково обвел губы старика и грубо уперся в его глаз. Жак де Моле задрожал:

— Мы вывезли совсем чуть-чуть. В Тампле ничего не осталось. Можете обыскать. Один у короля Филиппа...

Палец требовательно надавил на зрачок. У Жака де Моле подкосились ноги. В глазу потемнело, и вспыхнул яркий сног искр.

— Есть на Кипре.. два. В Тампле ничего не осталось. Жерар де Вилье увез...

Ногаре приподнял бровь.

— Приору удалось сбежать?

— Я не знаю куда...

Кольчужная перчатка хлестнула по лицу. Ногаре умел это делать.

— Оставьте арестованного в Тампле. Сообщите, когда закончите опись. Я — к прево Парижа. Несколько человек ушло!

Ногаре направился было к выходу, но, подумав, побежал по широкой винтовой лестнице донжона. Там, на верхнем этаже, находилась комната Великого Магистра. Дверь была распахнута, а через порог серой лентой тянулось сброшенное одеяло. Ногаре в бешенстве откинул его сапогом, потом бросился к кровати, скинул набитый соломой тюфяк — использовать для набивки овечью шерсть запрещалось. Ни под тюфяком, ни под кроватью не было ничего. Канцлер распахнул дверцу секретера, выгреб все, что было внутри, сорвал со стены картину, перевернул ковер. С таким же успехом можно было разобрать по камешку Тамплъ и не найти ничего. Похоже, про грядущий арест храмовники знали.

Сердце глухо стучало. Для бросков по лестнице в тяжелой кольчуге Ногаре уже был староват. Он оперся о спинку кровати, приложив левую ладонь к занывшему боку.

— Голубь вывернулся из когтей нашего Орла?

От неожиданности Ногаре чуть не вскрикнул. В дверях стоял человек в черной одежде и черной маске, прикрывающей лицо. В разрезе недобро поблескивали глаза. Под их спокойным холодным взглядом Ногаре всегда начинал терять самообладание.

К великой злости канцлера, на равных делавшему замечания королю и баронам, в присутствии этого человека начинал потеть лоб, а руки сами по себе бессвязно перекладывали какие-нибудь вещи или расправляли складки камзола.

— Да, монсеньор Варфоломей, простите. Похоже, рыцарям кто-то донес. Но мы еще не все обыскали...

— Мне всегда нравился этот вид, — человек в черном подошел к окну. — Это самая высокая башня Парижа, выше, чем у короля.

Вид действительно был превосходным. На улице давно рассвело, и Париж наполнился обыденной суетой. Над шпилями соборов вились голуби и пронзительно покрикивали чайки, а по покрывшейся мурашками волн речной глади лениво ползла галера — рядом находилась Тамплиерская пристань.

— Надеюсь, порт оцеплен?

— Да, монсеньор, я действую по вашему плану.

— Я вытащил этого чванливого бургундца с Кипра в Париж, а ты «действуешь по моему плану»? С ним было двенадцать возов казны — для тебя с королем, и несколько моих фигурок. А ты оказался неповоротлив, как дряхлый кот среди толпы мышек.

Слова вошедшего были истинной правдой. Жак де Моле в сопровождении шестидесяти рыцарей с прислугой и дюжиной возов еще в конце зимы доверчиво прибыл в Париж, как раз в то время, когда против Ордена вовсю формировалось дело. Среди свиты прибыл и человек в черном, числившийся при Магистре сарацинским писцом — арабским языком, как и висевшей на боку саблей, он владел в совершенстве.

— Монсеньор, я уже напал на след. Ночью сбежал приор Жерар де Вилье и около десяти рыцарей с прислугой: Энбер Бланк, Гуго де Шалон, Пьер де Буш, Гильом де Линс...

— И?

— Думаю, талисманы у них, если не спрятаны в Тампле. Я уже послал гонца к Парижскому прево. Он должен выслать отряд.

— Не жалейте сил, по всем направлениям.

— Приор прихватил племянника-шотландца. Возможно, они поедут в Англию, на север, это самый короткий путь за пределы домена.

— «Возможно»? Возможно, мне придется отказаться от твоих услуг.

Ногаре стиснул скулы. Ненависть к жестоким начальникам всегда пропорциональна страху.

— Это небольшая заминка, монсеньор. В конце концов, есть система допросов.

Человек в черном кивнул и, не прощаясь, вышел. Гийома Ногаре словно обдало холодом из преисподней.

В отличие от Хранителя королевской печати, Филипп Красивый был доволен. При помощи талантливого канцлера ему удалось поставить L'Ordre des Templiers на колени — за один день в тюрьмы и темницы было заключено более пяти тысяч тамплиеров — от Великого Магистра до последнего слуги. Более того, получилось избавиться от долгов и расширить свои владения за счет тамплиерских земель. Из сундуков и хранилищ командорств набралась приличная сумма денег. Сколько — никто не узнал, свои дела король держал в тайне.

Как не храбрился Жак де Моле, но на допросе повел себя странно. Без растягиваний на дыбах, жаровен и «испанского сапога» он объявил Орден виновным в отречении от Христа и даже согласился плюнуть на крест. Правда, плюнул все же не на крест, а на землю. После этого Великий Магистр подписал указ всем тамплиерам признать обвинения. Возможно, старик пытался спасти свое войско от пыток и кого-то безрезультатно ждал. А, может быть, это произошло из-за того, что у канцлера Ногаре, беседовавшего с ним в этот день, глаза были разного цвета.

Потом несчастный бургундец не раз отрекался от своих показаний, но ящик Пандоры раскрылся. Папа Климент сдался и подписал буллу «**Pastoralis praeeminentiae**» об аресте рыцарей Соломонова Храма во всем христианском мире и дальнейшем пристрастном допросе.

И Великий Инквизитор Гийом де Пари с рвением цепного пса взялся за дело.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПОДПОЛЬЕ

1311 год, Франция, графство Шампанское

— Слава Господу! Ты жив! — человек в одежде торговца бросился к низенькой двери.

— Хвала Небесам! Бернар!

В винном погребе небольшой фермы, что примостилась на топких берегах реки Барсы, в двух верстах от деревушки Лузиньян, собралось несколько мужчин, кто явно хотел скрыть свой род занятий и имя от встречавшихся по дороге людей. Тот, кто не раз бывал в Оверни, в одном из них смог узнать командора Умбера Блана. Он был одет в недорогой полукамзол и короткий суконный плащ, отороченный лисой — наряд, присущий бедному дворянину. Двое других старались походить на торговца и его слугу из Тулузы — южно-французский акцент им хорошо помогал. Первый, кого называли Бернаром, в действительности был командором Прованса, а сопровождавший его «слуга» — рыцарь-сержант. Двое же были облачены в священнические одежды, но по походке, манерам и разговору действительно ими являлись: Пьер де Болонья и Рено де Провен. С ними прибыл человек, одетый как монах-цистерианец — из-за находившегося неподалеку аббатства этого Ордена подзрений он вызывал меньше всего.

— Умбер, где же твоя тонзура?

— Быльем поросла, брат Бернар, как и у вас. А ты нынче едешь без шпор, подобно сарацину?

— Ну, я же вроде как «торговец»!

Масляный светильник ярко горел, потрескивая фитилем, и окрашивал стены из известняка в красновато-оранжевый цвет. Фигуры людей отбрасывали на стоящие в ряд бочки причудливые языки теней.

— Отец Пьер, храни вас Господь за то, что отстаиваете интересы Ордена в Париже!

— Это мой долг.

— Вы в курсе последних событий. Умоляю — как братия, как Великий Магистр? — глаза командора Оверни были полны искреннего отчаянья. За вечер он не раз повторял, что, если бы не приказ Жака де Моле сопровождать казну в Англию, никогда бы не покинул страну и разделил участь братьев.

— Тампль... Помните, Жак де Моле приехал за несколько дней до ареста? А капитул, который велели собрать? На него в Тампль съехались командоры... Это был чей-то хорошо продуманный план. Даже смерть герцогини Екатерины загадочным способом укладывается в него, — грустно вставил второй священник.

— Рено де Провен прав. Думаю, и отречение Жака де Моле случилось не просто так. *Вопрос — почему он так сделал?*

— Думаю, надеялся на благородство папы. Но понтифик предал всех нас.

— В Париже сейчас рыцарей около полутора сотен, всего — где-то пятьсот человек. Рыцарей и командоров держат в замках Корбей, Море-сюр-Луэн, королевском Шиноне. Великого Магистра в числе других братьев держат в Тампле, но на допросы его переводят то туда, то сюда.

— Говорят, вожак своры изуверствует как палач, — Бернар имел в виду Великого Инквизитора Гийома Парижского — главу доминиканцев-инквизиторов Псов Господних.

— Хуже! В своей ненависти он потерял человеческий облик. Тридцать шесть рыцарей в Париже умерли во время пыток. Несколько повесилось. Но большая часть созналась в кощунствах, которые не привидятся и в горячке.

— Да, целовать кошку под хвост. Или обмазывать жиром нерожденных младенцев какого-то Буффумета.

— Что говорить, в Англии одна почтенная дама показала, что видела на исподних штанах тамплиера нашитый на заднице крест.

— Старая ведьма пробралась в дортуар?

— Святые угодники! Скорее всего, это была заплатка.

— Скорее — наглая ложь.

— Да, братья мои, Инквизиция предъявляет сто семьдесят два пункта обвинений — до которых не додумается и самый изощренный ум.

— Слава Богу, папу замучила совесть, и ведение дела передано епархиальным судам. Теперь Инквизиция захлебывается от ярости, но вынуждена считаться с участием кафедральных каноников и францисканцев. Иначе Гийом умертвил бы всех до одного, а потом бы извлекал их тела из могил, чтобы и после смерти предавать пыткам.

— Как когда-то король Филипп хотел раскопать могилу и бросить в костер кости бедного Бонифация.

— Про огонь... Капеллану Бернару де Вадо сожгли все мясо на стопах — так, что через несколько дней у него выпали пяточные кости.

— Братия сподобится мученических венцов и воссияет во славе у Бога!

— Со времен первых мучеников Христовых мир не ведал такого зла!

— Господь посылает знамения, что наши люди не виновны. Когда сжигали на кострах самых верных, пламя не тронуло кресты на их одеждах.

— А близ Падуи одна кобыла ожеребилась жеребенком о девяти ногах. В Ломбардию прилетали неведомые птицы. Во всей

падуанской области за дождливой зимой наступило сухое лето с градовыми бурями, так что все хлеба погибли...

— Ни один римский авгур не мог бы пожелать более ясных предзнаменований.

— Братья, насколько я знаю, Гийом Парижский усердствовал не просто так. Он искал *серебро тамплиеров*, и я думаю, вы догадываетесь, о чем я, — отец Пьер внимательно посмотрел на присутствующих. — С нами прибыл отец-капеллан.

Отец Пьер указал на сидевшего молча человека, одетого как монах-цистерианец. Тот представился:

— Отец Франсуа, капеллан командора Рембо де Карона.

— Вы с Кипра?

— Да, но наш командор сейчас в застенках замка Шинон. Туда же, говорят, перевели Великого Магистра. Как писал апостол Матфей: «Поражу пастыря, и рассеются овцы». Я знаю, что наш отец Жак де Моле перед арестом послал приора Франции на Остров, благословив взять из пещеры амулеты.

Командор Бернар покачал головой:

— Наш великий основатель Гуго де Пейен не поощрял использовать амулеты. Когда-то ради политического шага мы подарили французской короне Орла, а теперь нет уверенности, что он не действует против нас. Ведь он в руках Ногаре и Филиппа.

— Сейчас именно то время, когда нужно идти на компромисс.

— На Остров попасть невозможно, не используя путеводный Дельфин. А с ним, как известно, уехал Жерар де Вилье. С тех пор никто не слышал о приоре. Возможно, его давно уже нет в живых.

— Говорят, его видели в Марселе. И все. Так или иначе, прошло три года и лучшие из наших людей отправлены на костер, сотни не выдержали пыток, остальные отреклись и согласились перейти к госпитальерам.

— Но сотни, а может быть, еще тысячи верных томятся по неизвестным монастырям — ведь многим дают пожизненное заключение. Ради них мы должны рискнуть, — с этими

словами отец Франсуа полез в походную сумку и извлек из нее фигурку, завернутую в кусок грубой серпянки.

Из присутствующих еще никто не видел *серебро тамплиеров* собственными глазами. Это была непонятная композиция — черепаха, перевитая змеей. Казалось, от серебристого металла, из которого был отлит амулет, исходило слабое свечение, а по неровным изгибам змеи будто проскальзывали серо-голубые переливы.

— Я не знаю, как она называется. Но если носишь эту штуковину на груди, или просто в кулаке, то можно проходить сквозь стены.

— Тамплъ! — почти одновременно воскликнули Умбера Блан и Бернар.

— И что толку? Чтобы одним узником стало больше? Или хотите поболтать с Жаком де Моле? Говорят, он умоляет подвергнуть себя пыткам, чтобы искупить малодушие первых дней. Нет, нам нужны еще фигурки. Надо попытаться собрать все, что осталось на руках у братьев, а потом решать.

— Не думаю, что кто-то точно знает, как использовать их. Приор Франции разобрался, Великий Магистр, Рембо де Карон что-то знал.

— В хранилище Кипрского Тампля был манускрипт, сейчас его перевезли в Германию с архивом. Это список с того самого, которым владел Гуго де Пейен. Но шифры утеряны во время взрыва Аккрского Тампля. Может, кто из ветеранов сможет еще разобрать?

— Я знаю точно, — кивнул головой Умбера Блан, — что один амулет хранился у Магистра Англии, я отвозил туда часть архивов и казну. Не думаю, что он попал в руки Ногаре или Инквизитора-Гийома.

— Еще один есть на Кипре. Постарайтесь передать оставшимся на свободе братьям, что мы ищем фигурки. Время не ждет.

Ферму покидали по очереди. Никто не знал, что на поиски уйдет не один год.

Март 1314 года, Париж, Тамплъ

Жак де Моле, подряхлевший и измученный человек, в котором бы никто не признал когда-то самодовольного вершителя судеб, сидел на ложе, сколоченном из грубых горбылей — в Тампле в свое время милосердно относились к заключенным. В Шиноне для отдыха был простой каменный выступ. Тогда приходилось спать сидя, поставив ноги на пол.

На Великом Магистре была давно не стиранная рубаха-туника, разорванная на плече. Старик смотрел на свои бледные босые ноги, беспомощно опущенные на каменный пол, и медленно качал головой.

С тех пор, как пару лет назад папа Климент V официально закрыл Орден, допросы превратились в пустую формальность. Раз за разом Великого Магистра вызывали на суд и раз за разом задавали одинаковые вопросы. Гийом Ногаре перестал приезжать. Видимо, он всласть потешил свое самолюбие и оставил сломленного старца, как бросает котенок полуживого жука, когда тот перестает шевелиться.

— Все кончено, брат Жоффруа.

Прошло то время, когда тамплиеров держали в одиночках, чтобы они не смогли договориться и придумать план. Теперь, для экономии места и времени, в камеру к Магистру поместили командора Нормандии Жоффруа де Шарне. Командор был в нижней одежде со следами побоев на лице. Несмотря на синяки, держался он благородно.

— Всегда есть надежда, монсеньор. Всегда есть надежда...

— Я слишком надеялся на папский суд, я слишком долго ждал помощи от приора. И ты знаешь главное — я слишком боялся пыток.

— Не терзайте себя, монсеньор.

— Жоффруа, я всю жизнь держался перед Орденом и Господом честно. Совесть моя чиста. Но я надеялся и на чужую совесть. Жоффруа, понтифик тайно был одним из нас!

— Климент был тамплиером?!

Великий Магистр обреченно кивнул головой:

— Да, и он ничего не сделал!

— Слаб человек.

— Да, Жоффруа, слаб. Я слишком боялся пыток. А братья мои пошли на костер, и я тоже ничего не смог сделать.

— Они мученики, монсеньор, мы будем за них молиться. Король дал пожизненное заключение мне и вам, и другим командорам.

— Только кровью можно искупить кровь, — покачал головой Жак де Моле. Длинной седой бородой и отросшими волосами, обрамлявшими лысину и высокий лоб, он напоминал древнего пророка: — Я откажусь от данных мной показаний.

— Это самоубийство, Жак! Тебя признают «еретиком, впадшим в ересь»! Не делай этого, монсеньор! — Жоффруа медленно опустился на колени.

— Хорошо, я подумаю, брат.

17 марта 1314 года, Париж

Глухо ударила кувалда, выбивая из засова заклепку. Дверь лязгнула, и в проеме показался инквизитор в бурой сутане, препоясанный веревкой. Позади стоял конвой из королевской стражи.

— Обвиняемые, прошу пройти на допрос, который будет сегодня проходить в Нотр-Даме.

Тамплиеров вывели и направили к повозке, где уже сидели, жмурясь от дневного света командор Аквитании и Пуату

Жоффруа де Гонневиль и Гуго де Пейро — главный смотритель и второй человек в Ордене после Жака де Моле.

Огромная комиссия из кафедральных каноников, папских легатов-кардиналов, епископов доминиканцев и францисканцев и прочих высокопоставленных слуг Католической Церкви нависла над четверкой тамплиеров, как хищник над жертвой.

Что могли сделать четыре раздавленных унижениями и пытками старика? Дело закрыто, Орден распущен. Повторить признания в очередной раз и разъехаться по далеким монастырям доживать свой век в заключении. Грустная ирония, но заседание проходило в Нотр-Дам де Пари — лучшем соборе, возведению которого немало поспособствовал Орден Тамплиеров.

Великий Инквизитор Гийом де Пари призвал суд к тишине. — Обвиняемые, а именно: Жак де Моле — Великий Магистр Ордена, Жоффруа де Шарне — командор Нормандии, Гуго де Пейро — главный досмотрщик Франции и Жоффруа де Гонневиль — командор Аквитании и Пуату сего числа, восемнадцатого марта одна тысяча триста четырнадцатого года от Рождества Христова приговариваются к пожизненному заключению по обвинению в следующих еретических заблуждениях, в которых перечисленные выше особы сознавались неоднократно в ходе проведенных Великой Инквизицией допросов и допросов светских судей:

— *In proto*. При вступлении в Орден неопита, наставник уединялся с ним за алтарем или в другом месте, где заставлял его три раза отречься от Спасителя и плюнуть на крест. *In secundo*. Шнурок, который тамплиеры носили как символ целомудрия, освящался тем, что его обвивали вокруг идола, имевшего вид человеческой головы с длинной бородой и почитаемого руководителями Ордена...

— Я протестую!

По сонному залу пронесся гул. Дремавшие и находившиеся во власти собственных отвлеченных дум судьи разом уставились

на говорившего. Жак де Моде медленно поднялся со скамьи заключенных.

— Ваше преосвященство, Великий Инквизитор, благочестивые отцы и судьи. Я раскаиваюсь в данных ранее показаниях, потому что они были совершены по малодушию и страха перед пыткой. В этом храме перед лицом Господа моего я признаю себя невиновным по всем пунктам пяти обвинений и отказываюсь от своих признаний, данных по человеческой слабости семь лет назад и навлекшим на вверенных мне людей многочисленные беды. Устав Ордена был создан и соблюдался по Католическим нормам. Мы не согрешили пред Господом ересью, а выдвигаемые против Ордена обвинения — гнусная ложь.

Гул с новой силой пролетел под сводами. Лица судей застыли в недоумении.

Великий Инквизитор Гийом де Пари неодобрительно покачал головой:

— Осознаете ли вы, что своим отказом становитесь нераскаявшимся еретиком, впавшим в ересь вторично, и лишаете себя возможности рассчитывать на помилование Католической Церкви и короля?

— Наши тела в руках короля, а души принадлежат Богу!

— Есть ли еще кто-нибудь среди вас, кто откажется от своих показаний?

Командор Жоффруа де Шарне, глубоко вздохнул и встал рядом с сеньором.

— Я оказываюсь от прежних показаний.

— Подумай, что ты делаешь, брат. Это шаг на костер, — прошептал Великий магистр.

— Это — мой выбор.

Оставшиеся тамплиеры только опустили глаза.

— Объявляю суд закрытым. Именем святой инквизиции Гуго де Пейро — главный досмотрщик Франции и Жоффруа де Гонневиль — командор Аквитании и Пуату признаются виновными в ереси по всем пунктам или части пунктов и приговариваются

к пожизненному заключению в Аквитании в монастыре Ордена святого Доминика. Жак де Моле — Великий Магистр Ордена, Жоффруа де Шарне — командор Нормандии объявляются виновными, как впавшие во вторичную ересь закосневшие еретики и приговариваются к сожжению на костре.

Это было как гром среди ясного неба.

Королю об упрямстве Великого Магистра доложили через час — Филипп Красивый находился в своей резиденции на Сите рядом.

— Что ж, поджарьте завтра же этого старого осла! Вот как раз на том островке, чтобы мне было лучше видно, — король указал на небольшой островок прилепившийся к Сите, как жеребенок к повозке. — И вот что, пожалуй — не протыкайте ему багром сердце. Пусть помучается живьем. Мученичек Господень. Да, на голову ему не забудьте надеть маску с бородой и рогами.

Филипп Красивый поблагодарил докладчика и указал на дверь. У короля были другие заботы.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ПРОКЛЯТИЕ ЖАКА ДЕ МОЛЕ

Железная дверь в подвале дома виконтессы Маргариты де Вадо, вдовы брата того самого капеллана, что лишился стоп, вела прямо в катакомбы Парижа. Немудрено, что у добродетельной женщины периодически бывали гости. Маргарита была стара и готовилась к встрече с Богом. Принимая тайных тамплиеров, она выполняла свой христианский долг. Графиня предоставляла подпольщикам еду и кров, а когда было надо — перевязывала и промывала раны. Многие поминали её в благочестивых молитвах. В небольшом чулане рядом с кухней, открывавшемся только в подвал, долгое время обитал капеллан отец Франсуа. За три года об этом не догадалась даже прислуга, поскольку Маргарита де Вадо носила ключи от подвала с собой, заявляя, что не доверяет кухаркам, мол, те воруют еду. За это к виконтессе относились с усмешкой, за глаза считая выжившей из ума старухой.

Но истинную причину так никто не узнал.

— Отец Франсуа, Великого Магистра и нескольких командоров снова перевели из Тампля в Нотр-Дам. Вероятно, начался очередной процесс. Сколько уже можно? Великий Магистр признал себя еретиком и остальные командоры — тоже.

— Я в курсе. Сегодня семнадцатое число? Да, сегодня последнее рассмотрение дела. Скорее бы оставили их в покое.

Король рекомендовал дать им пожизненное заключение за ересь... Смотрите, что нам удалось раздобыть.

Капеллан бережно развернул сверток с талисманом.

— Это уже пятый!

— Святой наш покровитель Бернар!

— Братья из португальского Тампля утверждают, что это сама Саламандра! Кстати, в Португалии Орден почти удалось сохранить. Они просто сменили название.

— Я слышал про этот артефакт, — командор Оверни Умбер Блан протянул руку к фигурке ящерицы, лениво изогнувшей массивную шею и хвост, и тут же отдернул пальцы. — Стреляется, ого!

Он снова взял фигурку, на этот раз более уверенно:

— Ну, швыряйте меня хоть в гарнизон мусульман или бросайте в горящую печь, хлебодары! — командор обернулся к отцу Франсуа. Он радовался, как мальчишка, и готов был расцеловать святого отца, за что инквизиторы с радостью зачислили бы ему тяжкое преступление. — Я каждый раз удивляюсь и поверить не могу, что их касались руки Магистра Гуго де Пейена и других основателей Храма!

— А, может, их изучал сам святой Бернар!

Жаль, что радость эту не мог разделить отец Рено де Провен, за помощь тамплиерам его схватили и приговорили к пожизненному заключению. Отец Пьер де Болонья, второй священник, сидевший три года назад в винном погребе на ферме, и вовсе исчез, возможно, также не по собственной воле. От командора Прованса Бернара не было вестей уже почти два года. Как в любом подполье, судьба выхватывала одних из рядов, но их места занимали другие.

— Найти бы Морского Конька! Я слышал, он разрушает стены и разбегает отряды! Против него не устоит ни одно укрепление!

— Думаю, стоит подождать, пока Магистра после вынесения окончательно приговора не переведут в более доступную крепость.

— Мы и так затянули.

Действительно, помощь Великому Магистру запаздывала уже на семь лет. Семь лет позора и обвинений.

Из катакомб послышался условный стук — вероятно, прибыл еще один беглый тамплиер. Отец Франсуа сгреб артефакты в ящик, натянул на всякий случай на голову колпак — так, чтобы не было видно монашескую tonsуру, и пошел открывать дверь. В проеме стоял бывший послушник Шарль де Шалон — родственник главного смотрителя Ордена Гуго де Перо. Когда-то незадолго до арестов он уехал навестить больную мать — так удачно, что оказался вдали от всех передраг. Видимо, это не давало покоя юному сердцу, и услышав, что огонь не тронул плащей сожженных рыцарей, Шарль оставил дом и помчался в Париж — так хотелось совершить подвиг! Вместо подвига его ждали холодные катакомбы, ночи на бедных фермах и в завшивевших тавернах, явки, пароли, вечный азарт и страх...

— Благословите, отец Франсуа! — взволнованный Шарль припал к сухой руке капеллана.

— Как дела, сын мой? Что-то случилось?

— Великий Магистр отказался от своих показаний!

— О, нет! Ведь Ногаре с радостью отправит его на костер!

— Уже! Великий Магистр и Командор Нормандии приговорены к сожжению на костре.

— Когда?

— Король приказал — завтра...

— Отец Франсуа, Ваш долг исповедать и причастить заключенных, — из чулана вышел командор Оверни и поприветствовал Шарля. — Более того, у нас есть Саламандра. Она защитит Великого Магистра от огня и явит всему христианскому миру чудо. Может, не совсем честно прибегать к подобным уловкам, но для этого мы и живем — спасти и восстановить Орден.

— Тамплъ охраняем, — наивно возразил Шарль.

— Спасибо за мудрость, Умбер. В крепость можно попасть через стены. В этом поможет Черепаха, обвитая змеей. Я бы

с радостью предоставил ее Великому Магистру, но, так полагаю, сама мысль о побеге сейчас покажется ему малодушной и позорной. Магистр решил идти до конца. Но зато я смогу пронести Саламандру в Тампль и спасти Жака де Моле. Огонь не тронет его под действием талисмана.

— Отец Франсуа, я провожу Вас до Тампля. Магистр и командоры находятся в нижней части донжона Старого Тампля, я объясню, где искать, — глаза Шарля горели.

Не так просто идти, когда с собой два талисмана. Черепаха со змеей, висящая на груди и спрятанная в кармане плаща Саламандра. От накопившейся усталости, месяцами дышавший сыростью катакомб и подвалов, капеллан отец Франсуа пошатывался под промозглым небом Парижа. Холодный мартовский ветер задувал под полы сутаны и складки плаща. Башня Тампля — самое высокое здание Парижа, была видна со всех сторон. Глубокой ночью двое путников остановились недалеко от крепостной стены. Слева плескала волнами о дамбу неуютная Сена.

— Все, дальше я сам, — отец Франсуа поблагодарил Шарля и усмехнулся. — Не волнуйся, время арестов прошло, вокруг Тампля сейчас нет ищеек. Я возьму в руки крест, чтобы братья не приняли меня за беса. Мужайся, сын мой, скоро Париж станет свидетелем великого чуда!

Капеллан похлопал Шарля по плечу и направился к стенам Тампля. Секунда — и он как вода, попавшая на песок, словно растворился в камне.

Род людской всегда скор на расправу. Уже в полдень восемнадцатого марта на Камышовом острове напротив королевского дворца соорудили помост с высоким столбом посередине. Толпы людей обступали набережные и берега, пытаясь разглядеть представление. Кто-то хохотал, кто-то, пользуясь

моментом, втридорога продавал с лотков подогретое вино и пирожки. Были и такие, кто не таясь, плакал.

С набережной и из окон королевского дворца было хорошо видно, как широкая лодка подвезла двух седых бородатых людей к небольшому острову. Стариков вытолкали на берег. Их руки были связаны за спиной, потому от толчков и ударов старики постоянно теряли равновесие и спотыкались. Во второй лодке подплыло еще несколько людей в сутанах. По бурому цвету их одеяний легко распознавались инквизиторы — псы Господни. Обвиняемых в повторной ереси возвели на помост и прикрутили к столбу. Под него солдаты и сервы все утро укладывали тугие вязанки сухих сучьев и поленьев, для верности поливая смолой.

— Финита ля комедия! — с грустной усмешкой произнес Филипп. — Ведь я столько раз давал шанс этому болвану.

Из окон королевского дворца происходящее было видно как на ладони.

Вышедший вперед инквизитор развернул пергамент и долго зачитывал постановления суда. Привязанному к столбу беспомощному Великому Магистру кто-то надевал шутовской шлем с бесовскими рогами.

Наконец, пламя, перенесенное от зажженного факела, перебежало на вязанки хвороста, затрещало и стало жадно пожирать сухие сучья, все ближе подбираясь к человеческим пяткам. Потянул едкий дым. Когда огонь лизнул стопы ног Магистра и полы изодранной туники начали тлеть, а волосы на ногах затрещали и свернулись буро-черными крошками, Жак де Моле выгнулся от боли и закашлял.

Командор Жоффруа удивленно повернул шею:

— Что происходит, монсеньор?!

Но в ответ из-под маски на него глянули красные глаза, от дикой боли полные слез, и Жак де Моле прошептал:

— Прости меня, брат, но это не Саламандра!

Затрещала борода и длинные, как у пустынных пророков, свалывшиеся волосы. Столб зашатался, раскачиваемый

извивающимися в судорогах телами и сквозь застилавшие все вокруг клубы сизого дыма раздался пронзительный крик Великого Магистра:

— Эй, Филипп! Папа Климент! Рыцарь Гийом де Ногарэ! Не пройдёт и года, как я призову всех вас на Суд Божий! Я призываю проклятие на ваши лживые головы и весь ваш род до тринадцатого колена! Слышите?! Я проклинаяю вас!

Больше ничего не было видно.

Только дым, дым...

Через несколько минут крики затихли.

ЭПИЛОГ

Среди тысяч пар глаз, внимательно следивших за разговаривавшимся на Камышовом острове костром, была еще одна, наблюдавшая с верхнего этажа дома напротив Сены. Человек в черной одежде пристально смотрел, как бьется в судорогах Великий Магистр. Огонь разгорался все сильнее и сильнее и даже тому, кто именовал себя сарацинским писцом, на минуту вдруг стало жарко. Он откинул капюшон и снял прикрывавший лицо черный платок. Если бы кто-нибудь в этот момент оказался рядом, то увидел бы на его лице странный ожог, напоминавший отпечаток шпоры.

— Вот и все. Жак де Моле, некому переводить твои письма.

Ночью, когда толпы зевак разошлись, а угли на Камышовом острове превратились в серый пепел, к острову причалили лодки. Несколько человек, крестясь, и становясь на колени, собрали останки обугленный костей. Для них это были уже святые мощи. Осторожно, боясь раздавить пальцами хрупкий прах, их завернули в белоснежный тамплиерский плащ. Потом с глубокой скорбью прочли заупокойные молитвы. Когда лодка уже собиралась отчаливать, один из людей все еще не отходил от костра.

— Эй, Жак, не тяни, сюда может подъехать стража.

Тот, кого называли Жаком, последний раз видел Магистра семь лет назад. Сейчас по возмужавшему лицу бывшего послушника Жака де Безансона текли горькие слезы. Он было сделал шаг к лодке, как среди пепла и углей что-то блеснуло. Жак нагнулся и поднял серебристую фигурку ящерицы, лениво изогнувшей массивную шею и хвост.

ВАРВАРА БОЛОНДАЕВА (ДАДЗЕ)

Родилась в прошлом веке на Кубани. Отсюда любовь к рыбалке и бескрайним просторам. Отец — правнук кузена Льва Николаевича Толстого, отсюда — любовь к литературе. Главной мечтой в детстве было купить лошадь. Когда купила лошадь, то поняла, что детство прошло. Объехала всю Россию от Хабаровска до Закарпатья. Закончила Ветеринарную академию. Живет в Москве. Отдыхает в глубинке. Работает бюрократом, подрабатывает журналистом. Неоднократно публиковалась.

АВТОР О СЕБЕ

По опроснику Марселя Пруста

1. Какие добродетели вы цените больше всего?

Великодушие, мудрость, порядочность.

2. Качества, которые вы больше всего цените в мужчине?

Ум, мужество, надежность.

3. Качества, которые вы больше всего цените в женщине?

Терпение, доброта, верность.

4. Ваше любимое занятие?

Иконопись, литература. Люблю рыбачить, собирать грибы, сплавать по рекам, ночевать у костра, ездить по монастырям. Сидеть за хорошим столом с друзьями. Просто бродить по лесу. Думать.

5. Ваша главная черта?

Вменяемость, я надеюсь. Со стороны виднее.

6. Ваша идея о счастье?

Счастья не может быть без мира в собственной душе.

7. Ваша идея о несчастье?

Причина страданий и несчастий — человеческие страсти.

8. Ваш любимый цвет и цветок?

Цвета — пастельные, цветы — живые.

9. Если не собой, то кем вам бы хотелось бы быть?

Умным человеком. Еще — афонским монахом.

10. Где вам хотелось бы жить?

Люблю Россию. Тянет на родину — Северный Кавказ, Кубань. Еще люблю Закарпатье. Там люди добрые.

11. Ваши любимые писатели?

Много, преимущественно, русские и зарубежные классики.

12. Ваши любимые поэты?

Ранний Есенин, Ахматова, Гумилев, Цветаева.

13. Ваши любимые художники и композиторы?

Художники — реалисты, музыка — под настроение. Люблю духовную, но у нее нет авторов.

14. К каким порокам вы чувствуете наибольшее снисхождение?

К порокам снисхождения не испытываю. К людям, подверженным им — да, скорее, жалость. Стараюсь никого не осуждать.

15. Каковы ваши любимые литературные персонажи?

Наверное, те, которые полюбились еще в детстве: Маугли, Рони дочь разбойника.

16. Ваши любимые герои в реальной жизни?

Каддафи, Паисий Святогорец.

17. Ваши любимые героини в реальной жизни?

Сестры Вера, Надежда, Любовь.

18. Ваши любимые литературные женские персонажи?

Смотри пункт 15.

19. Ваше любимое блюдо, напиток?

В еде абсолютно неприхотлива. Когда есть выбор, предпочитаю мясные блюда. Еще — настоящую азовскую тарань или сахалинскую вяленую корюшку с пивом.

20. Ваши любимые имена?

Имена близких людей.

21. К чему вы испытываете отвращение?

К клещам, плевкам на асфальте, человеческой подлости, воинствующему гомосексуализму.

22. Какие исторические личности вызывают вашу наибольшую антипатию?

Ленин, еще некий М. Пруст.

23. Ваше состояние духа в настоящий момент?

Духовный поиск.

24. Ваше любимое изречение?

Возлюби ближнего своего.

25. Ваше любимое слово?

Привет.

26. Ваше нелюбимое слово?

Выговор.

27. Если бы дьявол предложил вам бессмертие, вы бы согласились?

Бессмертие не по его части. Самым несчастным человеком на земле принято считать вечно живого Агасфера.

28. Что вы скажете, когда после смерти встретитесь с Богом?

Наконец-то! (если, конечно, этого заслужу)

АВТОР О «ТАМПЛИЕРАХ 2»

Трудно ли писать исторический роман? Какими качествами должен обладать автор, чтобы рассказать историю, случившуюся в далекую от нас эпоху?

Я увлекающийся человек, поэтому, если берусь за новый текст, то вживаюсь с головой. Поднимаю документы, скрупулезно изучаю быт, одежды, меню и массу других нюансов, поэтому сложно только поначалу. Потом герои начинают жить своей жизнью — только успевай записывать.

Роман «Тамплиеры 2» это не только описание реальных событий — взятия Иерусалима, но и изрядная доля мистики, ведь речь идет об одном из самых загадочных монашеских орденов в истории. Сказалось ли это каким-либо образом на вашей работе над романом?

Да, были и такие моменты. К примеру, с демоном Бафометом. Главу о пытке Гюи я придумала самой первой. Бафомет — всего лишь искаженное провансальским акцентом имя Магомет. Но, когда подняла исторические документы, то столкнулась с тем, что действительно был процесс, где тамплиера обвиняли в жертвоприношении идолу Бафомету младенца от совращенной девицы. Стало не по себе. И таких совпадений было несколько. Не то генетическая память, не то нашептывал кто-нибудь нехороший.

Главный герой романа, Гуго де Пейен, реальное историческое лицо. Каково ваше мнение об этом человеке? Типичный герой своего времени, или нечто большее?

Огромная ответственность писать о реальных людях. Выводы частного лица — автора могут оказаться ошибочными или некомпетентными, но на их основании будет формироваться мнение целого пласта людей — читателей. Поэтому стараюсь работать осторожно. Гуго для меня человек пламенной веры, самоотверженный, искренний, бескорыстный. Подражая древнехристианским аскетам, он жил на подаяние и отказался от имущества и земель. В то же время обоим Магистров хотелось показать в динамике. Преступление, наказание. Осознание того, что Жак де Моле сам решил идти на костер, чтобы искупить отступничество и малодушие, пришло в самый последний момент вопреки рассуждениям историков-атеистов — после того, как прочитала заметки Ногаре. Думаю, так оно и было.

Батальные сцены в романе впечатляют яркими деталями и натурализмом. Но это и понятно — «на войне, как на войне». Тем более, на средневековой. Жестокость же по отношению к мирным жителям — следствие религиозного фанатизма, или нечто более приземленное? Или это вообще свойство человеческой натуры, вневременное?

Основная масса крестоносцев — германцы и франки, полужызыческие народы, у которых воинственность в крови, а христианские идеалы не успели прижиться. Милосердие и жалость в их понятии были чем-то сродни малодушию.

Средневековые пытки вошли в историю как одни из самых жестоких и безжалостных. Не страшно было писать о них, не снились кошмары?

Ответ кроется в незрелых домыслах ранних католиков — чем сильнее муки неверного или еретика, тем больше у его души шансов спастись. Потому инквизиторы искренне старались. «Добрыми намерениями устлана дорога в ад» — как раз об этом. Писать — легко, а вот представить себя на месте заключенного — жутко.

Вороной конь по кличке Мистраль в романе показан как верный боевой друг Гуго де Пейена. Что вообще означал для рыцаря его конь?

«Наши жены — пушки заряжены». Рыцарь, шевалье, конунг, князь, кабальеро — означает всадник. Конь определял статус человека. Это было более весомо, чем Porsche Cayenne в наши дни.

Известно, что на печати тамплиеров было изображение двух всадников на одном коне. Согласно распространенному представлению, изображение символизировало заявленную бедность членов ордена. В вашем романе дается не менее интересная версия происхождения картины на печати.

История пишется людьми. Кто знает, как на самом деле было? Кстати, вчера мне подарили роскошный испанский меч. На рукояти — печать тамплиеров. Теперь я знаю имена всадников и имя коня.

Есть ли у вас опыт общения с лошадьми?

Да уж, прошлым летом падала пару раз на полном скаку.

Роман «Тамплиеры 2» является приквелом первой книги о храмовниках — в нем читатель узнает об истории обнаружения магических фигурок и создании ордена, а так же

о кровавых репрессиях. Но на этом история монахов-рыцарей не заканчивается? Проклятье сохраняет свою силу?

Если суждено будет появиться на свет «Тамплиерам 3», то вы узнаете ответы на все загадки.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЛОГ	4
--------------	---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая. Сон брата Сезара	8
Глава вторая. В лагере	20
Глава третья. В предвкушении	27
Глава четвертая. Штурм	33
Глава пятая. Взятие Иерусалима	42
Глава шестая. Разделяй и властвуй	56
Глава седьмая. Перелом	68
Глава восьмая. Фрески	76
Глава девятая. Литургия	87
Глава десятая. Да здравствует король!	89
Глава одиннадцатая. Sum cuique	96
Глава двенадцатая. Последний бой. Крах Аль-Афдала	103
Глава тринадцатая. Возвращение. Четыре года спустя	116
Глава четырнадцатая. Фигурки	129
Глава пятнадцатая. Аудиенция	135
Глава шестнадцатая. Конюшни царя Соломона	140
Глава семнадцатая. Иордан	147

Глава восемнадцатая. Тайна железной двери	155
Глава девятнадцатая. Каменоломни.....	162
Глава двадцатая. Тайна третьей двери	171
Глава двадцать первая. Союз девяти	178
Глава двадцать вторая. Хашишин	182
Глава двадцать третья. Рыцари Соломонова Храма	190

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава первая. Спустя два столетия	195
Глава вторая. План двух Гийомов.....	203
Глава третья. Почин.....	212
Глава четвертая. Клевета.....	222
Глава пятая. Донос	226
Глава шестая. Пятница, тринадцатое	235
Глава седьмая. Подполье.....	243
Глава восьмая. Проклятие Жака де Моле.....	253
ЭПИЛОГ.....	259

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА

ПРИБОРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **БУКВА**

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр.1, т. (495) 323-19-05
- м. «Алексеевская», пр-т Мира, д. 114, стр. 2 (Му-Му), т. (495) 687-57-56
- м. «Алтуфьево», ТРЦ «РИО», Дмитровское ш., вл. 163, 3 этаж, т. (495) 988-51-28
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, стр. 1, т. (499) 267-72-15
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, д. 22, ТЦ «Александр», 0 этаж, т. (499) 206-92-65
- м. «ВДНХ», ТЦ «Золотой Вавилон - Ростокино», пр-т Мира, д. 211, т. (495) 665-13-64
- м. «ВДНХ», г. Мытищи, ул. Коммунистическая, д. 1, ТРК «XL-2», 3 этаж, т. (495) 641-22-89
- м. «Домодедовская», Ореховый б-р, вл. 14, стр. 3, ТЦ «Домодедовский», 3 этаж, т. (495) 983-03-54
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18а, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул.Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м. «Коньково», ул. Профсоюзная, д. 109, к. 2, т. (495) 429-72-55
- м. «Крылатское», Рублевское ш., д. 62, ТРК «Евро Парк», 2 этаж, т. (495) 258-36-14
- м. «Марксистская/Таганская», Большой Факельный пер., д. 3, стр. 2, т. (495) 911-21-07
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4 этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, к. 2, т. (499) 306-18-98
- м. «Петровско-Разумовская», ТРК «XL», Дмитровское ш., д. 89, 2 этаж, т. (495) 783-97-08
- м. «Пражская», ул. Красного Маяка, д. 26, ТЦ «Пražский Пассаж», 2 этаж, т. (495) 721-82-34
- м. «Преображенская площадь», ул. Большая Черкизовская, д. 2, к. 1, т.(499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д.76, к.1, 3 этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Теплый Стан», Новоясеневский пр-т, вл.1, ТРЦ «Принц Плаза», 4 этаж, т. (495) 987-14-73
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15/1, т. (499) 977-74-44
- м. «Третьяковская», ул. Большая Ордынка, вл.23, пав. 17, т. (495) 959-40-00
- м. «Тульская», ул. Большая Тульская, д.13, ТЦ «Ереван Плаза», 3 этаж, т. (495) 542-55-38
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Шарицыно», ул. Луганская, д. 7, к.1, т. (495) 322-28-22
- м. «Шукинская», ТЦ «Шука», ул. Шукинская, вл. 42, 3 этаж, т. (495) 229-97-40
- м. «Юго-Западная», Солнцевский пр-т, д. 21, ТЦ «Столица», 3 этаж, т.(495) 787-04-25
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д.5, к.1, т.(495) 423-27-00
- М.О., г. Железнодорожный, ул. Советская, д.9, ТЦ «Эдельвейс», 1 этаж, т. (498) 664-46-35
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Зеленоград», Крюковская пл., д. 1, стр. 1, 3 этаж, т. (499) 940-02-90
- М.О., г. Клин, ул. Карла Маркса, д. 4, ТЦ «Дарья», 2 этаж, т. (496) (24) 6-55-57
- М.О., г. Коломна, Советская пл., д. 3, ТД «Дом торговли», 1 этаж, т. (496) (61) 50-3-22
- М.О., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 151/9, т. (495) 554-61-10
- М.О., г. Сергиев Посад, ул. Вознесенская, д. 32а, ТРЦ «Счастливая семья», 2 этаж
- М.О., г. Лобня, Краснополянский пр-д, д. 2, ТРЦ «Поворот»

Регионы:

- г. Архангельск, ул. Садовая, д. 18, т. (8182) 64-00-95
- г. Астрахань, ул. Чернышевского, д. 5а, т. (8512) 44-04-08
- г. Белгород, Народный б-р, д. 82, ТЦ «Пассаж», 1 этаж, т.(4722) 32-53-26
- г. Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- г. Волгоград, ул. Мира, д. 11, т. (8442) 33-13-19
- г. Воронеж, пр-т Революции, д. 58, ТЦ «Утюжок», т. (4732) 51-28-94
- г. Иваново, ул. 8 Марта, д. 32, ТРЦ «Серебряный город», 3 этаж, т. (4932) 93-11-11 доб. 20-03
- г. Ижевск, ул. Автозаводская, д. 3а, ТРЦ «Столица», 2 этаж, т. (3412) 90-38-31
- г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 46, ТРЦ «ГРИНВИЧ», 3 этаж, т. (343) 253-64-10
- г. Калининград, ул. Карла Маркса, д.18, т. (4012) 66-24-64
- г. Краснодар, ул. Головатого, д. 313, ТЦ «Галерея», 2 этаж, т. (861) 278-80-62
- г. Красноярск, пр-т Мира, д. 91, ТЦ «Атлас», 1, 2 этаж, т. (391) 211-39-37
- г. Курск, ул. Ленина, д. 31, ТРЦ «Пушкинский», 4 этаж, т. (4712) 73-45-30
- г. Курск, ул. Ленина, д.11, т. (4712) 70-18-42
- г. Липецк, угол Коммунальная пл., д. 3 и ул. Первомайская, д. 57, т. (4742) 22-27-16
- г. Орел, ул. Ленина, д. 37, т. (4862) 76-47-20
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 31, т. (3532) 31-48-06
- г. Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», 2 этаж, т. (8412) 20-80-35
- г. Пермь, ул. Революции, д. 13, 3 этаж, ТЦ «Семья», т. (342) 238-69-72
- г. Ростов-на-Дону, г. Аксай, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ «Мега», 1 этаж, т. (863) 265-83-34
- г. Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, к. 1, ТЦ «Виктория Плаза», 4 этаж, т. (4912) 95-72-11
- г. С.-Петербург, ул. 1-я Красноармейская, д. 15, ТК «Измайловский», 1 этаж, т. (812) 325-09-30
- г. Ставрополь, пр-т Карла Маркса, д. 98, т. (8652) 26-16-87
- г. Тверь, ул. Советская, д. 7, т. (4822) 34-37-48
- г. Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- г. Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- г. Тула, пр-т Ленина, д. 18, т. (4872) 36-29-22
- г. Тюмень, ул. М. Горького, д. 44, ТРЦ «Гудвин», 2 этаж, т. (3452) 79-05-13
- г. Уфа, пр-т Октября, д. 34, ТРК «Семья», 2 этаж, т. (347) 293-62-88
- г. Чебоксары, ул. Калинина, д.105а, ТЦ «Мега Молл», 0 этаж, т. (8352) 28-12-59
- г. Челябинск, пр-т Ленина, д. 68, т. (351) 263-22-55
- г. Череповец, Советский пр-т, д. 88, т. (8202) 20-21-22
- г. Ярославль, ул. Первомайская, д. 29/18, т. (4852) 30-47-51
- г. Ярославль, ул. Свободы, д. 12, т. (4852) 72-86-61

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»
или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковию:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, 232-17-06
факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

www.etnogenez.ru

Литературно-художественное произведение

Варвара Болондаева

ТАМПЛИЕРЫ 2

Книга вторая

След варана

Руководитель проекта Константин Рыков

Редакторы: Полина Волошина, Вадим Чекунов

Корректор Ольга Тот

Выпускающий редактор Дмитрий Гусев

Арт-концепт Алексей Маслов

Арт-директор, автор обложки Алексей Гонтов

Вёрстка Эрик Брегис

Аудиоверсия: Андрей Градобоев, Роман Галушкин

Хранители идеи: Елена Кондратьева, Александр Шмелев,

Сергей Пименов

Правовое сопровождение Александра Гаськова

ООО Издательско-торговый дом «Этногенез»

Россия, 107031, г. Москва, Звонарский пер., д. 4, стр. 1,

тел./факс: +7 (495) 668-37-40 (41)

www.etnogenez.ru

Подписано в печать 27.06.12 г. Формат 164х215

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура CharterC 12,4 pt

Условных печатных листов — 17

Заказывайте книги почтой в любом уголке России:

123022, Москва, а/я 71 «Книги-почтой»

или на сайте www.shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковию:

тел./факс: +7 (495) 259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в интернете на сайте www.ozon.ru

Издательская группа АСТ

www.ast.ru

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Информация по оптовым закупкам: +7 (495) 615-01-01, факс: +7 (495) 615-51-10

zakaz@ast.ru

Отпечатано в полном соответствии

с качеством предоставленного электронного оригинал-макета

в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»

432980 Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14

тел: (8422) 41-11-07

факс: (8422) 41-11-32